

Мещанов Юрий

Книга I

Единство государства

Рустовесское государство раскинулось между остатками Великого ледника на севере, Полуденным морем на юге, Вечерними королевствами на западе, и степями кочевников на востоке. Столетиями строили его древгородские князья, объединяя под своей державной рукой разрозненные земли и племенные союзы. Десятки тысяч воинов может выставить державный князь в случае новой угрозы. В закрома столицы каждый год стекаются налоги и подати с подвластных земель. Но вассальные князья уже обрели достаточную силу и влияние, чтобы бросить вызов державной власти. В истории Рустовесья открывается новая страница — хроника смуты.

Глава 1 Крепостная стена

Земля круглая — так говорили Древние. Девятко посмотрел вдаль. Он много раз слышал это выражение, но никогда не задумывался над его смыслом. Однако теперь, глядя из-за крепостных зубцов, он вспомнил о нём и сразу ощутил всю нелепость этих слов. Огромный красноватый шар вечернего солнца величественно полыхал над живописной равниной, заливая поля и леса золотым светом. Да, солнце круглое, но земля... До ночи оставалось ещё много времени и солнечные лучи были лёгкими и прозрачными, позволяя глазам легко различать даже самые удалённые предметы. На несколько мгновений Девятко вновь почувствовал себя ребёнком и с радостью поддался этому уютному чувству. Далеко за городом были видны распаханые поля, на которых работали люди, похожие издали на маленьких трудолюбивых муравьёв. Какие же маленькие люди и какая огромная в сравнении с ними земля! Но именно трудом этих маленьких людей земля была распахана, удобрена и засеяна. Их непрерывная работа забирала у почвы её невидимые богатства, обращая их в осязаемые овощи и фрукты, в еду, в жизнь. Девятко не видел с такого расстояния лиц людей, но знал, что эти люди радуются. Радуются тому, что собирают долгожданный урожай, который позволит им прожить ещё год, заплатить все необходимые налоги и подати, а может даже даст возможность отложить кое-что для себя и своих детей. За полями был виден лес, уже начавший окутываться лёгкой вечерней синевой. Крошечные ели слегка покачивались под дуновениями ветра. Правее, взору Девятко открывался вид реки. Могучая Рустовесь безмятежно катила свои воды мимо городских стен к юго-востоку, прямо в объятия далёкого Полуденного моря. По речной глади сновали туда и сюда похожие на маленьких жучков кораблики и лодочки, цепляясь за поверхность воды лапками вёсел. В основном это были торговцы и рыбаки, но была видна и пара княжеских боевых судов.

Девятко отошёл от зубца крепостной стены, сделал несколько шагов в сторону и ещё разок посмотрел на людей, суetyщихся в полях. Чувство детской безмятежности внезапно пропало. Ещё несколько месяцев назад он вместе с семьёй точно так же трудился в поле. Ухаживал за скотиной, помогал обрабатывать землю. Но урожай этого года семья соберёт уже без него. Он теперь не сельский житель. Теперь он младший стражник Большого державного отряда Дворцовой стражи, чья почётная обязанность это охрана Древгорода, а значит место его здесь, на этой крепостной стене. С его уходом на княжескую службу семья лишилась пары рабочих рук. Но, как сказал отец, одним ртом тоже будет меньше, а значит хуже жить они не станут, после чего благословил своего девятого сына на службу в Дворцовой страже. Когда смотритель увозил Девятко и ещё нескольких новобранцев в столицу, мать плакала, дала ему с собой в дорогу хлеб и кусок сыра. А отец строго посмотрел на неё. Мол, зачем реветь? Сын живой и здоровый, едет на державную службу, где его будут кормить и даже выплачивать жалование — радоваться надо! Он сможет завести свою семью, своих детей. Даже будет приезжать гостить к родителям. Жизнь продолжается. А урожай они соберут ещё до того как тёплый южный ветер сменится холодными северными ветрами, дующими с остатков ледника и приносящими суровую зиму. Амбары будут заполнены и сено накошено до того как мужчины начнут с наступлением холодов отпускать бороды. Всё будет хорошо.

Девятко крепче сжал в руке копьё и стал прохаживаться по своему участку стены взад и вперёд, как это и полагается стражнику, стоящему в карауле. Так почему же земля круглая?

Что это значит? Он никогда не интересовался какими-то заумными вопросами и читать не умел. Девятко больше нравилось работать, веселиться. В казармах он приобрёл вкус к ратным упражнениям. Но когда стоишь на посту, времени для посторонних размышлений очень много. Один из его старших братьев, Александр, вроде говорил ему когда-то про это изречение, объяснял, что оно означает. Но вот вспомнить бы, что именно! Эх, Александра бы сюда, он бы многое смог рассказать младшему стражнику. Брат его всегда интересовался грамотой и учёными вопросами. Жаль, что здесь, на юге, в Гужвоземье простому человеку негде было обучиться искусству зарисовывать слова. Храм Благопроявлений, главное хранилище мудрости в Рустовесской державе, был также главным ревнителем благоверия, выступавшим категорически против распространения грамоты среди простонародья. Они и князей-то учили только за большие деньги и с большой неохотой, что уж говорить о сельском жителе! Но отец смог отправить своего любознательного сына в другой предел Рустовесской земли, на запад, в Солоплаж. Мудрейший храма Сияя и Кипины был сторонником доступности грамоты для людей. Там, в Солоплаже, за небольшую плату Александр стал ищущим в становом подворье храма. Пожалуй, Александр смог бы объяснить своему брату смысл данной присказки.

Золото солнечного света стало более густым и тягучим. Ветерок более прохладным. Девятко был облачён в грубую рубаху, лёгкий кожаный панцирь и сферический шлем. Помимо копья ему выдали также щит. Когда он впервые поинтересовался у более взрослых стражников, зачем караульному на стене нужен щит, ему ответили, что во-первых, для порядка, а во-вторых, щит спасает не только от стрел и мечей. «Постоишь на стене зимой, порадуешься, что есть чем прикрыться от северного ветра!» Пожалуй, в их словах была правда.

В самом конце исчезающей за лесистым горизонтом дороги Девятко заметил какое-то движение. Стал приглядываться. Вдали появилась колонна тяжеловооружённой пехоты. Ратники в кольчугах и шлемах, несшие в руках большие щиты, положив копья на плечи, размеренным шагом двигались в сторону Древгорода. Колонну возглавлял одинокий конник. Барабан выстукивал бодрый походный ритм. Ещё через несколько мгновений Девятко разглядел герб, красовавшийся на развевавшихся над колонной знамёнах. Восьмиконечная серебряная звезда на красном поле — герб Дома Строговых, самовластных наследственных правителей Рустовесской державы. Переживать и поднимать тревогу не было никаких причин. Железное войско возвращалось после дневных тренировок в свои столичные казармы.

Отец Девятко и два его старших брата тоже служили в Железном войске державного князя. Правда, отец уже отслужил все положенные сроки и сейчас не числился в списках тяжёлой пехоты. Но он успел пройти славный ратный путь, участвовал во многих походах и сражениях. Самым трудным испытанием для него и для всей страны стало отражение нашествия киврийцев и вечерних королей, закончившееся семнадцать лет назад полным разгромом врага. Девятко с детства помнил рассказы своего родителя о той войне. Особенно часто отец вспоминал о своём участии в легендарной битве при Чёрном кургане на правом берегу реки Лантины. Девятко знал историю этой битвы наизусть. В тот день все воины сражались героически. От самого последнего ратника до самого первого князя. В том сражении погиб его самый старший брат, первенец отца, Завид, также бывший бойцом Железного войска.

Сам Девятко не помнил ни той войны, ни своего старшего брата. Он родился через два

года после изгнания врага. Интересно, увидит ли он на своём веку какую-нибудь войну? Вряд ли, с огорчением подумал Девятко. Уже семнадцать лет никакой враг не покушался на рустовесские земли. Мелкие набегив всяких кочевников и разбойников на окраины государства можно было в расчёт не принимать. Семнадцать лет царил мир — крестьяне спокойно пахали поля, торговцы торговали, охотники били зверя, ремесленники совершенствовали своё мастерство, а князья занимались только им ведомыми делами.

Может лучше стоило тоже поступить в тяжёлую пехоту? Четвёртый сын отца, его брат Арсений, так и сделал. Служба в Железном войске не была такой обременительной как в Дворцовой страже. Стражник был занят непрерывно, всё время находясь на службе. Лишь изредка тебя могли отпустить домой, чтобы ты проведаль свою семью. В Железном войске дела обстояли иначе. Каждый четвёртый боец три месяца в году находился в столице, ежедневно занимаясь воинскими упражнениями. Одну неделю зимой и одну неделю летом князь собирал Железное войско в полном составе, чтобы провести тренировки всей ратью. Это называлось действительная служба и за неё платили жалование и выдавали продуктивное содержание. А остальные девять месяцев пехотинец был дома и вёл хозяйство. Арсений уже прошёл действительную службу в этом году и сейчас был дома.

Девятко стало немного грустно. Но он отогнал от себя серые мысли. Нельзя же всю жизнь жить дома! Здесь у него появились новые друзья, новые знакомства, он сможет освоить воинское мастерство, дослужиться до старшего стражника, урядника, а может даже и смотрителя Дворцовой стражи. Тогда ему доверят десяток бойцов, а потом и сотню, он станет большим человеком! Да и жениться никто не запрещает. И жена его с детьми будут жить не в мызе, где и сотни крестьянских дворов не наберётся, а здесь, в столице Рустовесской земли. Так что грустить нет никаких причин.

Расправив плечи, Девятко более бодрим шагом стал ходить по стене. Древгород нельзя было сравнить не то что с его родной мызой, но и с самым крупным острогом, в котором молодому стражнику приходилось бывать за свою короткую жизнь. Самый большой город Рустовесской земли лежал сейчас перед ним как на ладони, большой и многолюдный. Все его жители уже не умещались в кольце крепостной стены, и множество домиков рассыпалось за её пределы, словно вода, растекающаяся по столу из переполненной чаши. В разных концах жили разные люди. Ратники, служащие управ, ремесленники, купцы, князья. Все занимались каким-то важным делом. Почти у всех здесь были жёны, дети, очень часто родители. Посреди этого людского раздолья, красовалась обнесённая стеной княжеская резиденция. Крепость в крепости — зерно из которого четыреста лет назад начал произрастать Древгород и всё Рустовесское государство. Над башенками резиденции трепещут на осеннем ветру знамёна с серебряной звездой клана Строговых. Там проживает державный князь и вся его семья. Там же находятся амбары с зерном и другим продовольствием, арсенал, наполненная золотом и серебром казна, а также казармы Старшей дружины и Малого державного отряда. Княжеская резиденция сможет выдержать осаду и штурм, даже если весь остальной город будет захвачен врагом. Гарнизон там являются около двухсот пятидесяти бойцов Малого державного отряда — одного из трёх отрядов Дворцовой стражи, можно сказать сослуживцы Девятко. Правда если его отряд, выполняет задачи городского гарнизона, то у Малого отряда обязанности более серьёзные и почётные. Поэтому там служат самые опытные и преданные семье Строговых воины.

Оно и понятно, хотя стражники они стражники и есть, слишком много от них не требуется. Вот Старшая дружина — другое дело. Туда берут служить сыновей только самых

знатных домов Гужвоземья. В Старшей дружине находят своё место многочисленные представители боковых ветвей, ближние и дальние родственники Великого Дома Строговых, что держат под своей державной властью всю огромную Рустовесскую землю. Это ударная сила всего рустовесского войска — закованные в железо конные латники. Каждый из них приходит на службу с собственным боевым конём, а вот оружие и доспехи выдаёт им князь из своих собственных арсеналов. И с того момента всю свою жизнь воины Старшей дружины посвящают боевой подготовке и военным походам. Они умеют сражаться и конными и пешими, и в доспехах и без. С таким воином в бою лучше не встречаться. Своя Старшая дружина есть и у каждого Большого Дома, что управляют от имени державного князя пределами Рустовесской земли. Правда, у державного князя в Старшей дружине полторы тысячи воинов, а у предельных князей по тысяче. Но сути дела это не меняет. Нет во всём государстве более подготовленных и отважных воинов чем эти. Вот бы научиться сражаться хотя бы в половину так как они! Девятко улыбнулся своим мыслям. Ему и в десятую долю так здорово не научиться драться как им. Он даже на коне не умеет ездить — только пахать и в телегу его запрячь. В их родной мызе лошадей использовали для работы, чтобы облегчать жизнь людям, а не для того, чтобы убивать их. Боевой конь — другое дело. Он и воспитан иначе и пахать на нём никто никогда не станет. Но... Во всяком случае Девятко сможет вдоволь наглядеться и на дружинников и на их коней. Да и много на кого ещё. Кто знает, сколько интересных событий может произойти за годы его службы? Жаль, что войны уж точно не будет.

Солнце стало совсем красным. Как знамя на котором сверкал серебром родовой герб правителей Рустовесья. Нижняя часть дневного светила уже коснулась линии горизонта. Тени стали более тёмными и увеличились в размерах, начав затапливать мраком пространство между домиками. Колонна тяжёлой пехоты уже вступила в посад и двигалась сейчас по одной из улиц прямо к воротам. Вдоль колонны бежали дети, смеялись и веселились. Ворота располагались левее того участка стены, на котором дежурил Девятко. Но воины были уже хорошо видны. Он различал острия копий, кольчужные сетки на шлемах, закрывающие лица, висящие у поясов короткие мечи и боевые топоры. Теперь был хорошо виден и возглавлявший колонну всадник. В прекрасных доспехах на красивом боевом коне ехал лично Кари, сын Михаила из Дома Слетаевых — князь-воевода Железного войска. Совсем скоро ворота откроются и уставшие после дневных упражнений воины вернутся в свои казармы.

Вид ратников Железного войска производил сильное впечатление. И ведь это только каждый четвёртый из его состава. А если собрать их всех вместе, добавить к ним Старшую дружину, вот было бы зрелище! А ещё собрать вместе воинов со всей Рустовесской земли. Но такое он вряд ли когда-нибудь в своей жизни увидит. Вместе они могут собраться только по одной причине — по причине войны. А кто посмеет напасть на них, когда страной правит такой могучий державный князь как наш? Которого так уважают все его подданные и так боятся все враги.

Девятко был готов поклясться чем угодно, что ни один враг не посмеет напасть, когда ими правит такой великий человек. И любое божество, которому молились в его семье могло бы подтвердить, что это правда — Юм, Кипина, Кеса, Зара и Жива. Даже их родители — Позар и Светлоба могли бы подтвердить правоту юного стражника. Хотя... Девятко на мгновение замялся. Слева донёлся скрип открывавшихся городских ворот и поторапливающие выкрики уставших пехотинцев. В мызе откуда он был родом все были

благоверами. И его отец и отец его отца и все его предки молились многим божествам, порождённым Позаром и Светлобой, хранившим жизнь людей с незапамятных времён. Как во время Эпохи Падения, так и во время Эпохи Благоденствия. Но были и те, кто не молился благим божествам, а утверждал одного бога — Элая. Элаитов было довольно много. Несколько семей в соседних мызах и хуторах приняли покровительство одного вместо многих. Но здесь, в столице, элаитов было ещё больше, чем Девятко мог предположить. Один из его сослуживцев ходит в бейту, где молится Элаю. Сам державный князь и вся его семья не так давно тоже перешли в элаитство. Будут ли благие божества подтверждать величие правителя, который их отверг? Девятко задумался ещё больше. Потом плюнул на это дело. Александр бы ему объяснил, что к чему, но он отправился в другой предел, постигать грамоту. Так что никто ему не объяснит ничего. А может и ему принять элаитство? Девятко поёжился. Нельзя предать веру своей семьи, божеств, защищавших его предков в течении множества поколений.

Солнечный шар наполовину провалился за край земли. Над городом зависла бледная луна. Девятко расслышал шаги, доносившиеся справа. Кто-то неторопливо шёл по стене. Кто бы это мог быть? И почему стражники, стоявшие на соседних участках стены никак не окликают идущего человека? В рубиновых лучах заката он увидел серую фигуру, приближающуюся к месту его караула. Сменщик? Вряд ли, ещё рано. Старший стражник? Урядник? Но у человека не было в руках копья, значит это не стражник. Девятко заметил ножны, висящие у пояса — меч. Так почему же его пропускают молча? Может тоже промолчать... Нет! Лучше прослыть слишком осторожным, чем невнимательным. Девятко повернулся к идущему, поднял щит к груди, а копье сжал правой рукой, выставив его чуть вперёд и крепко уперев древко в пол.

— Именем Дворцовой стражи, требую стоять на месте!

— Именем державного князя, приказываю пропустить!

Человек остановился и расправил плечи. Высокий рост, крепкое телосложение. Строгий спокойный взгляд. Девятко узнал Лесьяра, сына Красимира из Дома Строговых, державного князя Рустовесской земли. Несколько раз Девятко видел его издали, но так близко князь предстал перед ним впервые. Ведь более опытные стражники говорили, что Лесьяр периодически совершает прогулки по крепостной стене Древгорода. Иногда один, но чаще всего в сопровождении какого-нибудь воеводы, исправника Дворцовой, Тайной, Рубежной или Поместной стражи, или главного писаря одной из управ, ведавших разными вопросами государственной жизни. Но сегодня державный князь был один. Лесьяр слегка улыбнулся.

— Ты ведь совсем недавно поступил в Дворцовую стражу?

— Три месяца. Но... Как Вы догадались?

Князь ещё раз улыбнулся:

— Ты очень молод, значит служишь недавно.

Девятко смутился, мог бы и сам понять!

— Откуда ты родом? Кто твой отец?

— Я Девятко, сын Ярека из Подрубной общины, что в стане Стеклозёмского острога.

— Три дневных перехода от Древгорода. Твой отец был на державной службе?

— Да, в Железном войске. Сейчас там служит мой старший брат.

Лесьяр замолчал, явно что-то вспоминая. Крепко задумавшись, державный князь подошёл к зубцам крепостной стены и некоторое время смотрел за горизонт.

— Ярек из Подрубной общины Стеклозёмского острога... Он бился при Чёрном кургане

и там погиб его первый сын Завид?

— Да, всё верно.

— Твой отец и старший брат славные воины и хорошие люди. Как поживает твой родитель?

— Неплохо. Старый он уже, силы конечно не те, но он всё ещё бодр и крепок. В прошлом году его избрали старшиной нашей общины.

— Ну что же, будь достоин своего отца и братьев. Молодец, что не зеваешь на посту! Ты избрал трудный путь, но достойный.

Державный князь двинулся дальше. Девятко постоял немного, а потом вновь стал ходить по своему участку стены. Лесьяр, сын Красимира из Дома Строговых знает его отца и помнит, что брат сложил свою голову в битве при Чёрном кургане! Как бы не относились к нему божества или бог, а всё же нынешний державный князь великий человек!

Солнце окончательно провалилось за горизонт, уступив небосвод своей ночной сестре. Окрепшая луна засверкала в небе, окружённая яркими точками звёзд. Ещё немного и его сменит на стене другой стражник. Девятко же накормят и он ляжет спать в казарме Дворцовой стражи.

Глава 2 Державный князь

Первые лучи восходящего солнца только начинали ощупывать горизонт, когда Лесьяр Строгов закончил завтракать. Девушка из свиты его снохи торопливо убирала с княжеского стола посуду, пока сам князь всматривался сквозь толстые мутные стёкла окна за попытками выползающего из-под земли дневного светила отогнать от себя нависавшие с неба тучи, грозившие накрыть своей пеленой новорожденное солнце. Похоже, что сегодня борьба эта обречена. Жаль! Перед наступлением очередной холодной зимы было бы очень приятно поглядеть лишний раз на то, как небом безраздельно правит яркое солнце. Он повернулся к девушке, чтобы поблагодарить её, но Малая трапезная была уже пуста. Со стола унесены все остатки завтрака, только кувшин остался стоять нетронутым. Лесьяр подошёл к столу. Нет, его пустой кувшин был унесён, а это был новый, заботливо наполненный свежей колодезной водой. Пока девушка убиралась, он стоял к ней спиной, глядя в узкий проём окна и погружённый в свои мысли, и так увлёкся, что даже не сказал ей спасибо. Неудобно вышло... Ну да ладно! Знатные дома посылают своих дочерей в свиту к его снохе не для того, чтобы те там предавались безделью, а затем, чтобы юные девушки постигали трудную науку хранительниц домашнего очага. Его собственные дочери делали в свите то же самое. Свиты имели и ряд других, более важных целей, но Лесьяру не хотелось отвлекаться от мыслей о предстоящем дне. На нём лежало множество разнообразных дел, за которыми державный князь вполне мог забыть поблагодарить кого-то за что-то.

Выйдя в Большую трапезную, он приказал стражнику передать его сыновьям, чтобы они явились к нему.

— А где Всеслав и Лютогост?

Вопрос Лесьяр задал своему младшему сыну, тринадцатилетнему Петру, когда тот появился перед отцом без своих братьев.

— Всеслав сказал, что ему нужно что-то дописать и он скоро подойдёт. А Лютогост уже ушёл на тренировку в казармы Старшей дружины.

Да, это очень на них похоже, подумал Лесьяр. Можно было бы рассердиться и потребовать обоих к себе незамедлительно, но в этом нет необходимости. Ничего сверхважного и срочного отец от своих старших сыновей не хотел. Только поговорить немного, чтобы настроить их на дела предстоящего дня. Что пока обсудить с младшим сыном?

— Пётр, принеси светильник из Малой трапезной. Посмотрим, исправил ли ты своё незнание карты.

— Прямо сейчас?

— Почему бы и нет? — Лесьяр улыбнулся — Мой сын должен быть готов ко всему. Скоро в Древгород придут все предельные князья. Мало ли о чём может зайти разговор? Каково будет если окажется, что сын державного князя не знает расположение пределов его родной страны?

— Я уже исправил свои ошибки, сейчас ты сам в этом убедишься. Но... Зачем всем предельным князьям приезжать в Древгород? Ты созываешь Великий совет?

— Да. Будут решаться очень важные вопросы для жизни государства.

— Какие же?

— Скоро ты сам всё узнаешь.

Пётр слегка кивнул головой, давая понять, что ему всё ясно. Он посмотрел на отблески огня, горевшего в Малой трапезной и направился за светильником.

— Если приедут самые знатные князья Рустовесья, то я и правда не имею права выглядеть необразованным и недалёким человеком.

Большая трапезная представляла собой зал, в котором можно было накрыть столы для двух сотен гостей. Она располагалась в самом центре княжеской резиденции. Толстые стены, узкие прорезы окон с севера, запада и юга. С восточной стороны находилась стена, отделявшая Большую трапезную от Малой. На этой стене прадед Лесьяра Кирилл Строгий приказал написать фреску, изображавшую подробную схему Древгорода. Лесьяр около девяти лет назад дал указание вместо схемы столицы написать на стене карту всей Рустовесской земли. Схема же столицы была предварительно скопирована и отдана в архивы Дворцовой управы. Теперь все гости, принимавшие пищу в Большой трапезной могли лицезреть Рустовесскую державу во всё её великолепии. Мастера постарались на славу. Даже сейчас, в сером утреннем полумраке, можно было спокойно разглядеть реки и города.

Вернувшийся Пётр повесил светильник на специальное крепление, торчавшее с правой стороны от карты. Огонь осветил фреску подобно восходящему солнцу. Теперь всё Рустовесье открылось взору державного князя и его младшего сына.

— Начинай с юга, — сказал Лесьяр сыну, — а потом двигайся на север, как тебе будет удобно.

— Хорошо.

Пётр задумался на несколько секунд, потом начал говорить.

— Наше государство состоит из шести пределов. Южную часть державы занимает предел Гужвоземье, родовое владение нашего Дома. Его предельным городом и одновременно столицей государства является Древгород, стоящий на реке Рустовесь. В Гужвоземье проживает племенной союз Успонов, подконтрольный непосредственно нашему Дому.

Пётр обозначил движением руки границы Гужвоземья и указал на красный четырёхугольник, которым художник обозначил столицу. Потом рука юноши направилась на юго-запад, указав отцу место обитания племенного союза.

— Прямо на север от Древгорода находится предел Густошумье, наследственное родовое владение предельных князей из Большого Дома Юрьевых. Столица предела город Белошумье. Юрьевы контролируют два племенных союза — Густашумцев и Сваяльцев. Восточнее Юрьевых расположились Озеровы, владыки Старогулья и предельные князья Суломатя. В ведении Озеровых племенной союз Приплавтов. На востоке нашей державы находится предел Крайносточье. Им, от имени державного князя управляют предельные князья Булатовы. Их резиденция находится в Миргороде, что на слиянии рек Сувы и Лумы. Булатовым подчинён племенной союз Вилушканцев. На западе, вдоль берега Киврийского моря лежит предел Солоплаж. Там, в городе Удольчине располагаются предельные князья Волковы. Соответственно, им же подчиняются проживающие в Солоплаже Шумяне. И, наконец, самый северный предел Рустовесской державы это Хладоручье. Оно управляется из Камнеграда предельными князьями Клыкковыми. В Хладоручье никаких племенных союзов нет. Оно непосредственно граничит с Великим ледником.

— Вернее сказать, с остатками Великого ледника.

Пётр вздрогнул, когда незаметно подошедший Всеслав положил ему на плечо руку.

— Тьфу ты, напугал! Я и так с трудом не сделал ошибки, а ты ещё подкрадываешься. Я

совсем всё забуду. Думаешь, легко было выучить в каком пределе какой князь сидит? А ты мне такую мелочь предлагаешь запоминать.

Не смотря на раздражённый тон, Пётр улыбался.

— Ничего страшного, выучишь! Я в твои годы тоже никак не мог её запомнить. Но ничего сложного нет, это так же как писать и читать. Главное, запомнить какой значок что значит, и карта сама всё тебе расскажет. Как и книга.

Лесьяр пристально посмотрел на своего наследника. Всеслав обманывал младшего брата. Он хорошо умел читать карты и схемы уже к девяти годам, проявив интерес к ним ещё до того как наставники стали его обучать. Но он явно не хотел расстраивать Петра, которому наука не давалась так просто. Князь указал сыновьям на скамьи, расставленные вдоль стен:

— Давайте сядем. Всеслав, чем ты был так занят, что не пришёл сразу?

— Прости отец, я читал отчёты Чеканной управы. Судя по всему, никаких проблем с налогами не будет. Все пределы и племенные союзы выполняют свои обязательства в срок и в полном объёме.

— Я знаю. Прежде чем начинать писать отчёты, главный писарь приходит ко мне на доклад.

Всеслав слегка смутился. Пальцами левой руки он постучал по скамье, а правой рукой сделал растерянное движение в воздухе.

— О... Я... Мне следовало помнить, что ты всегда сам проверяешь отчёты.

— Ты поступил правильно. Правитель должен лично вникать во все дела государства, если не хочет стать заложником своих советников.

Лесьяр был доволен, что его наследник проявляет активный интерес к государственным делам. Старший сын был его первым помощником и частым собеседником. Сейчас державный князь хотел ещё раз обсудить ряд вопросов в присутствии Петра. Младший сын не питал особой склонности к политическим вопросам, но когда Лесьяр упомянул о Великом совете, в его глазах блеснуло любопытство. Моментом надо было пользоваться.

— Сегодня мы будем писать письма всем предельным князьям, — сказал Лесьяр, — Пришло время начинать воплощать в жизнь то, к чему мы готовились столько лет.

К своему удовольствию державный князь заметил, что Пётр внимательно слушает каждое его слово.

— И к чему же мы готовились?

— Мы готовились начать укрепление государства. Это жизненно необходимо, так как наши враги непрерывно усиливаются. Киврийцы и вечерние короли так и не простили нам своего поражения в войне. Они объединяются и их союз не предвещает ничего хорошего. Кочевые племена востока сейчас тоже сильны как никогда. Если враги начнут натиск с востока и запада, то мы будем раздавлены. Наша страна лишена настоящего единства. Предельные князья всё больше тяготеют нашей над ними властью, начинают ощущать себя самовластными правителями. А нам нужно держаться вместе, действовать как одно целое.

Пётр был встревожен тем, что говорит ему отец.

— Но ведь в случае нападения врага ты сможешь собрать под своими знамёнами все войска Рустовесской земли?

— Надеюсь, что да. Но ты верно заметил, что у нас нет единого войска. Каждый предельный князь владеет своими собственными отрядами. И за кого они пойдут воевать, если он потребует от них отстоять с оружием в руках его интересы?

— Как же нам быть?

— Как я уже говорил, единственный выход это укрепление государства. Запад и восток не начнут войну немедленно. У нас есть несколько лет для объединения страны. Как быть? — Лесьяр взял младшего сына за руку, — прежде всего не бояться. Нужно действовать чётко и решительно. Но при этом постепенно. Мы начнём с...

— Зачем же постепенно? Если ситуация действительно такая опасная, то нужно действовать быстро! — Пётр встал со скамьи и сделал несколько шагов, — просто прикажи князьям сдать свои войска под наше командование. Если кто-то будет возмущаться слишком сильно, отдай их предел более верным людям. Ты ведь державный князь, ты обладаешь безграничной властью!

Такой нетерпеливостью Пётр напомнил Лесьяру его второго сына — Лютогоста, тренировавшегося сейчас в казармах Старшей дружины. Он улыбнулся.

— Только крестьяне и рядовые ратники думают, что у меня безграничная власть. Любой, кто командовал хотя бы сотней знает, что чем больше у тебя подчинённых, тем больше ограничений. Всегда нужно учитывать и настроения и возможности тех, кем ты управляешь. А когда речь идёт о целой стране, где переплетены интересы множества людей, то безграничная власть вообще исчезает как призрак.

Пётр не стал возражать отцу. Осеннее небо плотно заволкло тучами, но день уже твёрдо вступил в свои права. В Большой трапезной стало совсем светло. Карта Рустовесской земли стала видна уже во всех подробностях и Всеслав затушил ставший ненужным огонёк светильника. Разговор шёл ещё некоторое время, потом Лесьяр отпустил своих сыновей.

Державный князь был благодарен Единому Богу, за то что он послал ему трёх крепких сыновей. Жаль, что Элай не одарил их талантами равномерно. Его старший сын и наследник Всеслав обладал острым умом, был очень начитан, использовал любую возможность, чтобы пополнить свои знания и всегда интересовался государственными делами. Он понимал отца и его решения с полуслова. Но при этом не очень любил воинские упражнения. В более ранние годы приходилось постоянно напоминать ему о необходимости поменять перо или книгу на доспехи и меч.

Нарекая второго своего сына Лютогостом, Лесьяр не ошибся. Мальчик с самого раннего возраста проявлял твёрдость характера, решительность, очень хорошо ориентировался в быстро меняющейся обстановке боя. Ратное дело было его самым любимым занятием. С годами Лютогост превратился в прекрасного бесстрашного воина, мастерски владеющего любым оружием. К гордости Лесьяра, равных Лютогосту бойцов не было ни в Старшей дружине, ни в Знаменном отряде. Когда два года назад старший пристав Южного Щита Рубежной стражи попросил державного князя помощи в организации похода против племён, совершавших набеги с Мирлийских гор, Лесьяр назначил командиром отряда своего второго сына. Как покажет себя сын, если вместо учебных поединков доверить ему настоящее дело? К радости отца, Лютогост не посрамил чести своего Дома. Возглавляемые им отряды нанесли мирлийцам сокрушительное поражение. Но Лютогост не обладал таким острым умом как его старший брат. Книги он не любил, на учёбу его приходилось отправлять, прогоняя из казармы. Все решения, чуть более сложные чем средние требовали для Лютогоста детального пояснения. При этом на лице сына появлялось недовольное выражение.

У Петра был добрый и отзывчивый характер. В целом, он был очень хорошим парнем, но совершенно безразличным как к войне, так и к государственным делам. Лесьяр с горечью понимал, что младший сын одинаково не любит ни думать, ни сражаться. Ещё тревожило

державного князя, что его сыновья были не слишком близки между собой. Всеслав не очень любил ратные упражнения, Лютогосту были неинтересны книги, а Петра не заботило ни то, ни другое. Но Лесьяр знал, что может сделать братьев если не лучшими друзьями, то по крайней мере способствовать тому, чтобы они стали ближе. Последний год он стал больше времени проводить с Петром. Брал его на охоту, на воинские смотры, водил на плац и давал сыну книги, постоянно интересуясь, его мнением о прочитанном. Мир в семье способствует её здоровью, а если эта семья ещё и правит целой страной, то от её единства зависит безопасность государства!

В покоях стояла звенящая тишина. Преклонивший колени Лесьяр Строгов не слышал ни единого шороха. Городской шум сюда не долетал, не топали за дверью ни его домашние, ни стражники. Не скреблись по углам мыши. Летом можно было услышать жужжание мухи или писк комара. Но лето ушло, забрав с собой своих крылатых слуг. Лесьяр не слышал ничего, даже биения сердца и своего собственного дыхания. Единый Бог не нуждался в тишине, чтобы внимать молитвам своих созданий. Он мог слышать любое обращение. Не важно произнесено оно в темноте, при свете дня, в глухой тишине или в грохоте сражения. Сам Строгов ещё во время последней войны видел как молились ратники-элаиты. Во время обращения к Элаю им не мог помешать даже шум военного лагеря. Лесьяр тоже вырабатывал такую привычку, но всё же полная тишина более благоприятствовала молитве.

У державного князя было много просьб. Их и не могло быть меньше. Крестьяне просили здоровья близким и урожайного лета. Купцы просили здоровья близким и выгодной торговли. Ремесленники просили здоровья близким и мастерства. Ратники просили здоровья близким и силы в бою. Все начинали с воздаяния хвалы Элаю. Лесьяр Строгов начинал молитву так же, но продолжал её иначе.

Он был главным защитником страны и не раз рисковал жизнью на поле боя ради её безопасности. Если будет нужно, он опять возьмёт в руки щит и копьё, вновь сядет на боевого коня. Но силы людские одно, воля Бога совсем другое. Лесьяр просил Единого Бога защитить Рустовесскую землю от внешнего врага и от внутренних угроз. Молил о защите для всех его подданных. Просил защитить его семью.

Если на то была воля Элая, пусть дарует державному князю сил и здоровья, чтобы он мог довести до конца все задуманные государственные дела. Пусть даст здоровья, ума и сил всем его детям.

Никогда не забывал Лесьяр Строгов упомянуть в молитвах и любимую жену свою, Раду, умершую пять лет назад. Каждый раз при воспоминании о ней боль пронзала его душу. Он сильно переживал, что не принял элаитства раньше, когда Рада была ещё жива. Но ничего нельзя изменить, его супруга умерла не под защитой Элая, а под тенью старых, ложных божеств. Её отдали огню по обрядам благоверов. Тем не менее державный князь каждый день молил Элая о том, чтобы он принял душу его супруги в число ангелов, призванных умножать гармонию в иных кругах мироздания.

Зима, супруга его старшего сына Всеслава, сидела недалеко от входа в женскую половину резиденции. Находясь на этом месте, она приветствовала всякого, кто приходит. Обычай требовал, чтобы женской половиной руководила жена правящего князя. В случае её

смерти, эта почётная обязанность возлагалась на жену наследника. Юная супруга Всеслава пока ещё не освоилась в свалившейся на её голову почётной обязанности. Было заметно как она стесняется.

Её можно было понять. Девушка из Малого Дома князей Витвиновых, что проживают в Хладоручье, с детства готовилась быть отданной замуж за представителя такого же мелкого Дома, может быть даже за дружинника или купца. И вдруг, неожиданно для неё и для всего государства, она становится женой наследника Рустовесской державы. Все были удивлены, многие раздосадованы, а некоторые даже оскорблены таким решением Лесьяра. Несколько лет державный князь вёл переговоры, пытаясь получить в жёны своему наследнику представительницу одного из знатных семейств, правящих в Содружестве Единого, находящемся далеко на юге, в странах, где никогда не падает снег. Но переговоры ни к чему не привели. Тем временем Всеслав стал встречаться с дочерью одного из Ратных Домов, владеющих мызой недалеко от Древрограда. Было видно, что сын любит эту девушку. Однако, любовь не затмила его разум, наследник понимал, что его брак с представительницей столь незначительной семьи невозможен. Поговорив с сыном, Лесьяр убедил его прервать отношения и пообещал найти ему жену в ближайшее время. Исходя из того, что породниться с южными правителями не удалось, пришлось выбирать невесту в Рустовесской земле. Но брак наследника престола не может быть заключён не из политических соображений. Перед взором Единого Бога его женой стала Зима Витвинова, представительница среднего слоя рустовесской знати. К своему сожалению, Лесьяр чувствовал, что Всеслав не любит свою молодую супругу. Хотя и держится с ней очень уважительно. Но страшного ничего не было. Любовь в политическом браке дело не самое главное. Тем более, что у молодых впереди ещё вся жизнь, чтобы наладить отношения.

Державный князь не раз слышал быстро разошедшуюся шутку о том, что «мало того, что каждый год холодный ветер приносит с севера зиму, так Лесьяр ещё и сам привёз Зиму в жёны своему старшему сыну». Шутка действительно была забавная. Сам князь подумал о том, что имя у девушки весьма символичное только когда эскорт уже ехал на юг. Острые на язык шутники не только подумали, но и воплотили совпадение в насмешку. Лесьяр заметил, что насмешка эта довольно болезненно воспринимается его снохой. Улучив момент, он посоветовал ей принять ухмылки как должное и не обращать на них никакого внимания. К радости Лесьяра, Зима успешно воспользовалась его советом. И даже несколько раз отражала чужие уколы тем, что её, в отличие от зимы, принёс не ветер с ледников, а княжеские корабли. И, в отличие от своей снежной тётки, которая приходит и уходит каждый год, жена Всеслава пришла один раз и надолго.

Девушка привстала и слегка наклонила голову, приветствуя главу клана Строговых. Стесняется. Ещё заметно. Но ничего, это дело наживное. Главное, чтобы она смогла подарить Всеславу здоровых и крепких детей. К сожалению, первые роды у девушки прошли неудачно. Зима родила девочку, которая через три дня умерла от лихорадки. Прошло примерно полтора года и теперь сноха державного князя вновь была в положении. Остаётся только молить Элая о том, чтобы на этот раз Зима подарила ему здорового и крепкого внука.

Лесьяр прошёл дальше. Вторая его сноха, Элли, жена Лютогоста, сидя на скамье у стены нянчила двух крепких грудных малышей — Кузьму и Фёдора. Глаз радовался, наблюдая за этой картиной. В свои семнадцать лет Элли смогла сделать то, что не получилось у Зимы в девятнадцать. Может нужно было женить Всеслава на Элли? Но нет, решение о браке диктовалось не столько необходимостью продолжения рода Строговых, сколько

политическими соображениями. Он поехал в Хладоручье, чтобы привести оттуда жену для своего старшего сына не из-за блажи или глупости. Имел место политический расчёт. Происхождение жены наследника престола из малозначительного Дома не позволяло никому из Больших Домов укрепить своё влияние на центральную власть. Элли, дочь Пахома, происходила из дома Каплиных, боковой ветви Дома Волковых, предельных князей Солоплажа. Так что делать её женой Всеслава было бы неосмотрительно. Значит всё было сделано правильно.

Две его дочери, Дарина и Нина, вышли к отцу как раз когда он закончил разговаривать с Элли. Шестнадцатилетняя Дарина и десятилетняя Нина были копиями своей матери. Девочки наперебой стали рассказывать Лесьяру про то, какие узоры они научились вышивать и какие обязанности по хозяйству им доверят сегодня. Державный князь выслушал дочерей с вежливой улыбкой. Когда Нина отошла, чтобы показать отцу узор, вышитый её собственной рукой на льняной рубахе, отец заговорил с Дариной. Дочерей было можно и нужно использовать для укрепления страны.

— В прошлом месяце тебе уже исполнилось шестнадцать.

— Да.

— Значит, настало нам время подумать о твоём грядущем замужестве.

Дарина улыбнулась и немного смутилась. На её красивых щеках выступил лёгкий румянец.

— Да, отец. Но... Кого ты выберёшь мне в мужа? Это чужеземец или сын нашей Родины? Он стар или молод?

— Пока ещё нужно обо всём договориться, чтобы решить окончательно. Это достойный человек. Из наших земель. Он очень молод, всего на пару лет старше тебя. К тому же представитель очень влиятельного и мощного Дома. Пока никому не рассказывай. Просто будь готова к тому, чтобы во второй половине ветреня выглядеть как красное солнышко.

Лесьяр положил правую руку на плечо Дарины и слегка потрепал её, чтобы приободрить. «Будь готова предстать во всей своей красе». Лицо дочери озаряла улыбка. Державный князь порадовался, увидев в глазах Дарины не только детскую радость, но и взрослую серьёзность. Он обратился к снохе:

— Зима, проследи, чтобы женщины вовремя прибыли на таинство Единения.

Когда трапеза закончилась и все яства были убраны, на столах осталась только пара глиняных кувшинов, наполненных пивом. Сидящие за столом мужчины держали в руках деревянные кружки, в которых под снежными шапками пены также отсвечивал янтарём ячменный напиток.

Лесьяр Строгов внимательно оглядел присутствующих. Кроме него было ещё шесть человек — два его сына, а также четверо других обличённых властью людей, занимавших важные должности в устройстве Рустовесского государства. Догадываются ли они почему державный князь именно их оставил за своим столом, когда трапеза закончилась и все разошлись? Всеслав понимал, это было заметно. Он сидел выжидая, что скажет отец и лишь слегка прихлёбывал из своей кружки, больше за компанию. Степан Глазков, исправник Тайной стражи тоже сразу понял, что предстоит серьёзный разговор, а не простые посиделки. Лесьяр слегка хмыкнул. Если бы исправник Тайной стражи не догадался, его стоило немедленно сменить. Но он был не из таких людей. Свою должность исправник

получил не из-за знатного происхождения — Глазковы были Малым Домом, владевшим небольшим острогом у подножия Мирлийских гор. Тайная стража была отдана ему из-за острого ума, организаторских талантов, знания множества языков и, конечно же, безграничной преданности клану Строговых.

Другие явно не очень понимали почему державный князь оставил их здесь. И поэтому вели весёлую застольную беседу. Лесьяр мысленно махнул на них рукой. От этих людей нужна преданность и храбрость в бою, а не такой острый ум, который необходим наследнику престола и начальнику Тайной стражи. Хотя Лютогост и мог бы догадаться, если бы немного подумал. Но его второй сын не думал, а рассказывал.

— Короче говоря, есть в Крайносточье один Малый Дом — Лютогост назвал никому не известную из присутствующих фамилию — Не знаю почему, но кому-то из божеств, может быть Море или Мроку, они очень сильно полюбились. Четыре поколения подряд медведь убивал глав Дома, когда они находились в самом расцвете сил. Они могли десятки раз ходить на охоту. На медведей, лосей, кабанов и ничего не случалось. Но стоило человеку достичь расцвета, как судьба его была предрешена.

— Да совпадение простое! — отмахнулся Захар Строгов, воевода Старшей дружины.

— Первые два поколения все так и думали. Но третий и четвёртый раз уже не могло быть речи о совпадениях. Никакие травли не помогали. Всякий раз находился медведь, появлявшийся из ниоткуда и исчезающий также в никуда.

— Злой дух? — спросил Кари Слетаев, князь-воевода Железного войска.

— А кто же ещё? — Лютогост отпил большой глоток пива — Медведь нападал всегда в самый неожиданный момент и убивал только главу Дома. И вот глава этой семьи, что взял над ней власть в пятом поколении решил покончить с проклятием, поразившим его род. Когда появились у него дети, влияние, достиг он полных своих сил, то в один прекрасный день просто взял рогатину и пошёл в лес. Все его отговаривали, указывали ему на судьбу отца, деда и прадедов, но он был непреклонен. Взял и ушёл. День его нет, два его нет. Жена, дети и все близкие уже начали оплакивать своего кормильца как покойника, костёр готовить для его растерзанных останков.

— И что, его никто искать не пошёл? — перебил рассказ брата Всеслав.

— Ну... Не пошли. Видимо, он предупредил, чтобы не искали. Да не в этом дело! Через четыре дня является он в свой острог со шкурой здорового медведя. Много лет назад это было. Сейчас тот князь уже стар, внуки есть. Но главное что он жив! Всю жизнь прожил.

— Значит снял он проклятие со своего Дома? — поинтересовался Николай Строгов, исправник Дворцовой стражи.

— В этом и загвоздка! — Лютогост стукнул деревянной кружкой об стол — Никто не знает! Совсем их тот злой дух в покое оставил или следующие главы Дома тоже должны будут уходить в лес с рогатиной в руках, чтобы завоевать себе право дожить до внуков.

Кари Слетаев попытался что-то сказать, но Лесьяр Строгов перебил его. Пора было заняться государственными делами. Для этого собираются обличённые властью люди. Травить байки могут дружинники в кабаках, он собрал их здесь не для того. Чтобы настроить присутствующих на нужный лад, Лесьяр решил напомнить всем прописную истину, с которой наставники начинают обучение юных князей:

— Мы, как представители княжеских Домов, не работаем в полях. Пища появляется на наших столах без приложения к тому усилий с нашей стороны. Мы не куём железо, не занимаемся ремёслами. Но у нас в достаточном количестве всего, что необходимо нам для

поддержания быта. Простонародье передаёт нам всё это, освобождая нас от необходимости постоянно работать своими руками. Но не просто так. В обмен мы передаём нуждам страны своё время, свои силы, свой ум и свою кровь. Я собрал всех вас здесь не ради увеселения. У нас есть важные дела, которые нужно решить безотлагательно.

Присутствующие немедленно притихли. Лесьяр не спеша обвёл всех испытующим взглядом. Легкомыслие быстро исчезло с лиц собравшихся. Теперь можно было приступить.

— Сегодня я напишу пять писем с приказами. К двадцатому числу месяца ветреня все предельные князья должны будут явиться в Древгород. Мы собираем Великий совет.

— Мудрейшие? — спросил Захар Строгов.

— Мудрейшие храмов Пресветлых богов не будут поставлены в известность, — ответил Лесьяр. — Захар, ты должен будешь разместить бойцов предельных князей в казармах Старшей дружины.

В глазах воеводы отразилась растерянность, смешанная с возмущением:

— Пять предельных князей со своими дружинами... Это пять тысяч конных воинов, не считая их походных слуг. Мои казармы вместительны, но даже там нет столько места!

— Не волнуйся, каждому князю будет разрешено взять с собой не более ста дружинников.

— Уже легче. Пятьсот бойцов я найду где расположить!

Державный князь обратился к своему двоюродному брату, командовавшему Дворцовой стражей:

— Николай, на тебя, как на исправника, возлагается важная задача. Дворцовая стража должна обеспечить идеальный порядок в Древгороде.

Николай Строгов коротко кивнул:

— Всё будет сделано.

Лесьяр перевёл взгляд на Степана Глазкова. Исправник отодвинул нетронутое пиво в сторону.

— Тайная стража сегодня же разошлёт письма всем предельным князьям. Выбери самых лучших и надёжных гонцов. Какова обстановка в пределах?

— Пока всё тихо. Никаких серьёзных изменений за последний месяц не произошло. Предельные князья чувствуют себя хозяевами и не ожидают никаких проблем.

— Что же, настало время их слегка расшевелить. Как дела в Миргороде?

— Там по-прежнему напряжённо, но без изменений. Я считаю, что в ближайший год нужно ожидать смуту в Крайнестьче, — исправник Тайной стражи никогда не ограничивался простым перечислением фактов, всегда указывая возможные варианты развития событий и предлагая способы решения проблемы. — Мы должны быть готовы поддержать Деяна Булатова войском.

Лесьяр Строгов согласно покачал головой.

— Безусловно. Но я планирую поддержать юного князя не только войском, но и политически.

— Каким образом? — поинтересовался Лютогост.

— Через династический брак. Если он станет моим родственником, то это заставит его врагов умерить свой пыл. Во время визита Деяна Булатова на Великий совет, я улажу с молодым князем все вопросы. Ему нет смысла отказываться, а мы укрепим своё влияние в Крайнестьче.

— С Мириной так не получилось, — заметил Лютогост.

Мирина, старшая дочь Лесьяра Строгова, много лет назад была отдана замуж за Видогоста Булатова из тех же самых соображений. Тогда казалось, что это наилучший вариант. Видогост, дядя нынешнего предельного князя Крайнесточья, и сейчас был наследником Миргорода, а десять лет назад ни у кого не было сомнений, что именно он займёт место своего старшего брата. Деян, единственный сын Благослава, был слаб и часто болел. Не рассчитывая на здоровье ребёнка, Лесьяр выдал свою первую дочь замуж за наиболее вероятного наследника. Но жизнь опрокинула все расчёты державного князя. Деян вырос крепким юношей, стал владыкой Миргорода, очень сильно расстроив тем самым Видогоста, и посеяв в его разуме мысли о необходимости свергнуть племянника силой. Мирина же полностью встала на сторону своего мужа. Жажда власти делала Видогоста вероятным врагом державного князя, обязанного поддерживать законность в подконтрольных пределах. Интересы государства заставляли Лесьяра Строгова опираться на юного Деяна Булатова. Державный князь горько улыбнулся.

— Что сделано, того уже не исправишь. Если бы Видогост законно стал предельным князем Крайнесточья, он был бы нашим союзником. Но его желание взять власть во что бы то ни стало, делает его нашим врагом и заставляет сделать ставку на Деяна. В любом случае проблемы Миргорода и семьи Булатовых это лишь часть общегосударственных проблем. Мы много лет готовились начать преобразования. Теперь время пришло. То что мы будем делать, грозит многими опасностями. Но если не делать ничего, это ещё опаснее. На мой взгляд события могут начать развиваться по худшему для государства сценарию. Он таков. Самыми опасными являются князья Озеровы.

Степан Глазков, кивнул головой, поддерживая тем самым точку зрения державного князя. Лесьяр тем временем продолжал:

— Чернек Озеров твёрдый и искренний защитник старых порядков. Как в политике, так и в религии. Вейкко, мудрейший храма Юма и Живы, его близкий друг. Так же Чернек наиболее болезненно из всех предельных князей относится к граничению своей власти. Таким образом, Озеровы вполне могут выступить в открытую. Вполне возможно, что их поддержат Юрьевы.

— Значит, возможна война? — уточнил Захар Строгов.

— При самом худшем варианте развития событий, да. Но она не будет слишком долгой. Клыкеры полностью на нашей стороне. Волковы тоже. Булатовы, не смотря на все их проблемы, выставят своё войско против мятежников. Озеровы и Юрьевы будут окружены со всех сторон и быстро раздавлены. Но это при самом худшем варианте. Наша задача заключается в том, чтобы он не состоялся. Но мы должны быть к нему готовы, — Лесьяр обратился к Кари Слетаеву. — Ты как князь-воевода Железного войска продолжишь усиленные тренировки воинов.

— Всё по планам.

— Всеслав, Лютогост, вы постоянно будете рядом со мной, принимайте участие во всех делах. Всеслав, помимо всего прочего ты примешь участие в Великом совете.

Все присутствующие выразили своё удивление решением Лесьяра. Всеслав не был исключением:

— Отец, но так нельзя. Наследники не имеют права участвовать в Великом совете.

— Это очень хорошая возможность поучиться и познакомиться с подданными. Будешь сидеть, слушать, смотреть и молчать. Я так сказал!

Державный князь посмотрел в окно, где за мутными толстыми стёклами уже наступила

темнота.

— Думаю, мы решили все необходимые вопросы. А теперь идём в канцелярию Тайной стражи. Нам ещё писать письма.

Ночь уже полностью овладела Древгородом, когда державный князь со своими сыновьями покинули палаты канцелярии. Не доходя нескольких сотен метров до ворот княжеской резиденции, Лесьяр Строгов оставил своих сыновей и повернул на другую улицу. Братья понимающе переглянулись.

Богатый деревянный терем, украшенный резными фигурами, был хорошо заметен даже во мраке ночи. Знакомый прислужник привычно провёл князя через двор в покоевые хоромы. Громко постучав в дверь, прислужник, открыл её, пропуская Лесьяра вперёд. Сидевшая на скамье за столом красивая женщина, увидев князя радостно заулыбалась и встала ему навстречу.

Ольга, тридцати семи лет от роду, была вдовой богатого купца. Шесть лет назад её муж повёз товары на юг, но был убит морскими разбойниками с Мирлийских гор. Через два месяца после его гибели Ольга пережила очень тяжёлые роды. Дочь, которую они с мужем так ждали, родилась мёртвой. Но опорой вдовы стали сыновья. Их старший сын продолжил дело своего отца. Вторым служил писарем в Законной управе. Двое других учились за деньги в школе у благоверов.

Пять лет назад Ольга приняла элаитство. И однажды, на обряде Единения, когда верующие собираются для совместного исполнения религиозных гимнов, она познакомилась с державным князем. Около года назад они сошлись. Слишком сильно они не скрывали своих отношений, так как оба были свободны. Ей нужно было твёрдое мужское плечо, ему — опора, тихая заводь, где можно было бы отдохнуть от трудностей и забот. Лесьяр подумывал над тем, чтобы жениться на Ольге. Но решил для себя, что сделает это после введения в государстве единой религии. Вдова не торопила его и не давила, чувствуя, что не смотря на их тёплые отношения, он продолжает любить свою покойную супругу.

— Ты голоден? Я прикажу сейчас же накрыть стол!

— Нет, благодарю тебя, я не хочу есть.

— Тогда может быть орехов?

Было бы неплохо.

Она распорядилась подать орехи. Лесьяр устало опустился на скамью. Ольга стояла рядом с ним. Князь нежно обнял вдову за талию, прислонив голову к её груди. Мягкие руки обняли его и она крепче прижалась к своему князю.

Глава 3 Предельный князь

Сквозь серую пелену неба то и дело на несколько мгновений показывалось солнце. Но посмотрев вниз, оно немедленно пряталось обратно, словно опасалось увидеть внизу что-то страшное или неприятное. Что же, если ему так хочется, пусть сидит за покрывалом облаков, в своих небесных хоромах. Чего ещё можно ждать от скупого осеннего светила? Но любой мальчишка, мужчина или, тем более, воин наоборот нашёл бы в открывающемся зрелище не ужас, а суровое величие.

Обширное пространство между лесами, массивной крепостной стеной и водами реки Самал было полностью вытоптано ногами ратников и копытами боевых коней. Пятнадцать рядов тяжеловооружённых пехотинцев занимали центр боевого порядка. В каждом ряду плечом к плечу застыло по сотне ратников. Железное войско предстало во всём своём величии. Мускулистые тренированные тела покрытые длинными кольчугами. Редкие солнечные лучи то и дело поблёскивали на сферических шлемах, прикрывавших лица кольчужными сетками. Облачённые в кожаные рукавицы могучие пальцы сжимали длинные копья и придерживали большие прямоугольные щиты. На поясах висели короткие мечи и боевые топоры. Пехотинцы прекрасно держали строй.

Слева и справа от Железного войска выстроилась главная ударная сила — по пять сотен конников Старшей дружины. Конные дружинники держали строй ничуть не хуже, чем их пешие братья по оружию. Кони, чьи головы и груди были защищены пластинчатыми доспехами то и дело ржали, рыли беспокойными копытами холодную осеннюю землю. На могучих телах наездников суровой сталью отсвечивали кольчуги и латы. Пронзала небо тысяча покачивающихся копейных жал. И чуть ниже — тысяча конических шлемов, сквозь глазные прорези в железных личинах которых наблюдали за полем внимательные глаза дружинников.

Передовой отряд состоял из не приученной к боевому порядку лёгкой конницы Младшей дружины. В Младшей дружине служили представители Ратных Домов, получавшие за свою службу поместье — мызу или хутор. Из доходов с поместья глава Дома выплачивал небольшой налог и приобретал боевого коня и оружие. Конечно же величием тяжёлой конницы никто из младших дружинников похвастаться не мог. Вместо кольчуг и лат у них были плотные суконные платья с нашитыми на них железными кольцами. Конические шлемы младших дружинников не имели защиты для лица. У кого-то были щиты, у кого-то нет. Скорость, ловкость и мастерство — вот их главная броня. Младшая дружина разила врага копьями, саблями, стрелами и дротиками.

Тревожные порывы холодного серого ветра разведали знамёна и трепыхались в хоругвах. На зелёном поле полотнищ блистала серебром заключённая в красный круг молния — герб Большого Дома предельных князей Озеровых. Молния означала, что Озеровы беспощадно разят всех врагов державного князя. Её серебряный цвет был знаком преданности Строговым. Красный круг был огнём, хранящим Озеровых от бед и несчастий. Зелёное же издревле было отличительным знаком воинов, защищавших жизнь.

Древний и гордый род, они возводили своё происхождение ещё к тем временам, когда в небе засияло Второе солнце, а летом начали дуть горячие южные ветры. Уже тогда Озеровы были в дружине Строговых и вместе с ними строили и защищали Древогород. И вот уже двести девяносто лет главы Дома Озеровых являются владыками Старогуля и предельными

князьями Суломатья.

Чернек Озеров, крепкий массивный мужчина пятидесяти лет, расположил своего коня на небольшом пригорке, и со спокойным удовлетворением наблюдал за тем как тренируются его воины. Рядом с предельным князем были его сыновья — тридцатилетний Волк, двадцатилетний Прохор и Орёл, двадцати лет от роду. Сыновья, гордость отца, также наблюдали.

Полторы тысячи находящихся на действительной службе бойцов Железного войска, тысяча латной конницы Старшей дружины и тысяча легковооружённых конников Младшей дружины показывали князю все свои умения. На щитах Железного войска и Старшей дружины красовался герб Дома Озеровых. Сразу после окончания Киврийской войны, Чернек приказал мастерам расписать щиты его воинов своим родовым гербом. Эту идею он взял у ратников лёгкой пехоты, самые честолюбивые из которых украшали щиты гербами своих племенных союзов. Вскоре эту идею Чернека переняли все предельные князья Рустовесской земли, и даже Великий Дом Строговых.

Киврийская война... Участвуя, как сейчас, в тренировках войск Чернек часто вспоминал то время. Пять лет походов и сражений оставили в памяти предельного князя двойное впечатление. Любая война это опасность, смерть, лишения. Три шрама на теле Чернека говорили о том, что он не по наслышке знал, что такое битва. Предельного князя Суломатья считали одним из лучших полководцев государства. Вторым. Первое место по праву занимал Лесьяр Строгов.

Повинуясь командам, передаваемым при помощи боевых рогов, свистков и голосов, небольшая рать Озеровых двинулась вперёд. Чернек вновь подумал про Лесьяра Строгова. Вот уж кого божества благословили, так это нынешнего державного князя! Вряд ли кому-нибудь скоро представится возможность так быстро и заслуженно заработать авторитет среди подданных. Тот день по праву вошёл в память людей. В битве при Чёрном кургане Рустовесье выставило самое большое войско за всю войну. Все Дома, племенные союзы и храмы отправили своих воинов в это сражение. Чернек командовал правым крылом рати. И пусть кто-то только посмеет сказать, что он плохо командовал! Правое крыло держалось очень стойко. Прорван был центр. Именно в центре погиб Красимир Строгов, тогдашний державный князь, отец Лесьяра. Казалось, что битва проиграна. Но Лесьяр не дал случиться катастрофе. Вместе с Чернеком они собрали Старшие дружины всех Домов в один бронированный кулак и повели его вперёд. Конечно, вёл их Лесьяр, это знали все. Но Чернек был совсем рядом с ним. Могучий удар массы латной конницы смял передовые вражеские отряды и заставил киврийцев и вечерников бросить в бой запасные силы.

...Ратники Железного войска остановились по команде и начали быстро возводить стену из своих прямоугольных щитов. Это многим может спасти жизнь в случае, если враг обрушит на них поток смертоносных стрел... Чернек мысленно вернулся на окровавленные поля у Чёрного кургана. Пока ведомые ими с Лесьяром конные дружинники рубили своими мечами запасные силы врага, рустовесская пехота и лёгкая конница опомнились, восстановили свои ряды и пошли в атаку. В жестокой рукопашной схватке Лесьяр Строгов лично убил двух киврийских вождей и ранил вечернего короля. Битва была выиграна. Лучшей возможности представиться всему государству просто не существовало.

...Сомкнутым строем латники Старшей дружины пошли в атаку. Железное войско с копьями наперевес двинулось за ними. Ведомая своими начальниками Младшая дружина нависла над местом, где располагался воображаемый противник. В настоящем сражении она

поддержала бы своих товарищей стрелами и дротиками. В настоящем бою всё намного реальнее... Именно Чернек Озеров предложил Лесьяру принять присягу подданных прямо на поле боя. Нет надёжнее клятвы данной на крови. С тех пор Лесьяр и Чернек были друзьями.

Владыка Старогуля верой и правдой служил державному князю. Через два дня Чернек разбил вспомогательный отряд вечерников, шедший к Чёрному кургану и ещё не знавший, что главное войско уничтожено. Но эта небольшая победа осталась незамеченной, утонув в лучах славы главной битвы. Потом были другие походы, освобождение Удольчина, заключение мира. Стычки, опасности, смерть.

Но как у любой монеты, была у Киврийской войны и другая сторона. Красимир Строгов снизил предельным князьям налоги. Передал под их контроль лёгкую пехоту племенных союзов. Чернек полностью одобрял данный поступок. Глупо контролировать племенной союз, но не иметь права командовать его лёгкой пехотой! Предельные князья стали сами оплачивать содержание своих Старших дружин. Всё это было очень хорошо.

Были и те моменты, которые вызывали у Чернека лёгкую досаду. Он несколько лет думал над тем, чтобы породниться с державным Домом. Отыскал среди своих племянниц молодую красивую девушку и уже был готов предложить её в жёны старшему сыну Лесьяра Всеславу. Но хитрый державный князь нашёл своему сыну жену в дремучих лесах Хладоручья, в Малом Доме Витвиновых, о существовании которых мало кто вообще догадывался. С другой стороны, Чернек сам виноват. Надо было сразу предлагать Строговым задуманный брак, а не пытаться сделать неожиданный подарок. В итоге неожиданный для всех подарок был привезён Лесьяром с севера.

Чернек поглядел на своих воинов. Вид вооружённых до зубов ратников, под тенью его знамён всегда повышал настроение. Но... Всегда расстраивала предельного князя его Поместная стража. Кормилась она за счёт предела, но ходила исключительно под восьмиконечной звездой Дома Строговых. Надо будет при случае предложить поставить Поместную стражу под знамёна тех князей, в пределах которых она служит. Хотя Лесьяр никогда не даст на это добро.

Державный князь был великим воином, прекрасным полководцем, другом Чернека. Но при этом он оставался искушённым политиком. Поступки его никогда не были спонтанными и всегда заранее продумывались. Чернек чувствовал, что Лесьяр непрерывно ведёт какую-то хитрую игру. С другой стороны, именно таким и должен быть правитель государства.

Но всё же многое в этой его игре оставалось не до конца понятным, поэтому и раздражало. Поместная стража пределов под знамёнами державного Дома. Женитьба наследника на никому не известной девице. Три года назад все предельные князья получили неприятный подарок: в их городах обосновались отряды Тайной стражи — глаза и уши державного князя. Раньше такого не было, раньше Строговы доверяли своим князьям. А в этом году весной стали рыскать по пределам Рустовесской земли странные люди. Осматривали местности, делали какие-то записи. Защищали их грамоты с личной печатью Лесьяра Строгова, записанные его собственной рукой. Говорилось в них, что люди эти по личному приказу державного князя присматривают места для постройки маленьких крепостей, которые будут заселены служилыми людьми из Державной стражи. И выбирались для крепостей этих не какие-нибудь захолустья. Присматривались посланники Лесьяра к перекрёсткам дорог, местам у бродов и переправ, узким местам дорог, где такая крепость при желании запросто могла помешать движению. Всё это раздражало.

А решение Лесьяра перейти в элаитство, это кольцо из той же кольчуги или просто глупый поступок расстроенного смертью жены человека? Нет, Лесьяр необдуманных поступков никогда не совершал, Чернек знал это наверняка... Призыв боевых рогов вернул внимание предельного князя на поле. Конники Младшей дружины, кто выхватив сабли, кто выставив перед собой острия копий, ринулись вперёд, гоня воображаемые толпы разбитого врага с поля боя. Чернек повернулся к сыновьям и коротко махнул рукой в сторону могучих деревянных стен Старогуля. Сыновья двинулись за отцом.

Вдоль стен просторного зала в резиденции Чернека Озерова стояло большое количество людей. Бойцы его личной охраны, начальники Старшей дружины, Железного войска и Поместной стражи, ближняя и дальняя родня. Здесь же, в окружении нескольких латников из Храмовой дружины, стоял Вейкко, мудрейший храма Юма и Живы. Сам Чернек сидел на вырезанном из могучего дуба престоле, окованном бронзой, медью и серебром. Трое его сыновей стояли у отцовского престола. Старший сын и наследник, Волк, находился по правую руку, ближе всего к родителю. Внимание всех присутствующих было обращено на середину зала. Шесть человек в железных шапках, суконных платьях с нашитыми железными кольцами с копьями в руках и саблями у поясов, бросили на колени перед предельным князем седьмого, связанного и побитого. Один из воинов держал в руках хоругвь, на полотнище которой была вышита зелёная лягушка — герб подвластного Озеровым племенного союза приплавтов. Старший отряда вышел вперёд.

— Чернек, сын Эстера из Дома Озеровых, Тарас, Старейшина племенного союза приплавтов шлёт тебе своё приветствие и глубокое уважение!

— Передайте Тарасу, сыну Миежко моё приветствие! С чем послал вас почтенный Старейшина?

— Он просил доставить в твоё распоряжение этого человека. Этот преступник пытался укрыться в наших землях, но был пойман. Согласно Законам Мудрости, мы передаём его твоему суду и твоей воле. Перед тобой Реналь Жестокий.

Одновременный гул удивления, возмущения и одобрения пронёсся по залу. Стоящий на коленях человек приковал к себе все взгляды. Воины рассматривали его с презрением. Купцы, писари и советники с ненавистью. Присутствовавшие в зале женщины со страхом.

Реналь Жестокий почти четыре года нападал на мызы и хутора, подвластные предельному князю, грабил купцов в его землях. Никто из ограбленных почти не имел надежды остаться в живых, Реналь убивал всех. Поместная стража вела за упырём настоящую охоту. Трижды его банда была полностью истреблена, но всякий раз главарю удавалось уйти. Избежав смерти, Реналь опять собирал вокруг себя лихих людей и принимался за старое. Около двух месяцев назад, сын Чернека Прохор с отрядом дружинников и поместной стражи опять разбил банду. Реналь ушёл в земли приплавтов, но был схвачен. Чернек поднял вверх правую руку, призывая всех к тишине.

— Реналь, в соответствии с Законами Мудрости я приговариваю тебя к смерти.

Стоявший на коленях человек сначала не обратил на слова предельного князя никакого внимания. Затем слегка мотнул головой, расправил плечи. В его глазах промелькнула усмешка. Он облизал сухие разбитые губы и мерзко улыбнулся левой половиной рта. Хриплый твёрдый голос выдавал в нём уверенность, свойственную тем, кто привык распоряжаться.

— Да, князь, это твоё право. Но согласно Законам Мудрости, перед объявлением приговора о смерти здесь должны высказаться свидетели моих преступлений.

В зале раздался дружный смех. Затем он сменился яростным возмущением. Не только в Суломатье, но и во всём Рустовесье знали об ужасных преступлениях Реналья Жестокого. За четыре года в этом самом зале не раз появлялись купцы, ремесленники и крестьяне сообщавшие о том, что им удалось уйти или отбиться от банды Реналья и просившими предельного князя защитить их. Постепенно возмущённый гул начал утихать. Присутствующие переговаривались между собой. Многие из них согласно кивали. По Законам Мудрости перед вынесением смертного приговора обязательно должны были высказаться те, кто своими глазами видел преступления обвиняемого. Постепенно в зале воцарилась гнетущая тишина. Все смотрели на предельного князя. Чернек поторопился с вынесением смертного приговора. Преступник оценивал зал и князя взглядом победителя. Он продлевал себе жизнь ещё как минимум на неделю. Пока найдут очевидцев, пока привезут их в столицу предела. Да ещё попробуй их отыщи с учётом того, что Реналь любил убивать ограбленных! Мудрейший Вейкко сделал шаг вперёд.

— Формально разбойник прав. Мы должны дать слово тем, кто лично видел его преступления.

Чернек сжал пальцы левой руки в кулак, затем медленно разжал их и провёл ладонью по заросшей жёсткой щетиной щеке.

— На своей собственной земле я не стану тратить время на какие-то глупые формальности. Смерть!

Князь указал своим стражникам на преступника и они вывели Реналья из зала. Чернек встал с престола и велел всем расходиться. Он на пару мгновений встретился взглядом с Лавром Крутовым, приставом Тайной стражи в Старогулье. Нет сомнений, что этот негодяй опишет всё случившееся в своём очередном донесении Лесьяру Строгову. Вот ведь заусенец! Суёт свой нос во все дела как цапля в трясину.

Дань была готова. Осталось только погрузить всё добро в возы и отправить его в Древгород. Чернек вместе с писарем из Чеканной управы ходили между заваленных столов и делали последние уточнения. Здесь же был и вездесущий пристав Тайной стражи. В опечатанных еловой смолой мешочках лежали калисты — золотые монеты самого высшего достоинства. В таких же, но более многочисленных мешочках хранились улы — серебряные монеты. На полу были собраны аккуратно связанные тюки мягкой рухляди — бобровые, норковые и ондатровые шкуры. Сколько возов понадобится, чтобы разместить их все? Не меньше десятка! Совершенно отдельным счётом шли массивные пузыристые слитки чёрного металла — железо, добытое кузнецами Чернека из болотных руд.

Сколько же богатства отдаётся Древгороду! Целый табун прекрасных боевых коней золотом и серебром. Множество шуб. Не одна сотня мечей могла быть выкована из лежащих перед предельным князем тяжёлых слитков. Чернек Озеров задумался. Нет, кроме лёгкой досады он не чувствовал сильной ненависти или обиды. Платить Древгороду дань это его святой долг. Так делали все Озеровы уже сотни лет. Но всё же он не отказался бы отдавать поменьше добра. Хоть чуть-чуть...

В размышления Чернека вмешался Лавр Крутов:

— Князь, какую охрану вы хотите выделить?

— К чему такие вопросы? — раздражённо ответил Чернек, — всё ведь давно решено. Как договаривались, я отправляю сотню конников Старшей дружины и двести бойцов Поместной стражи. С ними будут двадцать твоих людей.

Крутов плотно сжал губы и несколько раз кивнул головой, словно раздумывал о чём-то.

— Я хочу выделить для охраны сорок бойцов Тайной стражи.

Чернек внимательно посмотрел в глаза пристава. Вот оно! Он хочет проявить себя внимательным и старательным офицером, хочет чтобы державный князь оценил его рдение за порученное дело. Не стоит мешать молодому глупцу совершать ошибки. Сейчас Чернек запомнит эту слабость и, возможно, когда-нибудь использует её против пристава.

— Всё правильно, так будет надёжнее. Пошли сорок бойцов. Я очень хорошо знаю Лесьяра. Он обязательно одобрит твой поступок.

Супруга Чернека, Улада, готовилась ко сну. Несколько восковых свечей, озаряли своими огоньками комнату. Женщина аккуратно расправила одеяло сшитое из бобрового меха. Затем принялась старательно расчёсывать волосы. Хоть она и не так молода как раньше, всё равно женщина всегда должна быть красива и привлекательна для своего супруга.

В комнатку вошёл Чернек, держа в руках свиток бумаги — письмо державного князя. Восковая печать была нетронута, значит содержания он ещё не знал.

— Видела, что сегодня вытворял этот наглец в зале резиденции. Просто ужас! Какой разбойник, кровопийца, а ещё смел пытаться тебе указывать. Откуда он вообще знал, что сказано в Законах Мудрости? Он что, читать умеет?

— Не знаю, вряд ли он обучен грамоте. Но те, кто идут на преступления, всегда стараются знать закон. Чтобы ведать, что нарушать! — Чернек задумался, — Вряд ли он грамотный. Скорее всего просто растолковал кто-то.

— Но ты то у меня грамотный! — Улада указала глазами на письмо, которое муж держал в руках. Ей тоже было интересно содержание.

— А... Точно!

Чернек сломал печать и забежал глазами по строчкам.

— К двадцатому числу месяца ветрениа быть в Древгороде. Лесьяр собирает Великий совет...

— О, Юм и Жива, — воскликнула Улада, — неужто война?!

— Мудрейших храмов пресветлых богов в известность не ставить... Не думаю. С собой брать не более ста дружинников. Нет, вряд ли война. — Чернек усмехнулся, — На всех не хватит еды! Нашёл оправдание. Когда амбары Древгорода опустеют настолько, что не смогут прокормить пятитысячное войско, тогда настанет конец всему живому. Нет... — Чернек вновь и вновь пробежал письмо глазами, — Хитрый Строгов что-то задумал.

— Но что?

— Что задумал... Есть только один способ узнать: поехать!

Глава 4 Мудрейший

Очевидный факт состоит в том, что всё сущее имеет начало. Дерево произрастает из семечка. Страшный пожар появляется из тлеющего уголька. Мать рождает ребёнка. Великие полноводные реки берут своё начало в малых родниках. Все эти явления любой человек может увидеть своими собственными глазами. Но ни один из ныне живущих не видел как появился наш мир. Возможно, рождение мира видели Древние, но они унесли свои знания вместе с собой, заснув вечным сном под болотами, лесами, полями и ледниками много веков назад. Их рукописи также затерялись во мгле времён. Но не может быть сомнений в том, что мир имеет начало.

Были времена, когда мира не было. Да и времени тоже. Всегда были только Благо и Хлад. Благо всегда противостояло Хладу, а Хлад всегда противостоял Благу. Но их предвечная борьба не могла идти только один на один. Однажды Благо, желая усилить себя, породило Позара и Светлобу — хранителя и хранительницу жизни. В ответ Хлад создал собственных детей — Мроза и Килму, пожирателя и пожирательницу жизни. Когда Позар со Светлобой и Мроз с Килмой породили своих собственных детей, их вражда не пошла на убыль, а напротив, стала ещё более ожесточённой. Чтобы жить, божества должны были непрерывно воевать между собой. Только сражаясь друг с другом они могут сохранить свой разум, свою волю. Иначе, как переставший махать крыльями сокол, сперва упадёт на землю, а затем навсегда сольётся с ней в единое целое, растворятся божества в своих родителях — проявлениях Благо и Хлада. Ради их борьбы и был создан наш мир, то место, где война двух противоположных начал обретала свой истинный смысл.

Ни одна из сторон не может окончательно взять верх в этой войне. Когда силы Благо терпят поражение, Царство Разума переживает Эпоху Падения. Когда проигрывают силы Хлада, Царство Разума вступает в Эпоху Благоденствия. Чуть больше четырёхсот лет назад Позар и Светлоба начали теснить Мроза и Килму, заставив их завершить очередную Эпоху Падения. Эта великая победа была отмечена появлением в небе Второго солнца, которое несколько месяцев светило именно в тот год, когда Благо послало жителям Рустовесья горячие летние ветры.

Согласно Книге Мудрости, в незапамятные времена, предшествовавшие последней Эпохе Падения и появилась благая вера. Ещё в те времена, когда о князьях Строговых никто знать ни знал, а до строительства Древгорода оставались многие сотни лет, уже существовали храмы Пресветлых богов. Создавая их, Пресветлые боги дали им завет по накоплению, сохранению и передаче знаний предков. Только благодаря храмам жизнь смогла уцелеть в землях, в которых ужасающее количество столетий господствовали дети Мроза и Килмы — Змирзал, Ияй, Мрок, Азырен, Невита, Талви, Мора и Желя. Страх и ужас бедствия и голод, гибель и смерть, болезни и страдания.

В Суломатье, которым от имени державного князя правил Дом Озеровых, издревле находится храм Юма и Живы. Проявлениями Юма и Живы были жизнь и развитие. Давно минули те времена, когда крошечный храм был затерян в глуши холодных болот и заснеженных лесов. Теперь он стал храмовым держанием, центром из которого во все концы Суломатья направлялись хранители, утверждающие и сохраняющие благую веру в предельном городе и острогах. Сейчас проезжающие мимо купцы, посыльные или ратники могли лицезреть великолепие и силу, олицетворённые в множестве построек, коими

окружил себя главный храм Суломатья.

Центром храмового держания, естественно, было пламя, свет и жар которого постоянно поддерживался многими поколениями хранителей, составлявших неразрывную цепочку, уходящую далеко вглубь веков и теряющуюся там, во тьме тысячелетий. Священное пламя размещалось в невысокой каменной постройке, хранилище, имевшем мощные толстые стены и уходящем под землю на два яруса. Никакого разукрашенного великолепия. Оно было лишним, не нужным. Хранилище должно было только оградить от внешнего зла священное пламя и тех, кто занят его поддержанием. Молитвы Юму и Живе возносились здесь. Здесь же, в присутствии священного пламени начинались все праздничные богослужения. Огни, горевшие в станových и градском подворьях храма, были порождением здешнего пламени.

Рядом находилось Хранилище Мудрости. Это здание было намного крупнее и просторнее. Богатая библиотека рукописей. Архив, два этажа переписчиков, этаж канцелярии. Огромные запасы тайн и знаний, доступные только хранителям. И здесь же — многочисленные кельи для тех, кто посвятил свою жизнь служению Юму и Живе. Это тоже было своего рода пламя. Пламя разума и знания, питавшее Эпоху Благоденствия.

Но как для сохранения огня нужны были стены и хранители, так и для защиты знаний нужны были те, кто умеет сражаться. Как и любой другой очаг благоверия, храм Юма и Живы содержал своё собственное вооружённое соединение. Казармы Храмовой дружины располагались за Хранилищем Мудрости. Служили в ней воспитанные в Доме мальчиков сироты, обучавшиеся грамоте и военному делу. Как только воспитанник достигал совершеннолетия, его зачисляли в списки дружины.

Согласно Законам Мудрости, Храмовая дружина включала в свой состав сто конных латников, двести легковооружённых конников, триста тяжеловооружённых пехотинцев и четыреста лучников. Коней, оружие и доспехи воины получали за счёт храма. Конечно, Храмовая дружина не шла ни в какое сравнение с теми десятками тысяч воинов, которых в случае необходимости могли выставить державный и предельные князья. Но всё же она была надёжной военной опорой мудрейшего, возглавлявшего храмовое держание. Её бойцы каждый день проводили в изнурительных тренировках и своим воинским искусством ничуть не уступали лучшим княжеским ратникам.

Храм, Хранилище Мудрости, кельи и казармы дополнялись вместительными амбарами с зерном и другими съестными припасами. Могучие деревянные стены, опоясывающие эти сооружения, превращали храм Юма и Живы в крепость. Но за крепостной стеной жизнь не прекращалась. Там располагалось большое количество других построек — ремесленные мастерские, кузницы, пекарни, пивоварни, постоянные дворы. Как и полагалось храму, в наступившей Эпохе Благоденствия он помогал сохранять и приумножать жизнь.

В пасмурном осеннем воздухе загремели трубы. Громко залаяли потревоженные собаки. Люди стали бросать свои дела и выходить на улицы. Забегали любопытные мальчишки. В поселение втягивалась колонна конных латников, сто бойцов. Над колонной развевалось знамя храма Юма и Живы — пламенеющее на жёлтом поле красное солнце. Впереди всех ехал невысокого роста человек. Он обладал крепким телосложением. В отличие от своих спутников он не имел ни оружия, ни доспехов. Ветер трепал чёрные волосы на его голове. Так как приближалась зима, человек уже начал отпускать бороду по древнему обычаю. Щёки и подбородок его покрывала крупная щетина. Умные глаза коричневого цвета с

любовью смотрели на встречавших его поселенцев. Человек улыбался.

— Вейкко вернулся!!! — кричали радостные люди.

Вейкко поднял правую руку и осенил собравшихся крестьян, ремесленников, воинов и хранителей круговым движением. Пальцы его были тёмными от вьёвшихся в кожу чернил. Благодарные люди в ответ также благословляли своего мудрейшего.

Вейкко был преобразователем благоверия. Он считал, что вопреки общепринятому мнению, храмы в Эпоху Благоденствия не должны уходить в тень. Ибо Мроз и Килма в тень не уходят и могут в любой момент начать новый поход против сил жизни. Если раньше борьбу вели только божества, то теперь и набравшиеся сил люди должны принимать участие в войне. А значит храмы, как главная опора Царства Разума должны взять на себя всю тяжесть подготовки к грядущим сражениям.

Мудрейший храма Юма и Живы считал, что большое количество грамотных людей способствует укреплению благоверия. Поэтому ещё одиннадцать лет назад он отдал распоряжение принимать в школы градского и станových подворий храма детей из других сословий. Естественно, взимая за это умеренную плату.

Чтобы укрепить свою силу в неизбежной схватке со злом, храм должен развивать своё хозяйство. Результатом было поощряемое мудрейшим обилие кузниц и ремесленных мастерских. Одобрял Вейкко и крестьян, вздумавших расчищать на храмовых землях леса, чтобы растить на них овощи и содержать скотину. Всё это обеспечивало мудрейшему людскую любовь и благодарность.

Было в планах мудрейшего повышение храмового налога, собираемого с предельных земель. Но здесь нужно было действовать осторожно. Так как покушаясь на доходы с предела, Вейкко вступал в конфликт с интересами князей.

По Законам Мудрости численность Храмовой дружины не должна была превышать тысячу бойцов. Не имея возможности законным путём увеличить число своих воинов, Вейкко пошёл на хитрость. Он собрал из местных жителей небольшое ополчение, которое вооружил за счёт храма и регулярно тренировал.

Союзниками Вейкко были храмы Сияя и Кипины в Солоплаже, а также Агуна и Кесы в Крайнесточье. Мудрейшие этих храмов разделяли взгляды Вейкко и проводили сходную с ним политику. Но не все благоверы одобряли подобные устремления. Храм Благопроявлений в Гужвоземье был ревнителем благоверия. К ревнителям относился и храм Аурина и Зары в Густошумье. Вейкко несколько раз требовал созвать Сонмище мудрости — совет мудрейших всех храмов Рустовесской земли. Но всякий раз получал отказ. Удивляться здесь нечему. В храме Благопроявлений боялись проведения открытого диспута между преобразователями и ревнителями.

Вейкко слез с коня и сразу же был окружён толпой жителей. Люди стали расспрашивать его о поездке в Старогулье. Настроение мудрейшего было замечательным. Он отвечал на вопросы, давал советы. Отдавал распоряжения относительно подготовки к Торжеству Месячного Благодарения.

Всё что задумал Вейкко развивалось так как надо. За многие годы он наладил хорошие отношения с предельным князем Чернеком Озеровым, что позволяло ему быть частым гостем в Старогулье. Там у Вейкко была собственная резиденция. Когда предельный князь уехал в Древгород, мудрейший вернулся в храмовое держание, чтобы заняться хозяйственными делами и продолжить работу над рукописью книги, в которой Вейкко обосновывал все тезисы преобразователей. Никаких угроз не предвиделось.

Правда, Чернек так и не объяснил ему цель своего отъезда в Древгород. Вейкко вспомнил, как предельный князь избегал смотреть ему в глаза, после того как прочёл письмо от Лесьяра Строгова и постоянно уходил от прямого ответа. Не хотел врать старому другу? Может, державный князь решил созвать Великий совет? Вряд ли. Ещё ни один Великий совет за всю историю Рустовесской державы не обходился без участия мудрейших храмов Пресветлых богов.

Глава 5 Знамёна Миргорода

Гребцы дружно наваливались на вёсла. Ясеновые лопасти с тонкой металлической оковкой одновременно погружались в ледяные волны реки Сувы и заставляли ладью идти вперёд. Не так это просто, когда двигаешься против течения, а с севера уже потянули зимние ветры! Поэтому купец торопил своих людей. Не хватало ещё вмерзнуть в лёд на половине пути к предельному городу. Тогда придётся ждать крепкого льда, выгружать воск и мёд, и тащить его на себе. Можно, конечно же, нанять для этих целей лошадей. Крестьяне из окрестных мыз и хуторов с радостью предоставят свою скотину для проезжего купца. Предоставят, но возьмут за это денег. А кому хочется расставаться со своей монетой? Так что, навались на вёсла, сыны мои! Гребцы тоже не испытывали никакой радости застрять в холодных объятиях зимы и старались изо всех сил. Плыть оставалось совсем недолго.

Четыре десятка крепких молодых людей, дружно работавших сейчас вёслами, были не просто гребцами. Это была дружина, верой и правдой служившая нанявшему их купцу. Когда надо они вели ладью, в другой ситуации могли спокойно управляться с повозками. Могли быть носильщиками и продавцами. Но самое главное, они охраняли жизнь купца и его товары. Каждый умело обращался с копьем и луком, каждый имел щит, шлем и кольчугу. За преданность и труды купец щедро одаривал свой отряд монетами. Наёмники привыкли возить и охранять товары. Не редкостью на купеческой ладье были и попутчики. Княжеские посланники, хранители из храмовых подворий, путешественники. Много кто мог быть попутчиком у торговца.

В этот раз помимо воска и мёда в ладье с ними плыла красивая молодая девушка среднего роста. Не смотря на сарафан и тёплую меховую накидку, было видно что она обладает редкой стройной фигурой. Длинные каштановые волосы красавицы были заплетены в две косы. Красивую белую шею оплетали стеклянные бусы. Взгляд чёрных глаз нередко завораживал тех, на кого девушка смотрела. Её нежная улыбка приковывала к себе внимание и вызывала зависть к тому, кому посчастливится отведать поцелуй этих губ.

Девятнадцатилетняя Агата Лоскутова закутавшись в меха, безразлично глядела на плескавшиеся волны, серые облака и медленно проползавшие по берегу леса с редкими дымами хуторов. За несколько дней пути речные пейзажи успели ей наскучить и уже не вызвали никакого интереса. Сопровождавший Агату старший брат, Илья, почти не разговаривал с ней. Что не удивительно в свете позора, принесённого девушкой своему Дому. Можно было бы заплакать, но слёзы уже ничего не изменят, судьба Агаты решена.

Почти все золотые калисты и серебряные улы, которые её отец получил с Зотовых, лежали сейчас у Ильи. Деньги очень могли пригодиться семье, но их отдадут Видогосту Булатову, чтобы Агата могла попасть в свиту его жены Мирины. Многие дочери Малых Домов почли бы за честь быть принятой ко двору наследника Крайнесточья. Там девушки были воспитанницами, служившими при княжеском дворе. Со временем им могли подобрать знатного мужа. Да и само по себе пребывание в свите давало огромные преимущества. В последствии за такую невесту можно было просить очень большой выкуп. Словом ничего кроме почёта и уважения. Но не для Агаты. Её отправка в свиту к Мирине не была поощрением. Это было изгнание. Для Дома Лоскутовых Агата всё равно что умерла. Именно такой слух и распустил отец. Семья избавилась от неё, как если бы девушку сожгли на костре над погребальной ямой. Сначала, когда всё открылось, отец пригрозил, что

немедленно выдаст её замуж за первого встречного купца или ратника. Но таких поблизости не оказалось. К лучшему ли? Теперь её отдали Булатовым. Те деньги, что возьмёт за неё Видогост были меньше, чем необходимое для свадьбы приданное. Но муж обязан защищать жену, а кто будет защищать её, девушку, сосланную собственной семьёй куда подальше?

Интересно, что ощущают покойники, когда их хоронят? Агата чувствовала себя таким покойником. Хотя нет, к покойникам испытывают жалость, сострадание, печаль. На неё же все смотрели с ненавистью. Только мать одарила дочь строгим взглядом, лишь на мгновение смягчившимся, когда Агата садилась в ладью. Но с другой стороны, она не мертва. Из погребальной ямы нет возврата. А у неё есть. Если она правильно использует свой ум, свою красоту, своё умение располагать к себе людей, то у неё есть хороший шанс помочь своей семье. И может быть даже вернуть Андрея... При мысли о возлюбленном сердце её стало биться чаще.

В первую очередь нужно помочь семье. Именно Дом пострадал от необдуманного поступка Агаты. Значит она и поможет ему подняться. Жить она теперь будет в Миргороде. Миргороде, предельном городе Крайнестьчья, а не какой-нибудь захудалой крепостёнке на Засечной черте у кочевых степей, где коротают свой век ратники Рубежной стражи. Агата призвала имена Агуна и Кесы. Пусть божества, бывшие воплощением благополучия и удачи будут ей свидетелями, она смывает с себя позор и поможет семье стать значительнее!

— Молодцы, сыны мои. Не подвели меня и в этот раз. Прибыли!!! — радостно сообщил купец своим людям.

Агата очнулась от терзавших её мыслей и посмотрела прямо по курсу. Далеко впереди показалось место в котором Сува принимала в себя воды реки Лумы. В месте их слияния, окружённый с трёх сторон холодными водами стоял Миргород, древний город, столица предела Крайнестьчье. Город опоясывали могучие деревянные стены. Над башнями в сумрачном ледяном воздухе развевались знамёна. Чёрный глаз в золотом круге на красном поле — герб Большого Дома предельных князей Булатовых.

В далёком сто пятьдесят седьмом году от пришествия Второго солнца к правителю Древгорода обратился вождь племенного союза вилушканцев. Они просили принять их под властную руку князей Строговых и помочь в войне против кочевого народа зоригтоев, пришедшего с востока. Войско Древгорода и его подданных помогло вилушканцам отразить вражеское нашествие. Для защиты своих владений и земель новых союзников Раймо Строгов основал предел Крайнестьчье. Первым владыкой Миргорода и предельным князем Крайнестьчья стал Егор Булатов, витязь прославившийся в битве на реке Глинянке. Чёрный глаз и золотой круг на знамёнах повелителей Миргорода означали, что Булатовы зорко охраняют рубежи Рустовесской державы от племён загадочного востока, таившего не только несметные богатства, но и смертельную опасность. Красный цвет полотнищ был символом издревле служившего людям огня.

После недолгих плутаний по улочкам предельного города Илья вывел Агату к резиденции Видогоста Булатова. К немалому удивлению девушки, она стояла отдельно от княжеской резиденции. Тоже обнесённая стеной, с высоты которой караульные из личной охраны Видогоста, наблюдают за улицей. Правда массивные ворота были гостеприимно открыты. Илья грустно посмотрел на запертые ворота крепости предельного князя. Там, за ними находились казармы Старшей дружины. Служить в ней было мечтой её брата. Что же, может быть когда-нибудь Агата сможет помочь ему в этом. Но сейчас нужно освоиться на новом месте.

— Прощай, сестра! — Илья неожиданно ласково обнял Агату.

— И ты прощай, брат! Быть может ещё увидимся.

Из стойла выводили осёдланных боевых коней. Походные слуги помогали дружинникам надевать кольчуги и латы. На возы грузили крупу, сухари, сыр, вяленое мясо и рыбу. Дружинники застёгивали на себе пояса с мечами и кинжалами. Закончив с наручами и поножами, Деян Булатов надел красный плащ с вышитым на нём гербом его Дома. Юный князь оглядел сотню своих воинов. Почти все были готовы. Осталось подождать походных слуг. Хотя нет, слуги не отставали от дружинников.

Эдуард Булатов, воевода Старшей дружины отвёл в сторону начальствующего над сотней Фёдора Раменьева и давал ему наставления. Сотник внимательно выслушивал воеводу и кивал в знак согласия. Делались последние приготовления перед походом.

Деян сильно нервничал. Он ещё никогда не был в Древгороде. Присягу Лесьяру Строгову юноша принёс здесь же, когда державный князь приехал почтить память его отца. Благослав, сын Боримира был могучим правителем, бесстрашным воином. Соратником Лесьяра Строгова по последней войне. Три года назад его отец повёл отряд своих ратников отбивать набег кочевого племени узулуков. Кочевники были разбиты и бежали. Но в бою Благослав был ранен стрелой в плечо. Ничего страшного в этом не было. На теле отца были шрамы и от куда более серьёзных ранений. Но по возвращении в Миргород, рана предельного князя загноилась и вскоре он умер. Его супруга, Любица, мать Деяна страшно переживала случившуюся трагедию и очень сильно тосковала по мужу. Через несколько месяцев мать тоже умерла. Деян слышал как перешёптывались дружинники и прислужники, утверждавшие, что Любица приняла яд. Юный князь не хотел верить подобным слухам. Он убеждал себя, что мать умерла от тоски.

Увидев, как воевода отдаёт распоряжения сотнику, Деян решил, что должен сказать что-то дяде. Видогост, крепкий высокий мужчина тридцати лет от роду был здесь же. Он как наследник будет править Крайнесточьем во время отсутствия Деяна.

— Дядя, хотел сказать тебе, что во время моего отсутствия...

— Ну давай, расскажи мне каким концом я копьё держать должен! — Засмеялся Видогост, — Я на двенадцать лет тебя старше. Я шесть раз был в бою. Уж справлюсь как-нибудь без твоих советов!

Смущённый Деян, со злобой сжав губы резко замолчал и отвёл взгляд в сторону. Сзади раздался голос Эдуарда.

— Не надо здесь хвалиться кто сколько раз в бою побывал. И более опытные воины найдутся! — Двоюродный дядя быстро приблизился к Деяну. На конфликт с уважаемым всеми воеводой Видогост идти не хотел. Он примирительно развёл руками.

— Конечно же... Я лишь говорил, что Миргород и всё Крайнесточье будут под надёжным присмотром.

Эдуард Булатов обратился к предельному князю.

— Ну, покажись, Деян. Ты отлично выглядишь! Настоящий витязь. Надо тебе жениться. Да ты и так скоро женишься. Я уверен. А мудрейший Валентин благословит твой брак перед Агуном и Кесой

Присутствовавший здесь же Валентин, мудрейший храма Агуна и Кесы почтительно наклонил голову. Все до одного из тех, кто слышал перепалку поняли на что намекает

воевода Старшей дружины. Женившись и родив сына, Деян навсегда лишит Видогоста шансов стать предельным князем.

Тепло попрощавшись со всеми кроме своего наследника, Деян вскочил на коня и направил его вперёд, чтобы занять место во главе отряда. Валентин, единственный из всех присутствующих одетый в мирный шерстяной плащ, перехваченный зелёным поясом, в последний момент обратился к Деяну.

— Скажи, князь, для чего призывает тебя Лесьяр Строгов?

Знавший из письма причину своей поездки Деян не раскрыл мудрейшему того, что знал.

— Не знаю. Я подвластен воле державного князя. Приказано ехать, значит я еду.

Сотня конных латников под знаменем Булатовых стала неторопливо выезжать в открытые ворота княжеской резиденции. За дружинниками потянулся маленький обоз.

Длинными пальцами левой руки Мирина крепко сжимала расстеленную на ложе медвежью шкуру, чтобы муж мог сильнее вмять в постель её жаркое тело. Стройные ноги жены жадно обвивали Видогоста.левой рукой Мирина обнимала возлюбленного, запускала пальцы в густые тёмные волосы на его голове. Видогост целовал её груди, плечи и шею. Затем с наслаждением припал ко рту Мирины. Губы жены охотно откликнулись долгим сладким поцелуем.

Десять лет назад, в четырёхста третьем году Мирина была отдана в жёны Видогосту. И все эти годы она благодарила Агуна и Кесу за то, что именно он стал её мужем. За это время происходило многое. Но всегда Мирина и Видогост держались вместе, никогда не омрачали их жизнь обиды, никогда не остывала их обоюдная любовь. Мирина родила супругу шестерых детей, двух девочек и четырёх мальчиков. Ходили шутливые разговоры, что они с мужем смогли одолеть многолетний недуг правящего клана Крайнестьчья. Уже много поколений в Доме Булатовых девочек рождалось намного больше, чем мальчиков. Видогост же мог смело гордиться, что его это проклятие обошло стороной.

Мирина никогда не надевала ночного платья. Обнажённое тело супруги делает её более желанной в глазах мужа. Близость с Видогостом всегда приносила ей радость и наслаждение. Тем более, что боги благословили их взаимной любовью. Мирина знала, что Аурин и Зара не только подарили ей красивое тело, но и крепкое здоровье, которое позволит ей родить Видогосту ещё шестерых детей. А то и больше. Может быть сегодня они зачали с ним седьмого младенца?

Когда Видогост в очередной раз за эту ночь наслаждался своей женой, Мирина ещё долго лежала рядом, греясь в его объятиях. Затем, убедившись, что муж не спит и пока не пытается взять её снова, Мирина легко соскользнула с их ложа на пол. По дубовым доскам зашлёпали её голые ступни. Видогост пригляделся в темноте. В тусклых отблесках догоравшего очага силуэт его любимой супруги был прекрасен. Длинные стройные ноги, круглые бёдра, гибкая спина, густые русые волосы растекались по её белым плечам. Рождение шестерых детей нисколько не испортило Мирину, а сделало её ещё более привлекательной и желанной.

— Ну и куда ты собралась, да ещё и голая?

— Я здесь! — игриво усмехнулась Мирина.

Она открыла стоявший в углу сундук, немного порылась в нём. В темноте что-то негромко звякнуло. Мирина вернулась к ложу и быстро залезла под меховое покрывало, прижимаясь к Видогосту. В её руках был кожаный мешочек, крепко связанный узким

ремешком. В мешочке звенели монеты.

— Что за деньги?

— Подарок от Дома Лоскутовых. За то что мы приняли в мою свиту их дочь Агату.

— Агату? Хм... Это та новая девица? Красивая, ничего не скажешь.

— Красивая, — с лёгкой досадой согласилась Мирина. — Тихая и трудолюбивая.

Посмотрим, как она себя покажет.

Видогост взял из рук жены кошелек и оценивающе взвесил его на ладони. Потом помял кожу пальцами. Монеты охотно отозвались приятным позвякиванием.

— Я знал её отца, — помолчав, произнёс Видогост — Константин, сын Александра. Честно признаться, я был очень удивлён, когда меня стали так сильно упрашивать взять его дочь в твою свиту. Девиц её возраста обычно уже замуж пристраивают. А её только сейчас в свиту упростили. Почему раньше не обращались с такими просьбами? Да у него и помладше дочери есть. Зачем же именно за неё просить?

Видогост ещё раз оценил мешочек.

— Они не слишком-то богаты. Для Лоскутовых это серьёзная сумма. Что же заставило их так поступить?

— Я говорила с женой купца. Он друг Лоскутовых и довёз Агату в город. Конечно, за достоверность ручаться никак нельзя, но есть такие слухи...

Мирина поведала мужу всё, что ей стало известно про Агату.

— Ясно, — ответил Видогост, — если это всё правда, то нечему удивляться. Отправил непутёвую дочь куда подальше. Что же, их монета нам пригодится.

— Возможно, что их дочь тоже, — ласково улыбнулась Мирина.

— Интересно как?

— Не знаю пока... Посмотрим.

— Я тут подумал. Пока Деян в Древгороде, я буду править пределом отсюда, из нашей резиденции.

— Переезжать не будем?

— Смысла нет. Если бы я взял власть, тогда да. А сейчас я лишь временный управитель. Буду править отсюда. Пусть люди чувствуют разницу между нами. Надо показать, что я лучший предельный князь, чем он. Правда, если Деян женится, то всё пойдёт прахом.

— Даже в этом случае ещё остаются шансы. Ещё не факт, что жена сможет родить ему сына. Тогда...

— Факт в том, что он моложе меня на целых двенадцать лет! Вот в чём факт, — Видогост повысил голос.

— Ну не надо так шуметь, — ласково произнесла Мирина. — Божества посылают нам возможности. Мы лишь должны их правильно использовать.

— Да, Агун и Кеса сопровождают мне. Но как сделать, чтобы они не просто мне иногда подыгрывали, а даровали своё покровительство? Что сделать?

Мирина крепче прижалась к мужу и положила голову на его сильную грудь.

— У нас всё получится, божества будут нам благоволить. Они и так на нашей стороне. Разве нет? Ты сам знаешь сколько событий подтверждают это. Нам лишь нужно поступать правильно и продуманно.

Видогост уже несколько лет чувствовал, что Агун и Кеса поддерживают его, как своей невидимой волей они показывают ему, что он может взять себе старинный престол владык Миргорода и предельных князей Крайнестьчья.

Большую часть жизни Видогост даже не думал о власти. Миргородом правил Благослав, сын Боримира, его старший брат. Отличный полководец, и мудрый правитель, пользовавшийся заслуженным уважением в народе. Но у Благослава было четыре дочери и всего один сын, слабый и болезненный Деян. Видогосту же божеества подарили прекрасную жену, которая родила ему четырёх сыновей. Но даже тогда Видогост не думал о том, чтобы занять отцовский трон. Во время того рокового боя с узулуками он увидел, как конный лучник прицелился и пустил стрелу. Охрана увлеклась рукопашной схваткой и так получилось, что никого из личной дружины Благослава не оказалось рядом. Видогост попытался прикрыть брата своим щитом. Но стрела прошла чуть выше и пробив кольчугу, впиалась Благославу в правое плечо. По возвращении в Миргород брат умер. Предельным князем стал его слабый сын.

Именно тогда Видогост впервые в жизни осознал, насколько близок к нему престол. Любица, жена Благослава, никогда бы не дала сына в обиду, но она приняла яд. В этом мало кто сомневался. Часть пути была пройдена. Казалось, что скоро власть над Миргородом сама упадёт Видогосту в руки. Но внезапная кончина обоих родителей не ослабила Деяна, а напротив, сделала его сильнее. С тех пор он постоянно учился и тренировался, на глазах превращаясь из растерянного подростка в мудрого мужчину. Эдуард Булатов, воевода Старшей дружины поклялся умирающему Благославу, что будет поддерживать и защищать его единственного сына и был полностью верен своей клятве. «Имей терпение, — говорила Видогосту Мирина, — божеества не хотят делать тебе подарков, они хотят чтобы престол взял тот, кто этого более всего достоин». И он старался, действовал осторожно.

Мирина всегда мечтала, что её муж займёт престол, которого достоин. А она станет не просто супругой временного наследника, а женой самого настоящего предельного князя. Ведь именно это изначально и планировал её отец, Лесьяр Строгов. Но теперь на поддержку отца уже нельзя было рассчитывать. Зато Видогост и Мирина могли всегда положиться друг на друга.

Почему она, первая дочь державного князя не может занять достойное её место? Кто сказал, что какая-то девица из Хладоручья может быть супругой будущего владыки Рустовесской земли, а Мирина из Великого Дома Строговых станет лишь женой... Кого? Кем будет Видогост, когда Деян женится и родит сына — полковником Железного войска? Кем станут её собственные сыновья — конными латниками в Старшей дружине? Нет! Если бы такого пути желали ей боги, то отец отдал бы Мирину замуж за какого-нибудь незначительного князя из Малого Дома, как чаще всего и случалось с многочисленными дочерьми знатнейших князей. Но её мужчиной стал Видогост. Человек, которого Агун и Кеса так же вели вперёд. И не зря они теперь вместе, не зря объединяет их любовь. Главное, действовать не спеша.

Словно угадав мысли Мирины, Видогост произнёс:

— Думаю, что всё должно решиться в ближайшие года три, а то и раньше. Мы давно ждали, что Деян подрастёт, и вот он уже совсем взрослый. По правде говоря, я думал, что его женят ещё лет в семнадцать или даже в шестнадцать. Однако, нам повезло. Но с каждым месяцем он становится взрослее.

— Ты прав, он стал взрослее, а значит... — Мирина задумалась.

— Значит мне нужна поддержка Старшей дружины, Железного войска и Поместной стражи. Без воинов я никто. Но благодаря Эдуарду, все командиры поддерживают Деяна. Против моего племянника никто не пойдёт. Эх, знать бы, что он задумывает! Но где, там...

Сама знаешь, сколько раз я пытался подкупить кого-то из его охранников и дружинников.

— Да... — Мирина всё ещё была погружена в какие-то свои мысли.

— А ведь тот, кто знает о планах врага, уже сжимает пальцы на его горле! Ты уже спишь?

Мирина вдруг села на ложе. меховое покрывало сползло вниз, обнажив её упругие крупные груди. Видогост потянулся, чтобы обнять супругу, но она остановила его.

— Подожди, любимый. Знаешь, мне пришла на этот счёт одна очень простая мысль. И если всё сделать правильно, то как ты говоришь, мы сможем держать наших врагов за горло!

Потап всегда радовался, что ему удалось построить свой постоянный двор недалеко от главных городских ворот. На той самой улице, которая упиралась своим окончанием напрямик в княжескую резиденцию. Въезжавший в город странник после долгой дороги хотел поесть и поспать в тепле. И сразу наткнулся взглядом на заведение предприимчивого Потапа. В его постоялом дворе никогда не бывало пусто. В основном гостили у Потапа купцы. Но трапезную посещали не только они. Часто захаживал сюда и проживавший в Миргороде начальственный люд, а также состоятельные офицеры ратных и охранных отрядов. Он не принадлежал к числу военной знати и поэтому не имел права носить фамилию. Хозяин постоялого двора был известен как Потап Белый Зуб. Из-за единственного белого зуба, который всякий раз красовался на фоне своих потемневших собратьев, когда его обладатель одаривал собеседника широкой улыбкой.

Сегодня у Потапа был очень удачный день. Вечером его трапезную почтили своим присутствием самые знатные и влиятельные люди Крайнестьчья. Треть просторного помещения была отгорожена занавесью и заставлена дубовыми столами. Остальные гости и постояльцы туда не совались. Во главе стола, на самом почётном месте сидел Всесвет, сын Геннадия из Дома Булатовых. Двадцатипятилетний князь-воевода Железного войска собрал своих товарищей и командиров других ратных сил, чтобы принять поздравления в связи с рождением первого сына.

По левую руку от него сидели ещё шесть человек — полковники Железного войска. Здесь же присутствовал командир Поместной стражи исправник Игорь Сурин. Рядом с ним находился пристав Пётр Родников, командир отряда Тайной стражи. Его позвали скорее из простой вежливости, чем по дружбе. Мало кто питал любовь к офицеру, занятому таким странным делом. Смотреть, слушать и писать письма, разве это занятие, достойное воина? Служить, сражаться и охранять вот чем он должен заниматься. Хотя полсотни его бойцов были очень хорошо вооружены и, возможно, умели драться не намного хуже, чем старшие дружинники. Ещё должен был прийти Эдуард Булатов, но он пока задерживался.

— Где воевода?

— Сказал, что придёт когда закончит тренировку.

— Опять он своих латников гоняет! Сколько можно? Дал бы беднякам хоть чуть-чуть передохнуть.

Всесвет вступился за воеводу.

— Он всё правильно делает. Старшая дружина это самые лучшие конные воины в государстве. А что нужно делать, чтобы быть самым лучшим? Правильно, нужно непрерывно тренироваться!

— Даже во сне? — спросил Игорь Сурин.

За столом раздался смех. Кто же упустит возможность подшутить над виновником торжества? Всесвет Булатов был храбрым воином и хорошим организатором. Не зря ему доверили Железное войско, хоть были и более старшие претенденты. Идеалом командира для Всесвета, как и для большинства других офицеров был воевода Эдуард, ветеран Киврийской войны и участник множества схваток с кочевниками.

— Я смотрю, ты с воеводой во всём согласен! Не слишком ли ты к нему привязан?

— Почему бы и нет? Железное войско и Старшая дружина должны вместе врага разить, иначе можно и битву проиграть.

— И кто же здесь враг?

— Да нет здесь у меня врагов, вы все мои друзья. Хватит трепаться, может уже пировать начнём?

На этот счёт согласие было единодушным. По традиции, Всесвет должен был принять поздравления до того как на стол подадут яства. Когда каждый из присутствующих высказал добрые слова, виновник торжества повернулся в сторону кухни и громко выкрикнул:

— Потап!

Хозяин появился чуть ли не в то же мгновение, одаривая всех своей знаменитой улыбкой.

— Ну что, я распоряжусь?

— Конечно же, давно пора!

Несколько отроков проворно подали зайцев, запечённых на противне с морковью и луком. На каждой из тушек были отчётливо видны следы от укусов охотничьих собак. Над столами разлился приятный аромат свежеприготовленного мяса. Рядом с каждым гостем поставили большую деревянную кружку, наполненную брагой. Проголодавшиеся мужчины жадно принялись за еду и питьё. Ловко орудуя ножами, князя быстро расправились с зайчатинной и стали запивать её брагой. Один из полковников грустно наблюдал за своими друзьями. Отрезав небольшой кусок мяса, он положил его в рот и очень медленно принялся жевать. Затем с трудом проглотил зайчатину и взяв кружку, не отрываясь выпил её до дна.

— Сбыня, ты чего такой печальный? — обратился к нему Всесвет — Тебе зайцы не по вкусу? На мой взгляд они прекрасны!

— На мой взгляд тоже... — грустно ответил тот — Зубы болят ужасно. Как с утра прихватило! Налейте мне лучше браги ещё...

Занавесь отворилась и к пирующим присоединился Эдуард Булатов. Всесвет встал и уступил ему своё место.

— Где ты был? Мы уже начали.

— Правильно, что начали. А мне надо было закончить те упражнения, что я запланировал на сегодня для дружины... Зайцы это хорошо. А ещё что-нибудь будет? А то я голоден! Специально ничего не ел с утра. — воевода весело улыбнулся и подмигнул.

Отроки подали запечённых тетеревов. Начинённые брусникой, черникой и клюквой птицы лежали голова к голове на круглом металлическом блюде больших размеров. Сочившаяся из тетеревов начинка блестела на нём кроваво-алыми разводами. К тетеревам подали несколько пузатых кувшинов густого домашнего пива. Печальный Сбыня поглядел на своих товарищей, наслаждавшихся сочным мясом и налил полную кружку пенного напитка. Отрезал ножом маленький хрустящий кусочек и, морщась от боли, медленно разжевал его. Эдуард заметил это.

— Что, полковник, никак зубы болят?

— Не то слово!

— Я тебе вот что посоветую. В свободное от службы время, сходи в градское подворье Агуна и Кесы к мудрейшему Валентину. У него там одна знахарка есть, как раз большая мастерица зубную боль унимать. Мудрейший тебя с ней познакомит.

— Думаешь, поможет? — с надеждой в голосе спросил Сбыня.

— Поможет, даже не сомневайся! — жевавший кусок тетерева Эдуард уверенно закивал головой, — Мне уже много раз помогала. Два года назад так зубы разболелись, что я вообще ничего есть не мог. Одним молоком жил. А теперь видишь как! Могу кабана живьём загрызть.

— Спасибо, воевода! Завтра же схожу.

Эдуард зажал крепкими пальцами серебряную улу и звонко постучал ей по дубовой столешнице.

— Но ты сам понимаешь, та знахарка не за пустую благодарность трудится.

— О... Конечно же! Отсыплю ей монет от души за такое-то дело.

— Нет, тут знаешь в чём заковырка.

— В чём же?

— Для себя она денег не берёт. Говорят, что когда открыла она в себе редкий дар избавлять людей от боли, да ещё обучили её в Школе Лекарства зубы лечить, дала обет эта знахарка Аурину и Заре, что в честь их благоволения не будет она с больных никаких денег брать.

— И как же быть?

— Денег ты дашь мудрейшему Валентину. А ей принесёшь только то, что она для себя не сможет использовать.

— Что?

— Она тебя сама попросит. Может трав каких целебных купить или нитей шёлковых. Может скажет, чтобы ты ей у кузнеца инструмент какой заказал починить.

— У неё ещё и инструменты есть, вроде как у плотника что ли?

— А ты как думал, что она голыми руками лечит? У неё много всяких инструментов. Очень тонкой работы. Так что не к оружейнику надо идти, а к золотых дел мастеру, у кого руки к такой работе привычнее. Слушай, Сбыня за тобой в сражение тысяча взрослых ратников должна ходить, уж со своими зубами ты как-нибудь сам разберёшься!

За столом раздался весёлый смех. Прибодрённый полковник заулыбался и отпил большой глоток пива из деревянной кружки.

— Всесвет, мы тут всё мясо жуём, да пивом запиваем в честь твоей радости, — обратился к князю-воеводе Игорь Сурин, — а как ты сына-то своего назвал. Того, кто избавил тебя от столетнего проклятия Дома Булатовых?

Захмелевший Всесвет в шуме пира не сразу сообразил о чём идёт речь.

— Да, — гордо воскликнул он, — у меня теперь есть сын. Он мой наследник. Продолжит нашу гордую знатную фамилию. У меня сын!

— И три дочери...

Всесвет пристально посмотрел в глаза исправнику.

— Да, ещё три дочери. А у тебя-то самого, Игорь сколько сыновей?

— Четверо! — тоном победителя провозгласил командир Поместной стражи.

— Четверо... — Всесвет закусил губу.

В их разговор вмешался Эдуард.

— Но не стоит забывать, что почтенный исправник принадлежит к Малому Дому князей Суриных. А их недуг нашего семейства обошёл стороной.

— И то верно, воевода! — Всесвет обрадовался неожиданной помощи.

Однако, Эдуард Булатов продолжал:

— Но это не отменяет нашего всеобщего любопытства. Как ты назвал своего наследника, который продолжит нашу гордую фамилию?

Князь-воевода Железного войска с ужасом осознал, что забыл имя своего наследника. Сына, которого подарили ему Агун и Кеса, избавляя от скорбных мыслей о том, что Всесвет не смог породить воина. Глаза всех присутствующих были устремлены на него. Действительно, любопытство всеобщее. От него никуда не денешься. Чтобы выиграть время, Всесвет положил в рот кусок тетерева и залил его большим глотком пива. Несколько мгновений он получил, но разум слишком отвлекся на великолепно приготовленное мясо и вкусное пиво и передышка ничего ему не дала. Он забыл!!!

— Чтобы мне у Килмы гостить... — понизив голос произнёс князь-воевода, — Я забыл...

За столом воцарилась полная тишина. Не все сразу осознали то, что сказал Всесвет. Некоторые подумали, что он так шутит. Но его растерянно открытый рот не оставлял сомнений: он и правда забыл каким именем нарёк своего сына! Гнетущая тишина сменилась лёгкими ухмылками, которые быстро разрастались в весёлые улыбки. А шёпот шуток превращался в открытый смех.

— Слушай, князь-воевода, а ты точно уверен, что у тебя сын родился? А то может опять дочь?

— Жену-то не забыл как звать?

— В этом деле не важно помнить как сына зовут, важно не забывать, как вообще дети делаются!

— Так может это супруга наследнику имя дала, а ему рассказать забыла?

— Всесвет, Всесвет! Не забывай, тебя зовут Всесвет Булатов!!!

Однако, боги чуть было не утопившие молодого князя в наводнении шуток и насмешек, вдруг вновь послали ему под ноги твёрдую почву. Всесвет громко прокричал:

— Игнат!!! Я назвал своего сына Игнатом.

Гости облегчённо зашумели. «Хорошее имя!» Чтобы не дать насмешкам пойти по новому кругу, в разговор вмешался Эдуард Булатов. Если вовремя не остановиться, то такие дружеские шутки могут незаметно перейти в оскорбления и стать причиной опасных взаимных обид. Не смотря на то, что Всесвет был на тринадцать лет моложе Эдуарда, воевода дружески потрепал его по плечу.

— Ничего, с кем не бывает! Тем более под такую славную закуску. Мне было семнадцать и я без всякой закуски с пивом забыл имя надсотника Старшей дружины. Впервые в жизни решил обратиться по какому-то делу к такому высокому офицеру и напроць забыл название его должности! Вот тогда я серьёзно понервничал.

Присутствующие радостно начали вспоминать похожие случаи из своей жизни.

— Я на утро после свадьбы вообще забыл как жену зовут. Просыпаюсь рядом и ничего не помню!

— Про свадьбу?

— Про жену! Кто такая, как зовут? Потом вспомнил. Во как бывает!

На стол поставили ещё пива и блюдо с печёным мясом кряквы. Угощение и питьё

заставило всех отвлечься от оплошности Всесвета. К его огромной радости. Надо же так забыть как сына назвал!

— Наш князь уехал в Древогород? Почему мудрейшего с собой не взял? — спросил Всесвет.

— Мудрейшего не приглашали. — ответил Пётр Родников.

— Значит не Великий совет созывают?

Пристав промолчал.

— Ну раз мудрейшего не пригласили, значит дела не слишком важные. Сами разберутся.

— Это точно.

— А если дела не слишком важные, значит никакой войны в ближайшие годы не будет.

Присутствующие согласно закивали. Неожиданно жёстким голосом, который совсем не соответствовал тону всех предшествующих разговоров вмешался Эдуард.

— Война будет.

— Война... Будет?

— Конечно. Можете в этом даже не сомневаться.

— Но ведь уже семнадцать лет царит мир. За эти годы никто не смел всерьёз покушаться на Рустовесское государство.

— Всё верно. Но только дураки думают, что боги даруют мирные времена навечно. Вы забыли, что наш предельный князь всего три года назад умер от раны, полученной им в бою? И после такого кто-то станет всерьёз утверждать, что войны не будет?

— Смерть Благослава ужасна. И рану свою он получил в сражении. Но согласись, воевода это была не война. Да, узулуки совершили крупный набег, но разве можно его сравнить с войной? Благослав мог поручить это дело любому старшему командиру. Державный князь тоже посылал своего второго сына усмирять племена в Мирлийских горах. Утверждают, что Лютогост много раз лично участвовал в рукопашных схватках. И если бы ратное счастье ему изменило, то он вполне мог бы погибнуть или получить опасное ранение.

— Ты прав, Всесвет. Но зачем Благослав лично повёл воинов? Зачем Лесьяр отправлял своего сына рисковать головой? Вы думаете, почему я гоняю дружинников так, что они к концу дня не могут связать двух слов и теряют сознание? Чтобы оставаться оружием, меч должен быть заточен и убережён от ржавчины. А воин и полководец должны непрерывно учиться. Державный князь это знает. Наш предельный князь это понимал. Вы думаете, что семнадцать лет мира это много? Это вообще ничто! Поговорите с мудрейшим Валентином. Он хорошо знает старые рукописи. Как-то раз он считал. Мудрейший утверждает, что за историю Рустовесской державы на один год мира приходится три года войны. Семнадцать лет мира... — Эдуард ухмыльнулся, отхлёбывая из кружки большой поток пива — Семнадцать лет войны! Как вам такое? Вот тогда все будут с горечью вспоминать про мир и проклинать свою глупость. Будут смеяться над тем, что считали тихие времена вечными. Мы быстро оправались от Киврийской войны. Быстро восстановили силы. Но наши враги тоже не спали. Они тоже крепки как никогда. Очень скоро враг вновь пойдёт на нас войной. И чтобы дать ему отпор, мы должны быть едины. Все мы. Я с вами. Вы друг с другом. Державный князь с предельными князьями. Все ведь знают, что означает герб Дома Булатовых? Он выбран неспроста. Нам не просто так даны такие тучные земли и рыбные реки. Мы находимся на самом переднем краю. Мы в первых рядах рустовесского войска. Держите мечи и копья наготове. Упражняйтесь, думайте головой. Тренируйте своих воинов.

Война может обрушиться на нас совершенно неожиданно.

К радости Эдуарда Булатова никто с ним не спорил. Все притихли и, не смотря на хмель, слушали бывалого воина очень внимательно.

Когда от кряквы ничего не осталось, отроки принесли блюда с солёной белужатиной. Первым заговорил Игорь Сурин.

— Если действительно всё так серьёзно, то нам бы Видогоста в правители. Вот кто настоящий предельный князь. Деян ещё слишком молод, чтобы быть хорошим князем.

— Видогост всего лишь временно в этой роли — перебил его Эдуард, — Когда Деян женится и родит сына, никто уже не назовёт его наследником. Видогост очень хороший человек, но он слишком увлекается своими мечтами. Он забыл, что родился вторым, а не первым. Эта забывчивость очень мешает ему спокойно жить.

— Вы правы, воевода. — исправник поспешил согласиться с мнением Эдуарда.

Всесвет примирительно обвёл всех взглядом.

— Наша обязанность служить предельному князю. Деян законный владыка Миргорода, значит мы служим ему. А заниматься интригами не наше дело. Наше дело тренировать отряды и готовиться к войне. Тем более ты, Игорь поосторожнее бы тут высказывался. Вон, как пристав Тайной стражи на тебя внимательно смотрит. Сегодня же всё запишет и доложит державному князю в Древгород.

Пётр Родников сдержанно улыбнулся. Но все заметили его пристальный взгляд, обращённый на исправника Поместной стражи.

— И правда, воевода князя надо бы женить. Но кто этим займётся? Была бы жива его мать, она бы давно сыскала невесту. А так, он теперь сам должен постараться. Но кто же в таком возрасте сам жениться захочет? Ещё пойдёт чего доброго гулять.

— Само по себе это не очень плохо. Но не в его ситуации. Свадьба и рождение сына помирят Видогоста с Деяном, уберут из его головы враждебные мысли. А ведь именно единство нам очень нужно сейчас!

После солёной белуги принесли кадку с клюквой и брусникой. На большом блюде разложили медовые соты. Потап Белый Зуб достал для своих гостей чаши из толстого стекла. Такое стекло часто находили на большой глубине в разных местах Рустовесского государства. Целые россыпи. Откуда там взялось это стекло? Никто не знал. В простонародье его прозвали «слёзы древних». Видать, в тех местах горе постигшее пращуров было таким тяжёлым, что даже слёзы их превращались в осколки стекла. Там строились поселения, жители которых промышляли тем, что откапывали эти слёзы и выдували из них редкой красоты посуду. В основном чаши. Такое стекло ценилось выше, чем произведённое стеклодувами в эпоху Второго солнца. Именно чаши из «слёз древних» и наполнил для своих гостей мёдом радушный хозяин постоянного двора.

Кадка с ягодами быстро опустела. Мёд был выпит. Миргород заволокла чёрная осенняя ночь. Всесвет Булатов был по много раз поздравлен с рождением сына. Темы для шуток и серьёзных разговоров были исчерпаны. Князья собрались уходить и начали вставать из-за столов. Сбыня, полковник Железного войска, мирно спал уткнувшись лицом в лежавшую на столе правую руку.

— Сбыня, пора! Вставай, уходим.

— Я не могу... — сонным голосом отозвался тот.

— Почему не можешь, что случилось?

— Не могу идти...

— Так сильно устал?

— Нет. Просто не могу.

— Хватит лободырным прикидываться, нам пора идти.

— Идите, я не могу... Меня не отпускает...

Пётр Родников и Всесвет взяли полковника за плечи и стали поднимать. Сбыня повалился на скамью и крепко вцепился в неё руками. Наблюдавший за происходящим Белый Зуб, предложил не таскать офицера в таком виде по улицам.

— Я выделю комнату, пусть он там отоспится.

— Верно. Пойдём, Сбыня выпишься здесь у Потапа.

Но полковник не разжимал пальцев, плотно вцепившись ими в скамью.

— Это из-за зубов. Есть почти ничего не ел, а пил много. Вот его и припекло. Сбыня, пошли!

Князя потащили своего товарища за ноги. Но тот, обхватив скамью руками, повис в воздухе, словно думал, что его тащат не друзья в тёплую комнату, а пытается заглотить своей клыкастой пастью Невита.

— Я не могу идти... Туловище меня не отпускает!!!

Глава 6 Великий совет

Пётр Строгов сильно переживал. Он открыл глаза, но не увидел ничего кроме тьмы. Закрыв глаза и увидел то же самое. Ничего не изменилось. Надо было спать, но сон никак не шёл. В голове постоянно роились мысли. Они гудели и жужжали, не давая сосредоточиться на отдыхе и покое. Беспокойство переползло из головы в грудь и живот, растекалось тягостным напряжением по всему телу. Иногда юноше казалось, что от волнения он устал так сильно, что вот-вот упадёт без сознания. Но добравшись до ложа ворочался почти всю ночь. Так повторялось уже несколько дней подряд. Так было и сегодня.

Приближался созванный его отцом Великий совет. Это не частое событие в жизни Рустовесской державы. Что на нём будет? Сможет ли отец добиться у князей одобрения на исполнение его замыслов? Зря он задумал всё это. Зачем нужно какое-то пустое согласие? Ведь можно просто приказать и всё! А так сколько времени будет потрачено в пустую. Нужно созвать князей, дожидаться пока они получают письма, пока соберутся, пока приедут, потом провести совет и разъехаться обратно по пределам. Можно было просто разослать грамоты с приказами. Намного меньше хлопот. И он, Пётр, сын Лесьяра из Дома Строговых не переживал бы так сильно.

Сон улетучился окончательно. Юноша слез с ложа и стал ходить по своей комнате. Приятная прохлада слегка успокоила мысли. Иногда ему казалось, что предельные князья приедут только ради того, чтобы сразу же начать расспрашивать младшего сына их властителя про историю Дома Строговых, про расположение рек и городов в Рустовесской земле и про их собственные Дома. Немедленно начнут выпытывать у молодого человека где какой предел располагается. Благодаря помощи старшего брата, Всеслава, Пётр хорошо выучил чертёж Рустовесья. Гужвоземье, Густошумье, Солоплаж, Суломатье, Крайнесточье и Хладоручье. Он мог хоть прямо сейчас показать на какой реке какой город стоит.

Брат очень помог ему. Пару дней назад Всеслав принёс Петру «Буквенное описание земли Рустовесской и правителей её». Автором объёмистого труда был Вейкко, мудрейший храма Юма и Живы в Суломатье. Книгу мудрейший написал всего около пяти лет назад и список был совсем новый, не похожий на другие книги из библиотеки. Искусно разукрашенная обложка из тонких досок, две бронзовые застёжки, разомкнув которые можно было пробудить к жизни события прошлого. Пётр никогда не любил читать, но труд Вейкко пришёлся ему по вкусу. Как сказал Всеслав, у мудрейшего есть и другие труды, но этот самый сдержанный в суждениях и полезный для изучения прошлого. Мирная книга. Интересно, что значит «мирная»? После Великого совета, когда Петра перестанут допрашивать, нужно будет почитать и другие рукописи.

Пётр подошёл к очагу и медленно подул в него. От его дыхания несколько угольков открыли глаза и слабо засияли. Пётр разжёл от них лучину, и перенёс пламя на масляный светильник. Когда горящее масло осветило его маленькую комнатку, он оделся и придвинул к столу сундук. Бросив на его крышку покрывало, сын державного князя сел поудобнее и придвинул «Буквенное описание...» поближе. Конечно, читать при свете слабого огонька было не так приятно как под лучами солнца, но другой возможности посидеть с книгой не было. Когда начинают дуть зимние ветры, солнце редко балует рустовесцев своими лучами. Дни становятся очень короткими. И в эти короткие часы отец берёт его с собой, чтобы организовывать встречу предельных князей или идёт с младшим сыном в казармы Старшей

дружины. Времени на чтение не остаётся. Только ночью, при свете горящего масла. Тем более, что Пётр всё равно не может заснуть.

Юноша расстегнул бронзовые застёжки и открыл книгу на странице, посвящённой истории его Дома. Брошенные в очаг щепки принялись дружно потрескивать, наделяя комнату теплом своего горения. Пётр взялся за чтение.

Как рассказывала рукопись, основателем династии Строговых был выходец из храма Благопроявлений. Звали его Яков. Будучи полным сиротой он воспитывался в Доме мальчиков, где обучился ратному делу. Так же юноша питал тягу к знаниям, прошёл обучение и достиг степени знающего в четвёртом dvojстве слепых. В Храмовой дружине он со временем стал командовать сотней.

По достижении двадцати лет Яков предложил мудрейшему организовать походы вверх по рекам Рустовесь, Мицальта и Хиля, чтобы присоединить «ничейные» земли, лежащие вдоль их берегов. Но мудрейший ответил, что храм занимается только верой и наукой, а не военными походами. Тогда Яков загорелся идеей создания своего княжества и стал тайно собирать сторонников. Он решил, что раз храмы не захватывают земли, а племенные союзы тоже не стремятся расширять свои владения, то это даёт ему шанс создать свою державу. Раньше такого никто никогда не делал. Ещё не известно как бы к замыслам молодого сотника отнеслись Позар и Светлоба. Тогда Яков стал усердно молиться, спрашивая у богов их волю.

И вот однажды на небе появилось Второе Солнце. Ночь превратилась в день, а днём сияло два светила. В тот же год стали дуть тёплые ветры с юга. Яков и его сторонники поняли, что боги услышали их молитвы и посылают им знамение. Вопреки воле мудрейшего они переселились на пустынный берег реки Рустовесь, где основали своё маленькое поселение, назвав обнесённое земляным валом и частоколом городишко Древгородом. Яков объявил себя князем и взял себе фамилию Строгов.

Но человек самовольно назвавшийся князем, и взявший фамилию должен иметь и свой родовой герб. Именно тогда основатель державного Дома и выбрал то знамя, которое уже четыреста лет развевается над Древгородом и подвластными ему землями. Серебряная звезда символизировала Второе Солнце с пришествием которого началась новая Эпоха Благоденствия. Восемь её лучей обозначали, что Строговы претендуют на то, чтобы распространять свою власть во все возможные направления. Красный цвет поля был знаком того, что для создания, сбережения, укрепления и расширения княжества новый Дом не будет жалеть ни своей, ни тем более чужой крови. Вся история становления и развития Рустовесского государства была доказательством того, что державный Дом неуклонно следовал заветам своего основателя.

Масло в светильнике догорело и огонёк, беспомощно задохнувшись, вновь погрузил комнату во мрак. Пётр на ощупь закрыл книгу, щёлкнул застёжками и задумался. Спать ему совсем не хотелось. Можно было бы принести масла, чтобы опять разжечь светильник и почитать о том как первые Строговы обороняли Древгород, воевали с храмом Благопроявлений, племенным союзом усюнов и самовластными князьками, державшими остроги по обоим берегам реки Рустовесь. Но тревожить прислужников ему не хотелось. Пусть спят, у них сейчас и так очень много забот.

Пётр лёг на кровать. Что же ему делать? Постепенно переживания вновь охватили его разум. Всё ли он правильно выучил и запомнил? А вдруг, он что-нибудь напутает прямо на пиру в присутствии всех предельных князей и опозорит тем самым отца, свой Дом и себя до

скончания времён? Отец велел сыну чаще молиться. Обращение к Единому должно успокоить его разум.

Пётр слез на пол и встал на колени. Тихим полушёпотом начал произносить он давно заученные молитвы к Элаю. Но волнение юноши только усиливалось. Он уже чувствовал, как всё более болезненно начинает биться его сердце. Чуткий слух уловил как свирепствует за каменными стенами северный ветер. Его жестокие удары заморозили слова молитвы и сдули их как сухие листья с берёзы. Все мысли молодого человека о Едином внезапно пропали, канув в ледяную смертельную пасть Хлада. Петром овладел парализующий ужас.

Как мог отец отойти от старых богов? Ведь тот, чей дух отвернулся от их защиты, после смерти будет растерзан Мрозом и Килмой, после чего навеки отдан во власть Хлада. Яков Строгов, основатель их Дома, имел разногласия с хранителями, даже воевал с храмом Благопроявлений. Но он не отворачивался от богов. Он молился им, спрашивая их совета и наставления. Позар и Светлоба откликнулись на его молитвы и послали будущему князю знак своего величайшего благоволения — Второе Солнце и тёплые южные ветры.

И вот теперь он, Пётр, далёкий потомок основателя Дома стоит во тьме, пытаясь выговорить слова, обращённые к чужому божеству. А вокруг бушуют злые зимние ветры, посланные с остатков ледника теми, кто ненавидит жизнь во всех её проявлениях. Разве смогли бы их предки выжить в Эпоху Падения, если бы просили защиты не у своих истинных богов, а у этого странного божества, пришедшего из-за моря, из земель в которых никогда не падает снег?

Старые, родные боги послали Петру предупреждение. Надо быть глупцом и слепцом, чтобы не понимать того, что с ним сейчас произошло. Целая цепочка совпадений. Такого не бывает, это был ясный знак от древних покровителей Рустовесского государства. Отбросив все мысли об Элае, Пётр обратился с молитвой к Позару и Светлобе. Хорошо, что старые боги могли легко внимать любым обращениям. Чтобы общаться с ними не нужно было заучивать никаких особым образом сложенных молитв. Сердце Петра моментально успокоилось. Самое главное не говорить отцу о своём открытии. Похоже, что он искренне поверил в Элая. Действовать напрямую было бы глупо и неосмотрительно. С помощью истинных богов он найдёт способ переубедить отца. Но позже, не сейчас.

По приказу Лесьяра Строгова конные разъезды Дворцовой стражи заняли свои позиции в одном дневном переходе от Древгорода. Каждый разъезд размещался на пути продвижения предельных князей. Стражники встречали почётных гостей и провожали их до столицы, неся впереди себя весть об их приближении. Всеслав, наследник Лесьяра, встречал князей у городских ворот и провожал их к отцу. Сам державный князь в окружении детей и ближайших помощников ожидал прибывших у ворот своей резиденции, что было знаком величайшего уважения к владыкам пределов.

Первыми на заснеженных полях показались знамёна предельных князей Юрьевых. На жёлтом поле полотнищ сверкало зелёное солнце их Дома, имевшее восемь коротких лучей, ограниченных перекладками.словно вбил кто-то в зелёный шар восемь гвоздей такого же цвета. Казалось, что солнце это вот-вот сорвётся с трепетавшего знамени и покатится на восьми своих ножках куда-то вдаль.

Род свой Юрьевы вели со времени появления Второго Солнца. Основатель династии, воин Храмовой дружины по имени Георгий, бежал вместе с Яковом Строговым из храма

Благопроявлений, был одним из тех кто начал строить Древгород. С тех пор Юрьевы были верными союзниками Строговых. Они командовали засечной чертой у подножия Мирлийских гор, водили древгородские дружины на войну.

В восемьдесят пятом году молодое Рустовесское государство победило племенной союз густашумцев. На следующий год был создан предел Густошумье. Первым предельным князем назначили Скалогрома Юрьева. Он и построил в верховьях реки Рустовесь крепость Белошумье. Город стоял на самой тогдашней границе и защищал реку от набегов воинственного племенного союза сваяльцев. Когда в конце концов сваяльцы были завоёваны, Юрьевым даровали обязанность присматривать и за их землями. Воины Дома Юрьевых были первыми из тех, кто трижды принимал на себя удар их восстания и до конца участвовал в подавлении сваяльских мятежей. Не было ни одной войны в которой Юрьевы не приняли бы участия.

Подъехавший к воротам резиденции предельный князь ловко соскочил с коня и преклонил колени перед своим владыкой.

— Приветствую тебя, Лесьяр, сын Красимира!

Лесьяр Строгов также почтительно склонил голову.

— И тебя, Хотен, сын Стоума из Дома Юрьевых!

После этого оба крепко обняли друг друга. Пётр Строгов заметил, что Хотен Юрьев был среднего роста, имел худощавое телосложение. Говорил он очень почтительно, но тонкие губы его всегда были сложены в какую-то странную едва уловимую ухмылку. Мутноватые серые глаза князя освещали собеседника лёгкой подозрительностью и хитростью.

— Всё, северные ветры уже принесли зиму, — начал предельный князь. — Из Белошумья на ладьях двинулись. Думал, побыстрее прибудем. Куда там! Через два дня уже ледок начал на реке вставать. Пришлось на коней пересаживаться. Хорошо ума хватило их с собой взять. Следом на плотах везли.

— Ну ты решил тоже, — засмеялся Лесьяр. — Хотел быстрее зимы приехать?

— Хотел, да она проворнее меня оказалась.

Знамёна с серебряной молнией, заключённой в красный круг появились через два дня. Чернек Озеров, крепкий массивный мужчина, преклонил колени перед Лесьяром в солнечную морозную погоду. Когда предельный князь снял свой шлем, Пётр Строгов увидел его короткие русые волосы с проседью и лысиной. Серые глаза Чернека одарили юношу пристальным оценивающим взглядом. Младший сын владыки Древгорода застыл от ужаса. Вот сейчас начнёт спрашивать его про свой Дом! Но Чернек не задал никаких вопросов.

Третьими прибыли Волковы. Их предки получили власть в двести втором году от явления Второго Солнца. После того как Рустовесское государство завоевало племенной союз шумян, и державный князь создал новый предел — Солоплаж. Первым предельным князем был Кирилл Волков, получивший этот титул в знак особых заслуг перед государством. Дом Волковых мог похвастаться многими славными воинами и полководцами.

Гербом Дома Волковых было знамя, на бледно-голубом поле которого скрестились копьё, меч и топор. Цвет поля был символом моря на берегу которого стоял Удольчин, предельный город Солоплажа. Копьё, меч и топор предназначались для любого человека или народа, который осмелится назвать себя врагом державного князя.

Нынешним главой Дома Волковых был Олег, сын Далибора. Князь был среднего роста имел крепкое телосложение. В отличие от других князей, у него было круглое лицо. Голубые

глаза владыки Удольчина выражали невозмутимое спокойствие. Пётр Строгов не заметил в них никакой подозрительности или враждебности. Похоже, это самый верный подданный его отца!

Через день после Олега Волкова прибыл со своим отрядом Ростих, сын Велерада из Дома Клыковых. Клыковы были самым молодыми предельными князьями. Их Дом появился менее столетия назад. В триста восемнадцатом году державный князь Кузьма Строгов решил присоединить к Рустовесскому государству земли, граничащие с остатками Великого ледника. Туда, в дикие заснеженные леса постоянно переселялись люди. Было их очень мало, но всё же такие действия никого не могли оставить равнодушными. Одни называли их храбрецами, другие безумцами. Ещё бы, жить в землях граничащих с порождением Мроза и Килмы! Около громадных глыб льда, с которых на государство каждый год спускается зима. Кузьма Строгов решил, что в тех землях нужно создать новый предел, чтобы Рустовесская земля имела на севере естественный рубеж. Как считал державный князь, эти земли должны перейти под его власть пока не заполонили их свирепые таслейские племена с северо-запада.

Все отговаривали Кузьму Строгова от этой безумной затеи. Но нашёлся человек, который поддержал державного князя. Звали его Всеград. Был он самым младшим представителем одного из купеческих семейств Древгорода. Узнав об этом, Кузьма Строгов немедленно объявил о создании предела Хладоручье, а купеческого отпрыска назначил в нём предельным князем. И как оказалось, не прогадал. Уже через несколько лет в верховьях реки Кульмы был отстроен Камнеград, столица нового предела.

Новоиспечённый князь взял себе фамилию Клыков и выбрал гербом чёрного змея на белом поле. Белое поле символизировало снега и льды над которыми властвовал новый Дом. Чёрный змей обозначал плодородие, которое со временем поселится в Хладоручье. Как не трудно догадаться, Клыковых считали самыми худородными из всех Больших Домов Рустовесской земли. Особым уважением они не пользовались, хоть и успели принять участие в нескольких войнах, прогремевших за последний век. Как отметил в своём «Буквенном описании земли Рустовесской и правителей её» мудрейший Вейкко, именно по причине молодости своего Дома Клыковы всегда держатся за державного князя. Он поддерживает их, а они его.

Ростих, сын Велерада из Дома Клыковых был очень худ и не высок ростом. Лицо его освещала широкая улыбка. Взгляд зеленоватых глаз так же показался Петру весьма дружелюбным. На лоб князя ниспадали длинные чёрные волосы. «Да, — подумал Пётр, — видимо в Хладоручье сильно не отъешься: холодный и бедный край!» Зима, жена его старшего брата, тоже была довольно худошава.

Из всех предельных князей больше всего расположился Пётр к прибывшему последним Деяну, сыну Благослава из Дома Булатовых. Возможно, из-за его молодости. Владыка Миргорода был всего на пять лет старше. Было видно, что молодой правитель ещё не очень освоился в своей роли, да и подобное собрание знатнейших представителей Рустовесского государства ему ещё видеть не приходилось. Пётр приметил, что его сестра Дарина выглядела сегодня особенно красиво. Она с интересом разглядывала молодого Булатова и щёки её покрылись лёгким румянцем. Похоже, что не только из-за мороза. После того как князь спешил с коня и поприветствовал своего властителя, Дарина на миг переглянулась с отцом. Петру даже показалось, что Лесьяр Строгов слегка кивнул своей дочери.

— И так, все мои почтенные гости в сборе, — объявил Лесьяр. — Сообщаю моим

подданным и верным союзникам, что Великий совет состоится послезавтра.

По традиции до Великого совета никто не вёл разговоров о государственных делах. Князья проводили время на пирах, присутствовали на ратных соревнованиях своих дружинников, вели беседы об охоте, военном деле и лошадях. К немалому разочарованию Лютогоста, отец запретил ему участвовать в ратных состязаниях. «Ты не рядовой дружинник, — сказал сыну Лесьяр, — а значит тебе не место в этих забавах!»

В резиденции державного князя было особое помещение. Пользовались им очень редко, но порядок поддерживали постоянно. Так повелось ещё более двухсот лет назад, когда резиденция из деревянной была перестроена в каменную. На стенах комнаты висели знамёна пяти Больших Домов и пяти храмов Пресветлых богов. Естественно, располагались они чуть ниже знамени Великого Дома державных князей Строговых. В стены были вмонтированы специальные крепления для факелов и светильников. Правее входа находилась специальная стойка для мечей. Посередине комнаты стоял большой стол. Вокруг стола располагались скамьи. На столе лежали чистые листы бумаги, перья, чернила и воск. Сегодня Лесьяр приказал снять со стен знамёна благоверов. В этой комнате по традиции проходили заседания Великого совета Рустовесской земли.

Сквозь узкие прорезы окон светило тусклое солнце. Предельные князья входили, снимали пояса с мечами и крепили их на стойку у входа.

— Что же, — сказал Лесьяр Строгов, — будем считать, что Великий совет открыт.

Хотен Юрьев немного замешкался со своим поясом. Затем недоуменно посмотрел на державного князя, указав глазами на стол за которым сидел Всеслав.

— Лесьяр, что здесь делает твой сын? Наследники не имеют права присутствовать на Великом совете.

— Да, — спокойно ответил державный князь. — В соответствии с обычаям они не могут здесь находиться. Но Всеслав здесь останется. Он будет молчать и смотреть.

Всеслав Строгов улыбнулся, почтительно кивнул и не произнёс ни звука. В разговор вмешался Чернек Озеров.

— Если это Великий совет, то почему в этой комнате нет мудрейших? Без них никак нельзя его проводить. В истории Рустовесской земли ещё не было таких советов.

Лесьяр Строгов ожидал подобный вопрос и был к нему готов.

— Мудрейшие храмов Пресветлых богов участвовали в советах последние двести лет. Двести пятьдесят лет назад на Великом совете мог бывать только мудрейший храма Благопроявлений. В первые полтора столетия со времён основания нашего государства хранителей на советах вообще не было.

— Может быть так было раньше, — ответил слегка озадаченный Чернек. — Но двести пятьдесят лет! Великий совет имеет огромное значение...

— Именно поэтому мудрейшие здесь не нужны. Им незачем иметь такое влияние.

Лесьяр Строгов почувствовал боль в груди. Она была слабой, но заметной. Чтобы облегчить её, он сделал несколько глубоких вдохов. Так, чтобы никто из предельных князей этого не заметил. Голова слегка закружилась. Нет, нужно взять себя в руки! Разговор ещё даже не начался, самое трудное впереди. Момент не самый лучший, чтобы расслабляться. Он сделал рукой жест, приглашая князей садиться за стол. Негоже обсуждать важные дела стоя в дверях. Но Чернек Озеров явно не собирался уступать.

— Нужно немедленно вызвать в Древгород мудрейших, подождать их приезда.

— Никого вызывать и ждать мы не будем. Ещё никогда не было Великого совета без одного из предельных князей. Не будем начинать такую практику.

Чернек Озеров сразу понял, куда клонит Лесьяр и молча пошёл к столу. Когда князья расселись, слово взял Олег Волков. Он обратился к державному князю:

— Лесьяр, если я всё правильно понимаю, то мы собрались здесь не из-за угрозы немедленной войны. Значит есть другие причины, и если ты нас вызвал, то они действительно важны. Предлагаю начинать обсуждение.

Державный князь медленно оглядел всех присутствующих. Боль в груди немного отпустила его и сейчас он собирался с силами. Но слишком долго молчать тоже нельзя. Как бы плохо он себя не чувствовал, нужно выполнять свои обязанности. В такие моменты ни в коем случае нельзя показывать слабость.

— Начнём наш совет вот с какого вопроса. Мне очень важно знать мнение каждого из присутствующих. Что вы думаете о военной опасности со стороны соседей?

Лесьяр посмотрел на Хотена Юрьева, поэтому первым ответил он.

— Я думаю, что прямо сейчас войны не будет. Наши враги ещё слишком слабы. Но с каждым годом опасность увеличивается. Надо готовиться.

— Ростих?

— Угроза войны никуда не делась. Опасность постоянно витает в воздухе.

— Чернек?

— Я согласен с князем Юрьевым. Надо готовиться.

— Что скажут Волковы?

— Безусловно надо готовиться. Главная угроза нашему государству исходит с Запада, от киврийцев и Вечерних королей.

— Что думает молодой князь Булатов?

— Мы постоянно готовимся к войне. Я думаю, что главная угроза Рустовесской земле идёт с Востока, от кочевых племён.

Лесьяр подвёл итог.

— Я рад, что все согласны. На счёт того, что война неизбежна мы все едины, а это главное. Я знаю, что на каждого из вас можно положиться по части готовности ваших войск к войне. Но для победы мало одного военного мастерства. Нужны стойкость и единство. Войско должно идти в бой за одним командиром. Государство должно обладать единством.

Державный князь замолчал и дал возможность своим князьям высказаться. От их реакции на его слова зависело в какую сторону он должен повернуть разговор. Первым заговорил Ростих Клыков.

— Я согласен с тобой, Лесьяр. Но разве мы не едины?

— Мы все служим твоей воле, — поддержал владыку Камнеграда Олег Волков.

Все предельные князья согласно закивали. Всеслав Строгов внимательно наблюдал за своими будущими подданными. Державный князь продолжал.

— Верно. Но наши отряды изолированы друг от друга в своих пределах. У ратников и офицеров нет опыта совместных действий. Чтобы исправить ситуацию, в следующем году мы начнём практиковать сборы всего рустовесского войска в одном месте.

— В одном месте?

— Да. Но наш Великий совет посвящён не этой проблеме. Я хочу вернуться к разговору о единстве государства. Наша решимость защищать страну должна подкрепляться не только

воинским мастерством. Всё это должно быть скреплено нашим братством. «Мы все братья», — неожиданным для Лесьяра, Всеслава и самих себя хором выдохнули предельные князья.

Лесьяр не стал скрывать своего удовлетворения услышанным. Однако, такое единодушие разорвало задуманную им нить разговора, которую он плавно подводил к главной цели Великого совета. Задумавшись на несколько секунд, державный князь зашёл с другой стороны.

— Деян, кому ты будешь молиться когда пойдёшь в битву?

— Агуну и Кесе, — ответил молодой князь.

— Ты, Олег?

— Сияю и Кипине, — не задумываясь сказал предельный князь Солоплажа.

— Аурину и Заре, — не дожидаясь вопроса сказал Хотен Юрьев.

— Кому будут молиться воины Озеровых?

— Ответ очевиден, — сказал Чернек. — Юму и Живе.

— Ростих, а кого из богов ты будешь молить о покровительстве в битве?

Владыка Камнеграда слегка наморщил лоб и поднял глаза вверх.

— Хм... В первую очередь в бою потребуется удача. Значит перед сражением я буду молиться Агуну и Кесе.

Именно на такие ответы и рассчитывал Лесьяр Строгов. Предельные князья, только что говорившие о своём братстве, наглядно продемонстрировали полное отсутствие единства. Можно было приступать к главному.

— Вот видите, произнёс после короткой паузы державный князь. — Как нам побеждать в сражениях, если нас защищают разные боги?

Хотен Юрьев, внимательно слушавший владыку Рустовесской земли, начал понимать к чему ведёт Лесьяр. Всеслав Строгов видел как предельный князь Густошумья сузил свои хитрые серые глаза и собирался с мыслями. Жаль, что Лесьяр приказал своему наследнику молчать, ему сейчас явно понадобится помощь. От внимания Всеслава не ускользнуло то, что его отцу стало труднее дышать. Приготовившись к спору, владыка Белошумья вступил в разговор.

— К чему подобные вопросы, Лесьяр? Мы вполне можем молиться Позару и Светлобе. Какая разница? Ведь все они дети Благо. А вот ты принял чуждого бога. Как он нас защитит?

Лесьяр Строгов больше не видел смысла медлить.

— Поэтому я и собрал вас на Великий совет. Принятие единой веры наша главная цель на сегодняшний день.

— Теперь понятно почему здесь нет мудрейших храмов пресветлых богов.

— Да, их здесь сегодня нет и больше никогда не будет. Разговор о них остался позади. Я же собрал вас чтобы объявить о том, что летом четырёхста четырнадцатого года вы и вся страна примите элаитство и принесёте мне присягу по обрядам новой, единой веры. Это будет первый шаг к укреплению державы. Получив для всех нас защиту Единого, мы начнём усиливать державу не только религиозными реформами.

Всеслав внимательно смотрел на своих будущих подданных. Отец был прав, его присутствие на Великом совете очень полезно. Даже безмолвное участие в таких спорах даёт возможность намного лучше понять характер предельных князей, их настроения и остроту умов. На пирах, охотах и ратных состязаниях сделать такие ценные наблюдения намного сложнее. Хотен Юрьев был явно оскорблён подобным поворотом Великого совета. Чернека

Озерова возмущала сама возможность каких-то серьёзных изменений. Олег Волков смотрел на державного князя растерянно-удивлённо. Деян Булатов наблюдал за происходящим с любопытством юноши, волею судеб оказавшимся свидетелем разговора более старших и солидных людей. Ростих Клыков задумался на некоторое время, потом с лёгким хлопком сжал ладони своих рук и кивнул головой.

— Я за! Клыковы поддерживают твоё решение, князь.

Чернек Озеров иронически усмехнулся.

— Ну да, что в Древгороде решить ещё не успели, то в Камнеграде уже одобрили.

Деян Булатов высказал терзавшие его сомнения.

— Разве можно взять и просто отказаться от веры предков? У меня в Миргороде есть некоторое количество жителей элаитов. Даже в Старшей дружине служат несколько ратников. Но так, чтобы взять и предать нашу веру?

— В Хладоручье очень много элаитов, — ответил ему Ростих Клыков.

— Ну да, — рассмеялся Чернек. — В твоём захолустье вообще людей очень мало. Как можно брать веру меньшинства? Остальных убьём?

— Никакого насилия, — ответил владыке Старогуля Лесьяр Строгов. — Когда вы примете новую веру, и присягнёте мне по её обрядам, люди сами постепенно будут обращаться к истинному богу.

— Истинному? — с удивлённым возмущением выдохнул Хотен Юрьев.

— Никаких диспутов о вере мы здесь устраивать не станем, — спокойно проговорил Лесьяр. — Пусть алимы и мудрейшие спорят о небесном. Для нас этот вопрос в первую очередь политический. Рустовесской земле нужно единство и элаитство способно его обеспечить. Я не заставляю вас делать что-то невозможное. Я уже три года как принял Единого. Просто следуйте моему примеру.

Ростих Клыков несколько не поколебал своей решимости поддержать волю державного князя.

— Я приму элаитство и присягну по его обрядам. Государство нужно развивать и укреплять. Ты прав, князь. Для блага Рустовесской земли мы должны принять защиту Единого.

Всеслав взвесил про себя слова Ростиха. Предельный князь Хладоручья говорит вполне искренне, решил наследник Рустовесской державы. Ему можно доверять. Тем временем, Деян Булатов продолжал сомневаться.

— Мы должны беречь страну. Война близко и только наше единство может помочь выстоять в ней. Но как отказаться от богов своих предков?

— Я уже принял элаитство, — повторил державный князь. — Просто следуй моему примеру. Новая вера это только начало укрепления Рустовесья. Мы проведём множество других преобразований. Создадим единоедержавное войско. Будем обучать грамоте людей из других сословий, тех кто склонен к такого рода делам. Чтобы их ум также начал служить на благо Рустовесской земли. Вместо нынешних трактов проложим такие дороги, которые крепче свяжут всю страну. Позволят войскам, купцам и посыльным достигать любого города или острога нашей страны. Только нужно начать. Всё решается сегодня, здесь. Это решение в наших руках.

Лесьяр Строгов снова почувствовал боль в груди. Как не вовремя она вернулась! Именно сейчас, когда от убедительности его слов зависит поддержка Крайнесточья, да и исход всего Великого совета. Хорошо, что Всеслав строго следует его наказу и не произносит ни звука.

Лютогост или Пётр уже давно бы вмешались в разговор и запросто испортили своими словами всё дело.

Деян Булатов колебался. Он безмерно уважал Лесьяра Строгова. Предельный князь Крайнестьочья понимал, что от его позиции сейчас зависит очень многое. Всё то о чём говорил державный князь было очень близко его молодому пылкому сердцу. Не просто рутинное управление своими землями, разбирательство споров, вынесение приговоров, занятия с бойцами Старшей дружины, напряжённое взаимодействие с дядей и его супругой. А то о чём сейчас говорит владыка Рустовесской земли. Новое войско, спаянное новой верой, преодоление доселе ещё не виданных проблем. Грядущая война... Да, это не может не привлекать. Но большинство из предельных князей явно не разделяют такого юношеского азарта. Деян Булатов посмотрел мельком на Всеслава. Наследник Древгорода был ему ближе всего по возрасту. За время пребывания в стольном городе старший сын Лесьяра стал Деяну весьма симпатичен. Поняв, что молодой князь невольно ищет его одобрения, Всеслав улыбнулся и едва заметно кивнул головой.

— Я согласен принять элаитство, — произнёс наконец Деян. — Булатовы поддерживают твоё решение, князь.

— Олег?

Предельный князь Солоплажа растерянно замолчал. На круглом лице его, заросшем небольшой бородой, отразилось тягостное размышление человека, делающего очень трудный выбор.

— Конечно, — наконец проговорил владыка Удольчина, — единство державы это очень важная вещь. И мы несём за неё ответственность. Но каждый человек отвечает в первую очередь за себя.

— Каждый простой человек, — поправил его Лесьяр Строгов. — Но ты не простой житель. Ты достойный сын старинного Большого Дома и несёшь ответственность за Солоплаж. А в конечном счёте за всю страну. Это очень важно. Я как твой державный князь нуждаюсь в поддержке. А вся Рустовесская земля нуждается в нашем единении. Разве ты забыл, что воины со всей державы сражались в Солоплаже, и мастера со всей страны помогали тебе восстанавливать Удольчин и другие крепости? Значит сейчас вся страна нуждается в твоём правильном решении.

— Я приму элаитство. Волковы поддерживают твоё решение, князь.

Молча слушавший их разговор Чернек внезапно вскочил из-за стола, словно обожжённый резким ударом небесной молнии.

— Вы рехнулись! Все наши предки были благоверами.

— А все наши потомки со временем станут элаитами, — Лесьяр Строгов спокойно сделал рукой жест, призывающий князя Озерова сесть на место. — Предки построили Рустовесскую державу не для того, чтобы мы её потеряли. А для её сохранения нам нужно единство. Я уже устал повторять это слово. Е-Д-И-Н-С-Т-В-О!

— Мы и так едины, — сказал Хотен Юрьев. — Мы ведь все клялись тебе в верности. Сейчас все наши усилия надо сосредоточить на военных приготовлениях.

— Так и будет. Ратную подготовку никто не отменяет. Но речь идёт не только о ней. Нужны меры по укреплению всей страны в целом, а не только войска. Новая вера это лишь начало.

— Клинок нашего государства уже много столетий твёрд и победоносен, — не хотел уступать Чернек Озеров. — Зачем его нужно перековывать?

— В последней войне мы одержали прекрасную победу, — поддержал его Хотен Юрьев. — Зачем что-то менять? Просто нужно готовиться к новым походам.

— Да, — согласился с ним Чернек, — ведь все тогда действовали сообща. При Чёрном кургане сражались все князья и храмы. Даже элаиты бились вместе с нами.

— Вот именно, — прервал рассуждения предельных князей Лесьяр Строгов. — Сообща. А должно быть монолитное единство, которое начинается с общей веры, с одного бога. Благоверие слишком раздроблено. Значит нужно принять элаитство. Покровительство общего для всех бога позволит нам укрепить порядок.

Хотен Юрьев понял, что державный князь не собирается уступать своим вассалам, но всё же решил попробовать перевести разговор в другое русло.

— Ты должен дать нам больше свободы, Лесьяр. Имея больше возможностей, мы сможем лучше следить за порядком на своих землях. Если бы ты снизил налоги, мы бы смогли тратить больше денег на войска.

— А ты не забываешься, Хотен? Это не ваши земли. Мои предки послали ваших предков, чтобы они правили пределами от имени державного князя. Чем вы сейчас и заняты. Не подарили вам эти пределы, а дали их в управление. Не забывайте! А что было однажды дано, то может быть и забрано назад.

— Лесьяр, — голос Чернека Озерова был одновременно удивлённым, возмущённым и слегка напуганным, — ты угрожаешь своим верным подданным?

— Нет. Я напоминаю своим верным подданным, что они исполнители воли державного князя. А она такова. Вы должны принять элаитство.

— Если такова твоя воля, — сказал Чернек. — Но благоверие помогло сохранить жизнь в Эпоху Падения.

— Да, помогло, — согласился державный князь. — Но оно и не давало идти вперёд. Если вы помните, то основатели Древгорода поступили вопреки воле мудрейшего храма Благопроявлений. Итогом их неповиновения стала Рустовеская держава. Теперь настало время когда мы должны двигаться дальше.

Предельный князь Густошумья понял, что дальнейшие споры не изменят решения Лесьяра Строгова.

— Если ты приказываешь, то мы должны выполнить наш долг по исполнению твоей воли. И мы выполним его. Но как быть с храмами Пресветлых богов? Если мы вдру объявим, что все разом переходим в элаитство, то против нас начнётся народная война. И храмы возглавят её. Нас просто сметут.

Державный князь улыбнулся.

— Тебя так просто смести? Я не зря сказал, про лето следующего года. За грядущие месяцы мы ослабим храмы.

— Но как это сделать? — поинтересовался Чернек Озеров.

— Во-первых, больше не ставить мудрейших в известность о государственных делах. Все вопросы решать без их ведома. Во-вторых, запретить храмам взимать десятину с предельных земель. Пусть живут за счёт тех доходов, которые они получают со своих собственных владений. В-третьих, мы запретим храмам выпускать велги. Пусть пользуются общегосударственными монетами. В-четвёртых, со временем они должны будут распустить Храмовые дружины.

— Если это приказ, то я его выполню, — произнёс озадаченный Чернек.

— Это приказ, — подтвердил Лесьяр тоном, пресекающим любые дальнейшие

возражения.

— Но подумай, князь, — не успокаивался Озеров. — Ведь храмы это надёжная военная опора. Вспомни войну!

— Храмовые дружины представляют угрозу.

— Храмы это центры знаний.

— Храмы просто копят знания и прячут их. А они должны быть использованы на благо Рустовесского государства. Вопрос решён. К лету четырёхста четырнадцатого года храмы должны быть ослаблены. После этого все Большие Дома перейдут в элаитство.

Больше никто не возражал. Вызвали доверенного переписчика. В напряжённой тишине решение Великого совета было записано на большом листе пергамента. Затем каждый из князей начертал под ним своё полное имя и титул. Подождав пока просохнут чернила, князья расплавили воск и подтвердили подписи вислыми печатями с гербами своих Домов.

— Так как Великий совет закончился, — сказал Лесьяр Строгов — ваше присутствие в Древгороде больше не требуется. С завтрашнего утра вы начнёте отбывать в свои пределы. Чернек.

— Да, князь?

— Ты отбудешь первым. Олег, ты отправишься одновременно с ним.

— Как тебе будет угодно.

— Ростих, Деян, вы отбываете послезавтра. А ты, Хотен двинешься в путь последним.

— Хорошо.

— Сегодня вечером мы проведём последний общий пир.

Князья покинули зал Великого совета. Лесьяр и Всеслав остались одни. Державный князь тяжело дышал. Боль в груди снова вернулась. Он оперся локтями на стол и прикрыл ладонями лицо.

— Как ты себя чувствуешь, отец?

— Ничего, всё в порядке, просто утомился. Что можешь сказать по поводу увиденного?

— Если честно, то я ожидал чего-то более грандиозного. А разговор прошёл так обыденно.

— В каком смысле?

— Ну... Всё-таки это называется Великим советом.

Лесьяр рассмеялся.

— Не всё, что именуется великим, на деле выглядит как великое и невероятное. Знаешь, сколько песен сложено о битве при Чёрном кургане? Так вот. Мы, все кто там сражался, просто бились с врагом. Убивали, умирали. Я не рыскал по полю боя в поиске вражеских военачальников, как иногда утверждают. Киврийские вожди сами попались под мой меч в горячке боя. Это лишь воля Единого.

— Понимаю.

— Так что скажешь по поводу итогов совета?

— Думаю, что на Клыковых можно полностью положиться. Булатовы выполнят свои обязательства. Надо будет только помочь Деяну уладить проблемы внутри его Дома. Волковы... Как мне показалось, Олег не очень был рад перспективе перехода в новую веру. Но он воспринял перемены как свой долг. Не думаю, что с ним будут проблемы.

— Что скажешь про Чернека и Хотена?

— Озеровы и Юрьевы подчинились только после твоего прямого приказа. Им перемены явно не нравятся. Но я считаю, что против тебя они не пойдут. Разве только случится что-то

совсем непредвиденное.

За время пребывания в Древгороде Деян Булатов обратил внимание, что у всех Строговых есть что-то неуловимо общее в глазах. Они были разного цвета. За ними стояли разные характеры и разный жизненный опыт. Глаза державного князя были усталыми, сильными, твёрдыми. У его старшего сына, Всеслава, они блестели свежим умом и хитростью. Лютогост одаривал собеседника оценивающей воинственностью. Взгляд Петра был чист и наивен. Но было у них у всех что-то общее. Только Деян не мог понять что именно.

Поначалу глаза Строговых отталкивали Деяна. Потом он понял с чем это связано. Старшая дочь державного князя, Мирина, уже много лет жила в Миргороде. И много лет он чувствовал ненависть, исходящую от жены его дяди. Даже когда она смеялась, было в её улыбке что-то такое, что оведало холодом. Её глаза всегда держали Деяна в тяжёлом напряжении, ожидании неприятностей. Здесь он понял, что во взгляде Мирины были и неуловимые черты присущие всем Строговым.

— В сохранности ли пребывают доверенные тебе земли Крайнесточья?

Это был традиционный вопрос, с которой державный князь начинал беседу с главами Больших Домов. Лесьяр Строгов пришёл утром, когда Деян ещё не успел принять пищу.

— В доверенных мне землях Крайнесточья жители, ратники и остроги в полной сохранности, — отвечивал молодой князь. — В этом году крестьяне собрали урожай на десятую часть больший, чем в прошлом. Доходы торговцев увеличились на пятую часть. Войска продолжают тренировки. Грядущей зимой я планирую провести общий смотр Поместного войска.

— Что на границе?

— За год было четыре мелких набегов на остроги засечной черты из Степей и один набег с севера, с Холодного камня. Все нападения успешно отбиты.

Лесьяр Строгов присел на скамью и удовлетворённо кивнул головой.

— Похоже, что ты хорошо знаешь как обстоят дела в родном пределе.

Деяну было приятно, что он смог показать себя перед державным князем с самой лучшей стороны.

— Я рад, что ты поддержал меня на Великом совете, — продолжал Лесьяр. — Без твоей поддержки мне пришлось бы очень тяжело.

— Должен признаться, что изначально я не собирался вас поддерживать, но ваши доводы убедили меня, что задуманное правильно и необходимо.

Честность и открытость главы Дома Булатовых пришлись по вкусу державному князю. Но почему он промолчал о дяде? Не догадывается про козни Видогоста или просто не хочет выносить сор из семьи? Лучше бы последнее. Умный союзник полезнее наивного. Тем более, если выдавать за него дочь.

— Деян, теперь мы должны действовать вместе. Наше дело трудное и опасное. Я должен убедиться, что ты всё хорошо понимаешь и будешь беречь себя. Безопасность моих верных союзников является первоочередной задачей. Поэтому я хочу поговорить с тобой о Видогосте. Ничего не таясь поведай мне о своём дяде. Что ты можешь о нём сказать?

— Дядя давно считает себя моим единственно возможным наследником, — после короткой паузы начал Булатов. — Думаю, он уверен, что станет владыкой Миргорода. Но раз

я крепок и здоров, не сомневаюсь, что они с Мириной... Ну, с вашей дочерью... То есть я не имею ничего против неё лично или тем более вас, но уверен, что они вполне могут замышлять против меня недоброе.

— Ты очень умный юноша. И абсолютно прав насчёт Видогоста и Мирины. Скажу тебе честно, я выдал её замуж потому что тогда, десять лет назад мало кто сомневался что именно твой дядя станет в конечном итоге правителем Крайнестьочья. К тому же подошёл её возраст. Кстати говоря, тебе ведь тоже надо жениться. Ты не думал об этом?

— Думал и не раз.

— Правильно. Женитьба очень укрепит твои позиции. Ты уже посватался к кому-нибудь?

— Пока ещё нет...

— Эх, тебя должен был женить твой отец. Или твоя мать. Но они мертвы и теперь ты должен сам озаботиться данным вопросом.

— Вы правы, князь.

— Твоя избранница должна будет родить тебе сыновей. Должна быть красивой, заботливой. Но, самое главное, она должна происходить из достаточно сильного Дома, чтобы его вес мог укреплять твою власть.

Деян Булатов согласился и вопросительно посмотрел на державного князя.

— Мы взрослые мужчины, поэтому не будем бродить вокруг да около, — продолжал Лесьяр Строгов. — Я предлагаю тебе жениться на моей дочери Дарине.

Молодой предельный князь немедленно увидел перед собой лицо Дарины Строговой. Милая, красивая девушка. Стройная фигура. Заплетённые в две косы русые волосы. Добрая приветливая улыбка. И то самое, неуловимое во взгляде синеватых глаз, что присуще всем Строговым. Внезапно, после услышанного предложения девушка вдруг стала ему намного ближе, чем он мог себе представить за всё время пока был в Древогороде. Если он даст согласие, Дарина вскоре станет его женой. А её отец, грозный державный князь, станет и ему отцом, оберегающим Деяна и его жену копьями своих полков и силой авторитета.

— Я согласен, — произнёс Деян.

— Тогда следуй за мной. Я благословлю вашу помолвку, а мои сыновья станут свидетелями нашего договора.

— Разве я не должен по всем правилам заслать сватов, чтобы просить руки вашей дочери?

— По всем правилам, да. Но у нас другая ситуация. Ваша свадьба должна будет пройти по таинствам новой веры. Значит мы подождём с ней до лета следующего года.

— Хорошо.

— Пока наш договор должен оставаться в тайне. Поведай о нём только самым надёжным людям, кому можешь доверять полностью. Если не доверяешь как себе самому, то лучше помалкивай. У тебя есть надёжные люди?

— Мой дядя Эдуард, воевода Старшей дружины.

— Он достойный человек. Это очень хорошо, что ты ему веришь. Кстати, давно хотел узнать какого ты мнения о приставе Тайной стражи?

— Пётр Родников надёжный офицер, он мой добрый союзник. Он поддерживает меня и помогает мне во всём.

Лесьяр Строгов задумался.

— У меня возникло ощущение, что он не очень хорошо справляется со своими

обязанностями. Да, он честный и верный человек. Но его способности могут помешать ему справиться с ситуацией в Миргороде. Особенно если Видогост решится на открытое выступление. Я думал заменить его.

— Ваша воля. Но я бы просил оставить Петра Родникова в Крайнесточье. Этому человеку я доверяю так же как себе.

— Если ты настаиваешь, то я оставлю пристава.

Сыновья державного князя Всеслав, Лютогост и Пётр уже ожидали их в Большом зале Дарина Строгова поставила на стол перед женихом и отцом испечённый её собственными руками хлеб. Деян отломил горячий, дышащий свежим ароматом кусочек и положил его в рот. После жениха хлеб отведал и отец невесты. Дарина протянула Деяну руки ладонями вверх и он накрыл их своими руками. Дочь Лесьяра улыбаясь смотрела своему жениху в глаза. Он почувствовал прилив необыкновенной радости и теплоты. Ладони Дарины были слегка красноватыми. На нескольких пальцах он нащупал небольшие трещинки. Державный князь явно не баловал свою дочь бездельем. Видимо, в свите ей приходилось не только шить и помогать нянчить детей. И всё же по сравнению с грубыми покрытыми мозолями руками Деяна, привыкшими держать меч, копьё и щит, маленькие ручки Дарины были мягкими и нежными. Молодые люди смотрели друг другу в глаза, а Лесьяр тем временем благословил их будущий брак, укреплявший союз Строговых и Булатовых.

Дружинники Булатовых и Клыковых седлали своих коней. Двор княжеской резиденции был забит суетящимися людьми. Позвякивали кольчуги, скрипели повозки. Державный князь и его сыновья провожали гостей. Воспользовавшись моментом, Всеслав Строгов подошёл к владыке Камнеграда и предельному князю Хладоручья и позвал его в арсенал.

Арсенал Древгорода всегда содержался в образцовом порядке. В слегка спёртом воздухе каменного помещения витал запах масла, железа, кожи и дерева. На стойках вдоль стен стояли тысячи мечей, копий, боевых топоров. Отдельные комнаты были полностью забиты аккуратно уложенным оружием, бережно предохраняемым от сырости и ржавчины. Здесь же хранились огромные запасы стрел, щиты, кольчуги, шлемы, поножи, стальные кирасы, конские доспехи и сбруя. Отдельно лежали барабаны, трубы и свистки. Всё с помощью чего в походе и битве управляется войско. В специальных чехлах лежали алые походные знамёна с серебряной звездой Дома Строговых. По ратному закону хранитель арсенала, который допустил порчу оружия приговаривался к смертной казни. Судя по всему, управляющему арсеналов Древгорода наказание не грозило. Он справлялся со своей работой безукоризненно.

В дальнем конце арсенала была установлена специальная стойка. На ней крепился очень странный предмет. Как утверждают, это было оружие Древних. Всеслав не раз просил отца перенести эту диковинку в Большой зал, но Лесьяр всякий раз отказывал. «Какое же это оружие?» Наследник Рустовесской державы и сам толком не мог понять как такой чудный предмет вообще может представлять смертельную опасность.

Всеслав подвёл Ростиха Клыкова к стойке и откинул промасленную ткань в сторону. Похожий чем-то на топор брусок тускло поблёскивал сталью. Боевой жезл Древних. Наверняка Древние знали какие-то магические заклинания, если умели воевать такими жезлами. Иначе как им убить? Брусок хоть и был увесистым, но имел весьма плавные черты. Никаких режущих и острых углов у оружия не было. На боку жезла неизвестный мастер

выбил свои письма.

— Великий совет прошёл довольно напряжённо, — произнёс наконец Всеслав. — Тебе я доверяю. А вот Озеровы и Юрьевы такого доверия вызывать не могут. Они запросто превратятся во врагов государства. А значит, мы должны быть готовы к тому, чтобы обмануть их. Перехитрить.

— Я тоже об этом думал, — согласился Ростих.

Глава 7 Жёлто-красная хоругвь

— Вейкко, наш с тобой сегодняшний разговор... Ты же понимаешь меня? То что я тебе поведал, уже является изменой державному князю. Ты не должен подавать виду о том, что тебе стало известно. Это тайна.

— Да. Конечно же...

Старогулье утонуло в чёрной тьме наступившей ночи. Лишь изредка из-за туч выглядывал серебряный серп луны, чтобы резануть глаза карауливших на стенах стражников своим ледяным блеском. Город заснул. В одном из постоянных дворов заканчивалась затянувшаяся гулянка. Откуда-то издалека доносился размеренный звонкий стук кузнечного молота. Пришедшая с ледника зима взяла власть над миром в свои руки.

Резиденция предельного князя тоже заснула. Только в зале Большого совета продолжалась жизнь. На стенах коптели масляные светильники. Очаг был растоплен на славу и уличный мороз не проникал в комнату. Чернек Озеров прошёлся по залу, подошёл к окну и посмотрел сквозь его узкую прорезь на улицу. Туда, где за стенами его резиденции угадывались контуры терема, занятого отрядом ненавистной Тайной стражи. Потрясённый услышанным Вейкко сидел, прислонившись спиной к бревенчатым стенам и пытался прийти в себя.

— Я ничего не знаю, — произнёс наконец мудрейший. — Точнее не скажешь. Но ведь надо что-то делать!

— Мы найдём решение, друг мой.

— Я знал... Знал, что Мроз и Килма копят силы и могут нанести удар. Сколько лет я пытался предупредить мудрейших, что враги живого вернуться.

— Да, Вейкко, я помню наши многочисленные беседы. Но о чём ты говоришь сейчас?

— Державный князь обезумел, он предал веру своих прародителей и принёс клятву чужим богам. Много лет я предупреждал, что Хлад вновь захочет вернуть отнятую у него Эпоху Падения. Что храмы должны готовиться к борьбе. Но даже я не мог предположить, что это произойдёт так скоро и так внезапно. Посмотри, Чернек, как точно они нанесли удар!

— И как же?

— Разве ты не видишь? Мроз и Килма захватили разум Лесьяра Строгова, самого уважаемого и влиятельного человека в Рустовесской державе. Он служит вовсе не Элаю. Он стал слугой самых лютых сил. Мы должны немедленно выступить.

— Подожди, друг мой. Куда ты собрался выступить? Не спеши!

— Не спешить? Да уже почти поздно! Хлад пожрал душу Лесьяра Строгова. Князь действует не своим умом. Если не выступить против него немедленно, то он уничтожит Благую веру, храмы Пресветлых богов, Рустовесскую державу и всё живое. Его руками Мроз и Килма вернут мир в новую Эпоху Падения. Как ты мог одобрить подобное безумие своей подписью и печатью?

Вопрос заданный предельному князю прожёт воздух вокруг мудрейшего. Чернек в своей жизни видел многое. Участие в битвах и походах научило его подчинять людей своей воле. Его твёрдый голос мог отправить тысячи взрослых мужчин рисковать своей жизнью в сражении. И они пошли бы в битву нисколько не усомнившись в приказе произнесённом устами князя Озерова. Но сейчас владыка Старогулья впервые почувствовал себя мышью,

неожиданно оказавшейся на открытом месте под взглядом быстрого голодного кота. Сидевший напротив него мудрейший заставил своего друга подавиться готовыми возражениями.

— Ответь, Чернек, как так получилось, что ты одобрил безумства державного князя своей печатью и подписью? Именем своего древнего Дома?

Предельный князь Суломатья не знал чем оправдаться. Вейкко неумолимо притягивал его взгляд. Но посмотрев на друга, Чернек Озеров моментально отводил глаза, словно обжигаясь. Как будто мудрейший был раскалённым углем. Коричневые зрачки главного хранителя храма Юма и Живы нагревали воздух в комнате, делая зал Большого совета невыносимо душным. Ещё никогда глава Дома Озеровых не чувствовал себя таким мелочным и ничтожным человечком, которого заставляют держать ответ за совершённый им низкий позорный поступок.

— Послушай, — наконец произнёс Чернек, — у меня не было выбора. Лесьяр Строгов мой господин и я обязан выполнять его приказы. Давай я сейчас распоряжусь и нам принесут по чаше хмельного мёда.

Вейкко вскочил со скамьи и Чернек поймал себя на том, что его сильное тело сжалось и невольно отпрянуло назад, словно котёнок на которого замахнулись ладонью, чтобы ударить.

— Какой ещё мёд, друг мой? Как ты можешь думать о хмельных напитках, когда Мроз и Килма уже покусились на то, чтобы захватить всё живое в свои лапы? Нужно немедленно поднимать восстание против Лесьяра Строгова!

— Какое ещё восстание? — опешил Чернек.

— Пока не поздно, нужно собрать войска всех храмов и предельных князей, привлечь крепких мужчин со всех земель и сословий и немедленно выступить на Древгород. Ты ведь пойдёшь вместе со мной?

— Вейкко, послушай...

— Ты идёшь со мной?

— Я... Я не могу поднимать восстание. Это будет предательство. Я клялся Лесьяру Строгову в верности. Мы вместе воевали.

— Неужели ты стал союзником зла, Чернек? Если державный князь взялся уничтожить Благую веру и жизнь, значит ты свободен от всех клятв.

— Я клялся ему в верности у Чёрного кургана. Вся Рустовесская земля была тому свидетелем.

— Он уже не тот человек, что принимал твою присягу. А в прочем не важно, плевать на тебя! Храни верность тому, чьим разумом владеют Мроз и Килма. А я немедленно поеду в храмовое держание. Да! Я выступлю с Храмовой дружиной, подниму людей, подниму все города. Ты всегда сможешь присоединиться.

Вейкко решительно направился к выходу.

— Но ты же не воин!

— Зато воины пойдут со мной.

Опустошённый Чернек осел на скамью, на то самое место, где только что сидел мудрейший храма Юма и Живы. «Плевать на тебя!» — крутилось в голове предельного князя. Эти слова старого друга поразили его больше, чем копьё киврийского пехотинца, что девятнадцать лет назад пробило его кольчугу и вонзилось в правый бок, оставив глубокий шрам на всю жизнь. Что сейчас будет делать мудрейший? Особенно в том настроении в

котором он выбежал из зала Большого совета. Сомневаться не приходилось. Сейчас ворвётся в казармы Старшей дружины, начнёт с дикими воплями будить своих латников, кричать о восстании, священной борьбе, растормошит дружинников Чернека. От шума проснётся пристав Тайной стражи Лавр Крутов, услышит о мятеже, натравит на Вейкко своих головорезов и пойдёт бойня. Во имя Юма и Живы, за что это всё свалилось на его голову? Что делать в таком положении предельному князю? Он не может позволить тайным стражникам убить его друга в своём собственном доме. Но напав на прихвостней Лесьяра, он немедленно станет мятежником. Все рати Строговых, Клыковых, Булатовых и Волковых двинутся против него. Как быть?

Предельный князь разбудил свою жену. Улада поставила на стол перед мужем большой стеклянный кубок до краёв наполненный хмельным мёдом. Затем ласково дотронулась до его седеющих волос и тихо спросила:

— Что случилось, любимый?

— Не твоё дело, женщина, — резко оборвал жену Чернек Озеров. — Пошла вон отсюда!

Улада спокойно удалилась в опочивальню. Никакой обиды за столь грубые слова она не испытывала. Улада была мудрой женщиной, очень хорошо знавшей своего мужа. Сейчас он накричал на неё, ничего не сказал. Но через пару дней успокоится, сам поведаёт обо всём, что случилось и даже попросит её совета. Правда, извинений можно не ждать. Такой уж он человек, её супруг, уже тридцать лет правивший Суломатьем.

Чернек молча отхлёбывал сладкий пьянящий мёд и вслушивался в то, что происходит на улице. Было очень тихо. Когда кубок опустел не четверть, князь Озеров расслышал доносившуюся с улицы лёгкую суету. Никто не кричал, не шумел. Опытным ухом Чернек определил, что происходит. Несколько десятков человек в полном порядке и спокойствии выводили своих коней из стойла. Доносились негромкие команды. Через некоторое время послышался скрип открываемых ворот его резиденции. Сотня конных латников направилась прочь из города. Похоже, что Вейкко оказался умнее, чем думал про него Чернек. Мудрейший всерьёз решил поднять восстание, а не просто покончить жизнь самоубийством, устроив неравный бой в Старогулье. Может надо было выступить вместе с ним? Кубок опустел наполовину.

В памяти всплыл день, когда Чернек Озеров присягал Лесьяру Строгову. Рубиновые лучи закатного солнца забрызгали небо кровавыми отблесками. Складки земли неумолимо заполнялись чернотой надвигавшейся ночи. Поле битвы было усеяно телами мёртвых воинов. В тот день восемь тысяч ратников Рустовесской земли и около двадцати тысяч киврийцев и вечерников расстались с жизнью у Чёрного кургана. До слуха периодически долетали стоны раненных. В нескольких местах уже начали полыхать погребальные костры. Дом Озеровых присягал державному князю вторым, после Дома Юрьевых. Чернек помнил каждое мгновение своей присяги. Десятки тысяч измученных кровопролитной битвой мужчин наблюдали за происходящим счастливыми взорами победителей. Погибшие также были свидетелями его клятвы. А теперь? Если Вейкко прав, то долг веры и дружбы вызывает Чернека к тому, чтобы изменить своей клятве. Поднять знамя восстания против того, кого он клялся защищать и поддерживать. Владыка Старогулья не отрываясь выпил остававшийся в кубке мёд и отправился спать.

Несколько дней спустя, предельный князь услышал за дверьми своего Малого зала

решительные шаги кованых сапогов. Он ждал этого разговора с той самой ночи, когда Вейкко покинул Старогулье. Ждал и поэтому был полностью к нему готов. Чернек спокойно откинулся на спинку резного кресла и расправил плечи. В приоткрывшуюся дверь заглянул его охранник.

— Князь, к вам Лавр Крутов.

— Пусть войдёт.

Пристав Тайной стражи выглядел безупречно. Кожаные сапоги зелёного цвета, меховой тулуп на котором искрились не успевшие ещё растаять снежинки, позвякивающие звенья лёгкой кольчуги, добротный меч, висящий в ножнах у пояса, гладко выбритое лицо и блеск в решительных глазах. Чернек невольно вспомнил себя в молодости.

— Именем державного князя я требую у Вас объяснений, — начал было Крутов.

Но князь Озеров сбил его решительный тон резко брошенным в лицо приставу встречным вопросом.

— Нет, пристав! Это я именем державного князя требую твоих объяснений. Мудрейший Вейкко поднял Храмовую дружину и объявил восстание. Как так вышло?

Лавр Крутов был застигнут врасплох. Идя сюда, он предполагал задавать вопросы, а не отвечать на них. Пристав Тайной стражи от неожиданности подавился и закашлялся. Он словно рыба, которую вытащили из воды, безмолвно прошлёпал в воздухе губами. Потом растерянно замахал руками в воздухе.

— Но... Я знаю, что Вейкко поднял восстание после разговора с Вами, князь. Егс подельники призывают к войне против Дреvgорода.

— Именно по этой причине я хочу услышать твои объяснения.

— Князь...

— Никаких «князь»! Я требую от тебя объяснений именем Лесьяра Строгова. Твоя обязанность пресекать мятежи и заговоры на территории Рустовесской земли.

— Послушайте...

— Не смей меня перебивать! Лесьяр доверил тебе такое важное дело и как ты с ним справился? Где ты был ночью, когда Вейкко улизнул из Старогулья? Отвечай!

Мальчишка, сопляк. Лесьяру Строгову следовало внимательнее подбирать человека на должность пристава Тайной стражи в его городе. Этот парень обычный служака, мечтающий показать себя с самой лучшей стороны. Он боится ударить в грязь лицом, хочет оправдать оказанное ему доверие. Это его слабость. Раздувается от собственной важности, приглядывает, распоряжается. Чтобы следить за Чернеком Озеровым нужен более хитрый и твёрдый офицер! А этот уже сам поверил, что вина за мятеж мудрейшего целиком лежит на его совести. Осталось надавить совсем немного и пристав сломается. Будет послушно выполнять всё, что ему скажет предельный князь. Главное, чаще повторять имя владыки Дреvgорода и называть его своим другом.

— Немедленно отвечай мне! — повторил Чернек. — Где ты был в ту ночь?

— В ту ночь я спал... — Лавр Крутов, похоже, был готов расплакаться.

— Он спал, послушайте только! Ты так и напишешь моему другу Лесьяру? «Я не предотвратил мятеж, потому что спал». Да?

Пристав Тайной стражи в Старогулье был разгромлен полностью. Даже провинившиеся пятилетние дети не выглядят так беспомощно, когда их отчитывают за непослушание. На мгновение Чернек Озеров даже почувствовал жалость к Лавру Крутову, попавшемуся в его сеть. Но нужно было добивать его до конца. Ставки в этом деле слишком высоки и серьёзны.

— Так вот, пока ты там спал я пытался вразумить мудрейшего. Уговаривал его, угрожал ему. Пока ты спал, я выполнял твои обязанности. А ты допустил мятеж! Проспал. Знаешь, что подумает Лесьяр Строгов, когда узнает обо всём? Подумает, что его пристав в сговоре с бунтовщиком Вейкко. Вот что он решит! И что, мне теперь вести войска? Не дело предельного князя гонять шайки разбойников.

Пристав беспомощно опустил на скамью и схватился руками за голову.

— Как же быть? — только и смог он выдавить из себя с трудом.

— Ты ещё можешь всё исправить.

Растерянные глаза побитой собаки с надеждой посмотрели на владыку Старогулья. А какими гордыми были они, когда пристав вошёл в Малый зал! Пристав проиграл. Он полностью отдал себя во власть Чернека. И если князь сейчас скажет ему броситься на меч, он немедленно так и сделает.

— Оправдай доверие державного князя. Если ты быстро подавишь мятеж и приведёшь Вейкко на цепи в Древогород, то Лесьяр простит тебя.

— Но у меня слишком мало сил, я не справлюсь в одиночку. Дайте мне ваших людей.

— Зачем тебе мои ратники? Приведи сюда исправника Поместной стражи.

Не прошло и половины часа как перед Чернеком уже стоял Сергей, сын Всемила из Малого Дома Зеленковых, командир Поместной стражи Суломатья. А Крутов серьёзно взялся за дело! Тем лучше.

— Вы оба допустили преступную оплошность, — суровым голосом произнёс Чернек Озеров. — Надо её исправить пока не поздно. Сколько у тебя людей, Лавр?

— Пятьдесят четыре. Нет, со мной пятьдесят пять.

— Сергей?

— В Старогулье у меня около двух тысяч бойцов.

— Это прекрасно. Возьмёте всех своих людей и завтра же выступите в поход.

— Как всех? — растерялся исправник. — А кто будет следить за порядком на улицах и охранять стены?

— Не переживай, — успокоил его Чернек. — За городом присмотрят мои ратники. А вы возьмёте всех своих воинов, ворвётесь в храмовое держание и схватите Вейкко. Именем Лесьяра Строгова я назначаю вас обоих командующими местными силами державной рати. Покажите, что не зря вам оказано такое доверие, не зря вы получали своё жалование все эти годы. Лавр, это твой шанс!

— Да, владыка.

Владыка... Ничего себе! Ещё ни разу пристав Тайной стражи не называл так князя Озерова.

— Перед тем как выступить в поход, ты отправишь Лесьяру письмо. Просто напиши там, что отправился подавлять мятеж мудрейшего Вейкко. Без всяких подробностей, о том как ты спал пока я делал твою работу. Чтобы не позориться.

— Я хочу выступить немедленно!

— Сдурел что ли, как немедленно? — оборвал его Сергей Зеленков.

— Спешить нужно, когда за курицей гоняешься, Лавр. Выступите завтра утром. А пока готовьтесь. Сегодняшний день вам на подготовку похода.

— Да, конечно, Вы правы.

Оба офицера поспешно удалились. Чернек послал за своим старшим сыном, а сам тем временем взял бумагу и перо. Когда Волк вошёл, Чернек написал около половины листа.

— Ты звал меня, отец?

Да. Помнишь, ты говорил мне, что у тебя есть очень надёжный человек. Самый лучший из всех разведчиков. Что ты доверил бы ему жизнь не задумываясь.

— Да, я помню. Его зовут...

— Не важно как его зовут, — перебил Чернек своего сына. — Он действительно так хорош как ты о нём отзывался?

— Без сомнений.

— Тогда немедленно приведи его ко мне. Он должен выполнить очень важное и опасное поручение.

Когда сын привёл разведчика, Чернек отработанным за долгие годы ловким движением свернул письмо и поставил на расплавленном воске печать своего Дома. Затем протянул его посыльному.

— Доставь это письмо мудрейшему Вейкко. Отправляйся прямо сейчас.

Сын и его человек ушли. Чернек Озеров закрыл глаза и попытался отдохнуть. Заговоры, приказы и обманы забрали все силы у немолодого уже князя. Похоже, всё прошло так как он задумал. Посмотрим, как будет действовать главный хранитель благоверия в Суломатье. Чернек не знал другого такого же прекрасно образованного и мудрого человека как Вейкко. Но сейчас он решил вмешаться в политику и военное дело. Шутка ли, поднять восстание против Лесьяра Строгова? Самого могущественного князя в Рустовесской державе. Чернек сделал всё что было в его силах, чтобы помочь старому другу. Если новорожденный мятежник умрёт от простуды, посланной на него в виде Поместной стражи и горстки головорезов Лавра Крутова, то нечего ему вообще было соваться не в своё дело. Писал бы книги и предавался заумным дискуссиям. Никто не сможет упрекнуть Чернека в предательстве. Но если он сможет победить... Быть может стоило поднять своё войско и вступить в войну вместе с Вейкко? Чернек Озеров заснул, сидя в своём кресле. Взору его вновь предстало поле у Чёрного кургана, алые лучи заката, горький дым погребальных костров и сладкое ощущение великой победы.

С неба валил густой снег. Полторы тысячи ратников расположились у обочины ведущего на юг тракта и стали обустроить временный лагерь. Ополченцы валили деревья и разводили костры. Занимавшие более высокое положение храмовые дружинники ставили походные палатки и окружали лагерь частоколом. Один дневной переход от храма Юма и Живы.

В самом центре лагерной суеты горел большой костёр. Около него стоял Вейкко, окружённый офицерами Храмовой дружины и старшинами ополчения. Воины высказывались поочередно. Мудрейший внимательно слушал их, взвешивая и обдумывая каждое слово.

— Надо идти в Густошумье.

— Ни в коем случае! Путь слишком длинный, а успех никто не гарантирует.

— В Крайнесточье. За истоком Хили стоит храм Агуна и Кесы. Мудрейший Валентин присоединится к нам. До зелёно-красных отсюда самый близкий путь.

— Нужно устроить долговременный лагерь в каком-нибудь надёжном месте. Собрать там дружины всех храмов, ополченцев. Написать предельным князьям. Организовать большую войну, иначе мы проиграем.

— Пока ты там собираешься с силами, нас раздавят! Нужно действовать решительно.

— Поддерживаю. Возьмём штурмом какой-нибудь острог и призовём оттуда к войне. На деньги храма можно будет даже привлечь наёмников.

Спор офицеров был прерван. Двое подошедших караульных вели под руки человека. Правда, сопротивляться он явно не пытался. Шёл сам.

— Мудрейший, мы схватили лазутчика!

— Никто меня не хватал, я сам вам сдался.

Задержанный почтительно поклонился и попросил Вейкко о благословении. Мудрейший осенил человека круговым знаменем. Лицо его показалось смутно знакомым.

— Кто ты? — спросил Вейкко.

— Моё имя Вам всё равно ни о чём не скажет. Важнее от чьего имени я к вам прибыл.

— Так от чьего имени ты говоришь со мной?

— Меня послал князь Озеров.

Удивлённый шёпот прополз среди офицеров. Лазутчик протянул Вейкко письмо. Замерзшими пальцами мудрейший взломал печать и принялся вчитываться в послание. Перечитав несколько раз, он бросил бумагу в огонь. Листок взмыл над пламенем, пытаясь ускользнуть от него в небо. Но через мгновение ярко вспыхнул и опустился на горящие брёвна.

— Что там, мудрейший?

— Против нас вышла Поместная стража, — ответил Вейкко. — С ними идёт отряд Тайной стражи. Их цель заключается в захвате храмового держания.

— Нужно немедленно возвращаться и организовать оборону храма!

— Если нас запрут в храмовом держании, то мы передохнем с голоду. Они же не такие дураки, чтобы идти на приступ!

— Надо дать битву на открытом месте.

— У врага больше конницы. И вообще численное превосходство.

— Зато у нас есть тяжёлая пехота и мы лучше подготовлены для битвы. Это ведь обычные стражники!

— Озеровы поддержат нас, если мы победим! Нужно вступить в сражение.

— Мудрейший, какой дорогой идёт стража?

— Прямо по тракту.

— По тракту... — воевода Храмовой дружины задумался, — Прямо на пути её следования в двух переходах от храма располагается Орешкин овраг.

Воины продолжали совещаться. Метель усиливалась, заставляя языки пламени шипеть и клониться к земле. Над головами ратников трепетала заснеженная хоругвь. Красное солнце грозно пылало на её жёлтом поле.

Глава 8 Платок

Как и было приказано, Валентин, мудрейший храма Агуна и Кесы, пришёл в Большой зал один. Несколько сопровождавших его храмовых дружинников остались за дверью. Деян Булатов посмотрел на годящегося ему в отцы хранителя с высоты отцовского престола.

— Предельный князь вызывал меня? — мудрейший Валентин почтительно склонил голову.

— Так и есть, — ответил ему Деян. — Давайте сразу перейдём к сути дела. Много ли в Вашей резиденции важных книг и бумаг?

— Нет, не очень, — ответил немного озадаченный Валентин. — Все основные архивы и библиотеки находятся в храмовом держании.

— Это очень хорошо. Потому что я даю Вам три дня, чтобы покинуть Вашу резиденцию. Она нужна мне для того, чтобы разместить в ней Тайную стражу.

— По какой причине? Хочу напомнить князю, что резиденция была подарена мудрейшим храма Агуна и Кесы ещё более двухсот лет назад.

— Причиной является военная угроза с востока, — ответил Деян. — Но вы ошибаетесь. Резиденция не была подарена храму. Её сдали в аренду за символическую плату в одну калисту в год. Кстати, последние сорок шесть лет эта плата не вносилась в предельную казну. Так что когда будете покидать резиденцию, не забудьте оставить в ней сорок шесть калист. Желательно на самом видном месте.

— Но это же смешно! — почти выкрикнул Валентин.

Голос мудрейшего эхом разнёсся по пустому залу. Юный князь очень хитро придумал. Дневной суд закончился, присутствовавшие на нём писари, князья, офицеры, стражники и члены семьи разошлись кто куда. Остались только молодой предельный князь и его ближайшие сподручные. По левую руку от престола стоял пристав Тайной стражи Пётр Родников, а по правую руку двоюродный дядя Эдуард Булатов, воевода Старшей дружины. Некому заступиться за мудрейшего, некому возмутиться творящимся беззаконием.

— Ха! — воскликнул Эдуард Булатов — Ничего себе смешно. Сорок шесть калист это очень хорошая пригоршня золота.

— У Вас есть три дня, чтобы покинуть резиденцию и передать её Тайной страже, — повторил Деян. — Так что выполняйте.

Не ожидавший подобных известий ошеломлённый глава храма Агуна и Кесы зло посмотрел в глаза юному князю, затем Петру Родникову и, наконец, Эдуарду Булатову. Бывалый воин опустил взгляд в пол.

— Эдуард, — обратился к нему мудрейший, — ты не заступишься за меня? Здесь же творится небывалое беззаконие! Ведь ты всегда был истинным защитником благой веры, что же случилось?

Воевода Старшей дружины посмотрел в потолок над головой Валентина, скривил плотно сжатые губы. Густая борода его пошевелилась.

— Валентин, я служу предельному князю, — наконец проговорил он. — Не моё дело перечить ему в делах политики, ибо я просто воин. Так что выполняй то, что он от тебя требует.

— Хорошо, я покину свою резиденцию! — вспылил возмущённый мудрейший. — Вот только имейте в виду...

— Что нам иметь в виду? — перебил его пристав Тайной стражи.

— Нет... Ничего!

Валентин выбежал из Большого зала и даже попытался с силой хлопнуть массивной дверью. Но его слабые руки, привыкшие к перьям и свиткам, не смогли дать им достаточного разгона. Вместо возмущённого угрожающего удара дверь просто легко хлопнула. Деян Булатов обратился к Петру Родникову.

— Пристав, через три дня можете располагаться с вашими бойцами в резиденции. Хватит вам ютиться в казармах Старшей дружины.

— Да, князь.

— Ещё у меня будет просьба. Отправь своего человека. Нет, лучше отправься сам к общине элаитов. Поговори там с людьми. Скажи, что я теперь их друг и мне нужна их поддержка.

— Сделаю.

— Ещё. Их там несколько сотен, как минимум. Наверняка найдутся крепкие молодцы. Мне нужно усилить мою личную дружину. У дяди целых двести бойцов, а у меня всего семьдесят. Так что найми среди элаитов людей в мою охрану. Найми, и пусть твои стражники их обучат как следует.

— Как прикажешь, Деян.

Пётр Родников уже собрался уходить, но юный князь задержал его.

— Чуть не забыл! Державный князь обещал мне военную помощь на случай если мой дядя захочет напасть в открытую.

— Да, я знаю, — подтвердил пристав.

— В случае опасности я должен буду уведомить Лесьяра Строгова, пустив огонь по южной линии сигнальных костров. Но она давно заброшена. Передай исправнику Поместной стражи, что он должен восстановить её в самые короткие сроки.

— Мой любимый племянник! А я думаю, куда же он пропал? Спускайся, поговори со мной. Хватит там сидеть.

По залу громогласным эхом пронёсся голос Видогоста Булатова. Деян даже не пошевелился. «Какой-то он тихий вернулся из Древгорода, — подумал Видогост про себя, — сговорился что ли о чём то?» Деян не пошевелился.

— Давай поговорим, дядя, — ответил он.

— Странно... Ну ладно, сиди если так хочется. С какой целью звал тебя в Древгород Лесьяр Строгов? Что вы там обсуждали?

— Это были вопросы войны и обороны.

— Понимаю. А ещё что-нибудь было?

— Нет, больше ни о чём речи не шло.

— Послушай, я как твой наследник...

— Дядя, хватит повторять это заклинание! Оно туманит твой разум. Ты лишь временно исполняешь роль моего наследника. Но осталось недолго. Как мой наследник езжай завтра с дядей Эдуардом в поля. Тренировать Старшую дружину.

— Хорошо.

Видогост сдержал ярость и даже смог изобразить улыбку. С почтённым выражением лица он вышел из Большого зала. «Точно сговорился», — подумал он. За резными дверями он неожиданно столкнулся с женой. Мирина была раздражена не меньше своего мужа.

— Я всё слышала! Деян так надменно говорит...

— Любимая, не надо подслушивать. Я и так всё тебе расскажу. А вдруг кто-то увидит как ты подслушиваешь, что тогда?

Мирина взяла Видогоста под руку и потянулась к его уху.

— Ты что, поедешь завтра с латниками? Он так нагло бросил это тебе в лицо, словно плюнул.

— Конечно поеду. Почему бы и нет? Мне надо завоёвывать их уважение. К тому же выполнив приказ, я смогу усыпить бдительность Деяна.

Вера Булатова присела на скамью. Суета в женской половине резиденции Видогоста немного улеглась. Можно было отдохнуть, подумать о чём-нибудь своём. Кто-то из женщин принялся вязать. Другие занялись детьми. Хотя ты и сестра владыки Миргорода, а всё равно забот у тебя не убавляется. Эх, вот если бы во главе свиты была не Мирина, а какая-нибудь другая женщина. Нет, Мирина конечно хорошая, но слишком строгая. Увидит, что присела на минутку и сразу тебе дело найдёт. Хорошо тем, у кого дети есть. Можно не бегать со всякими поручениями, а заняться малышами. Хорошо бы убрать Мирину из свиты. Но как это сделать? Никак не выйдет. Хотя если женить брата, то его жена сразу возьмёт свиту на себя. Точно! Деяна давно нужно женить. Раз отец с матерью умерли, то сосватать брату приличную девушку может только она, Вера. Тогда Мирина уже не будет здесь распоряжаться, а брат не будет так враждовать с дядей. Но на ком его женить?

На скамью рядом с Верой присела Агата Лоскутова. Тоже устала мотаться. Мирина её почему-то особенно не любит. Цепляется к девушке всё время, злится на неё. Хотя поводов Агата не даёт. Трудлюбивая и скромная девушка. Вера пригляделась к соседке с лёгкой завистью. Верно говорят, что она самая красивая в свите. А может даже во всём Миргороде. Вера задумалась. Пожалуй даже во всём городе нет другой такой красавицы! Так чего размышлять за зря? Вот на ней и надо женить брата. Вера придвинулась к Агате.

— Устала?

— Нет, всё хорошо.

— Слушай, Агата, я давно хотела тебя спросить. Ты не замужем?

Губы красавицы сложились в улыбку, но взгляд чёрных как ночь глаз остался отстранённым. На мгновение Вере показалось, что промелькнуло в этой ночи какое-то печальное облачко.

— Как видишь, нет.

— А почему? Разве ты не хочешь?

— Хочу, конечно. Все хотят.

— Да, я тоже мечтаю замуж выйти. Правда не знаю пока за кого меня выдадут. Слушай, Агата, давно хотела спросить тебя. Почему ты ни с кем близко не дружишь?

Девушка пожала плечами.

— Не знаю даже. Никто вроде мне дружбу не предлагал.

«Ну да, рядом с такой красавицей никто не хочет быть в тени», — подумала Вера.

— Тогда я тебе предлагаю дружить, — Вера слегка смущённо улыбнулась.

— Я не против, — ответила Агата.

— Мы с моей сестрой не очень дружны. Слушай, а переходи ко мне жить! У меня хорошая комната. Ты ведь здесь ночуешь, в резиденции моего дяди?

— Да, в общей опочивальне.

— Переходи ко мне. Спать на сундуке будешь. Он большой.

— Можно конечно... Если только Мирина позволит.

— Позволит, я её уговорю!

«Вот жена для моего брата, — радостно подумала Вера, — только надо их свести вместе».

Двоюродный дядя был посвящён во все детали Великого совета и договора, заключённого Деяном с державным князем. Эдуард Булатов не проявил никаких особых эмоций. «Ты предельный князь, а я твой помощник», — только и сказал он. Погружённый в размышления Деян шёл на военный совет, когда столкнулся лицом к лицу с сестрой. Вера казалась довольной. Она неожиданно обняла брата и даже поцеловала его в гладко выбритую щёку. «Рассказать ей о моей грядущей женитьбе?»

— Слушай, брат, я так рада тебя видеть! Последнее время мы так редко общаемся. Приходи ко мне, когда я буду заканчивать со своими обязанностями в свите. Придёшь?

— Приду, почему нет? Просто дел очень много.

— Слушай, а каких дел?

— Хочу к Засечной черте через пару дней поехать. Проверить укрепления.

— Слушай, столько всего произошло пока ты был в Древограде! А зачем ты туда ездил, кстати?

— Я...

— Представляешь, — перебила она брата, — пока тебя не было, дядя Видогост повелел набрать в Щит Востока ещё две сотни ратников. Говорит, Рубежную стражу надо усилить. А то летом было много умерших от болезней и несколько десятков погибло в стычках. А потом приходили купцы и просили его дать добро на то, чтобы расширить пристань и базар. Дядя сказал, что этот вопрос нужно с тобой согласовать, когда ты вернёшься.

— Правильно сказал.

— Вот так. А ещё две недели назад Новица, жена Игоря. Ну это того, который десятник в нашей Старшей дружине. Дядя Эдуард, кстати, говорил, что Игорь хороший воин. Так вот Новица родила ему сына две недели назад. А повитух попросила сказать, что у неё девочка родилась. Представляешь, после родов нашла силы ещё и подшутить над мужем!

— Очень смешно.

— Да! Он когда узнал, хотел её побить. Потому что ему наследник нужен. А потом увидел мальчика и обрадовался. Подарил Новице браслет с дорогими камнями. Только камни эти оказались стекляшками, — Вера засмеялась. — Тогда он нашёл того купца и побил его прямо в торговых рядах. А стража не стала вмешиваться. Сказали, купец сам виноват. Он этого купца потащил к золотых дел мастеру и заставил его оплатить за свой счёт всю работу.

— Какую работу?

— Ну как какую? Вместо стекляшек драгоценные камни в браслет вставили. Как и полагается. Вот как! Помнишь Ксению?

— Да так, не очень.

— Ну она подруга Мирины. Да не важно! Ксения мне по секрету рассказала, будто ей сон приснился, что она жука родила.

— Жука? — рассмеялся Деян.

— Ну да, представляешь! И Ксения теперь боится замуж выходить. А жениха ей уже нашли. Правда, не познакомили ещё. Агату Лоскутову знаешь? Мы с ней так подружились! Она теперь в моей комнате жить будет, вместе со мной. Я Мирину упросила. Она так ругалась сначала, но потом разрешила! Так что приходи к нам в гости.

— Хорошо... Ладно, я пойду, а то меня на совете ждут.

— Давай. Я тоже побежала.

«Нет, сестре про женитьбу я не буду говорить», — решил Деян.

Агата почувствовала лёгкий толчок в правый локоть. Никто из сидящих за столом этого не заметил. Но все увидели как добрая порция пива, злобно зашипев, выплеснулась из кувшина, который девушка держала в своих руках. Янтарные брызги пролетели мимо кружки и белыми кляксами застыли на столешнице.

— Ну всё, с меня хватит! Сколько можно? Ступай за мной!

Мирина Булатова встала из-за стола и направилась к выходу из трапезной. Агата послушно следовала за ней. Ей в спину упёрлись любопытные взгляды. Мужчины смотрели с сочувствием, некоторые женщины со злорадством. Мало кому нравилось, что их мужья не таясь заглядываются на молодую красавицу. «Похоже, Агун и Кеса окончательно отвернулись от меня», — с горечью подумала Агата. Она спешно набросила на плечи накидку из бобрового меха, по примеру хозяйки надела валенки и последовала за ней во двор.

Они отошли от терема на некоторое расстояние и остановились у амбара. Лёгкий снежок ещё падал. Разгоняя мрак, тучи прорезало лезвие полумесяца. Бледный холодный свет стал заливать двор. Позади них, на некотором расстоянии горели факелы. На огороженной площадке латники Старшей дружины отрабатывали приёмы пешего боя на копьях и мечах. Слышались отрывистые команды десятников, ругань воеводы. «Это ты при свете огня сейчас бьёшься, а ну как в ночи тебя враг застигнет? Работай!» На крыше амбара вырисовывался силуэт кота. Жуткий зелёный блеск глаз делал его похожим на злого духа. Ночной охотник недовольно посмотрел на женщин, остановившихся внизу. Всех мышей распугают!

— Я всё про тебя знаю, — произнесла Мирина.

Она внимательно взгляделась в Агату, красивое лицо которой вырезал из тьмы свет месяца. Девушка даже не шевельнулась. Может, все эти разговоры о ней, всего лишь пустые сплетни? Слишком уверенно она держится. Или просто научилась скрывать эмоции? Если так, то это хорошо. Полезное качество, особенно в той роли, которую уготовила ей Мирина.

— Хочешь вернуть возлюбленного?

Непроницаемое выражение лица девушки несколько не изменилось. Но Мирина заметила, что в чёрных глазах её блеснула лёгкая сырость. Ей удалось задеть Агату за живое или эти намёки на слёзы просто результат мороза?

— Хочешь вернуть Андрея?

Ошибки не было. Произнесённое вслух имя заставило Агату выдать себя. На лицо её легла тень болезненной потери.

— Я должна помочь своей семье, — произнесла она наконец. — Они пострадали из-за меня.

— Очень достойно, — согласилась Мирина. — Я хочу предложить тебе помощь. Для

начала давай станем говорить на «ты».

— Давай...

— Так вот, я хочу предложить помощь. Вернее будет сказать, что ты сама выручишь свою семью. Поддержишь её деньгами, укрепишь положение. Мы дадим нужную сумму для твоего приданного.

Как это понимать? Только что Агата была уверена, что боги отвернулись от неё. А тут вдруг Мирина предлагает дружбу ей, помощь её семье, да ещё и поминает Андрея. Неужели Агун и Кеса вняли её молитвам и дают ей шанс? Если так, то надо его использовать!

— Вы окажете моей семье такую неоценимую помощь, оплатите моё приданное. А что взамен?

— Ты очень умная девушка. Мне это нравится. Взамен ты поможешь моему мужу стать предельным князем.

— Для этого ему нужно несколько тысяч воинов, а не одна брошенная девушка.

— Ошибаешься, Агата. Ты можешь помочь.

— Как же?

— Воины у моего мужа есть. Но мы хотим знать, что замышляет Деян, что он готовит против нас. Ты очень красивая девушка. Вполне можешь стать ему достаточно близкой подругой. Настолько близкой, что он будет рассказывать тебе всё что ты пожелаешь узнать, — Мирина двусмысленно улыбнулась.

— Хочешь сказать, что я должна стать его любовницей?

— В этом есть какая-то неразрешимая проблема? Он молодой и красивый юноша. К тому же на год тебя моложе. Что тебя может останавливать? Ведь свою невинность ты уже подарила тому, кого любишь.

Агата напряжённо молчала. Одинокие снежинки садились на её чёлку и ресницы. Поглядев на Мирину, белые хрусталики сминались под собственной тяжестью и превращались в крошечные капельки.

— Скажи, Мирина, ты правда можешь помочь моей семье?

— Конечно. Я понимаю, что прошу тебя очень о многом. Но взамен даю тебе своё покровительство. Я не только помогу твоему Дому, но когда всё закончится, ещё и устрою твой брак с Андреем.

— Его отец не одобрил наш брак, потому что нашёл для сына более знатную невесту.

— Не переживай на этот счёт. Я узнаю на ком он хотел женить Андрея и запрещу их союз. Так что скажешь?

Агата продолжала молчать. Это начинало раздражать Мирину. Чего там раздумывать?

— Я согласна, — наконец сказала девушка.

— Вот и славно! Теперь всё в твоих руках. Помогите моему мужу стать предельным князем и наша с ним благодарность не будет знать границ. Но не забывай, что на людях мы враги. Да, ещё. Если вдруг возникнут какие-нибудь последствия. Ты понимаешь о чём я. То не волнуйся. Они останутся тайной. Предстанешь перед женихом ещё краше прежнего. Но пока лучше не думай о нём вообще. Думай как стать ближе к Деяну.

— Вот, кстати, и он...

Мирина посмотрела через правое плечо. Тяжело дыша после изнурительной тренировки, латники Старшей дружины покидали плац. Среди них шёл юный предельный князь. В темноте у амбара он разглядел Мирину и Агату. Жена его дяди отвесила своей воспитаннице тяжёлую пощёчину. «Ещё раз что-нибудь подобное повторится, я тебя очень

серьёзно накажу», — услышали дружинники. Мирина отправилась в терем. Агата осталась стоять у стены амбара. Латники сделали вид, что ничего не заметили и молча продолжали идти в казармы. Деян проводил супругу своего дяди глазами и подошёл к одиноко стоявшей на морозе девушке. Он ещё никогда не разговаривал с ней. Но, как и все, успел восхититься её красотой. Даже оскорблённая Агата Лоскутова была прекрасна. В свете месяца Деяна захватили её глубокие чёрные глаза, тонкие черты нежного лица. Из рассечённой губы у девушки сочилась кровь, на щеке был различим красноватый отпечаток ладони.

— У тебя кровь идёт, — смущённо проговорил молодой князь.

— Знаю, — горько улыбнулась девушка.

— За что она тебя так?

— Не важно. Цепляется постоянно. Даже не знаю, почему.

Деян достал промасленную ветошь. Да уж, придумал! Такое красивое личико, такой грязной тряпкой вытирать. Он стянул с рук кожу обшитых металлической сеткой рукавиц, подобрал с земли горсть пушистого белого снега и протянул его девушке. Агата приложила обжигающий комок к губам и он стал пропитываться кровью.

— Прости, у меня нет платка для таких случаев.

— Не положено молодому воину, да ещё и князю без платка ходить, — усмехнулась Агата.

— Ну... Как то не случилось.

— Хочешь, я сотку для тебя платок? И разошью его каким-нибудь узором.

— Конечно же хочу, — ответил ей Деян не отрываясь от её глаз. — Сестра говорила, что ты к ней перебралась.

— Да.

— Надеюсь, ещё увидимся.

— Посмотрим. В крайнем случае через Веру тебе платок передам.

— Зачем передавать? Я зайду, — уверенно сказал юный князь.

Он ушёл в казарму, озарённый странным чувством. Ещё бы, такая красавица, говорила с ним и даже обещала юноше подарить платок, расшитый её собственной рукой! «Обязательно зайду», — думал он. Деяну очень хотелось вновь почувствовать тот странный восторг, который он испытал разговаривая с Агатой.

Глава 9 Орешкин овраг

Снежинки, одиноко кружившиеся в воздухе, когда ранним утром стражники покинули свой временный лагерь, теперь сыпались с неба крупными хлопьями. Снегопад грозился стать ещё сильнее. Уже сейчас было видно не далее, чем на половину полёта стрелы. Всё остальное тонуло в белизне. Пристав Тайной стражи Лавр Крутов ничего не хотел слышать о том, чтобы устроить привал пораньше. В его голове крутилась лишь одна мысль: быстрее оказаться у стен храма Юма и Живы! Быстрее захватить в плен ненавистного Вейкко и привести его на цепи в Древгород. Надо же было такому случиться именно в том пределе, который доверил ему державный князь! Со времён последнего восстания сваяльцев в Рустовесской державе не было крупных мятежей. И вот он произошёл. Как верно сказал Чернек Озеров, вина за мятеж лежит на приставе Тайной стражи. Но ничего, через три-четыре дня восстание будет подавлено и он сможет оправдаться победой за своё упущение.

Чтобы как можно скорее добраться до храмового держания, Лавр Крутов приказал сегодня утром не тратить время на то, чтобы облачиться в доспехи, а строиться в походный порядок сразу. Но тут в дело вмешался исправник Поместной стражи Сергей Зеленков. Он отменил распоряжение Крутова и своим людям приказал одеваться как на битву. Пристав был раздражён. Но, не тратить же зря время, тайные стражники тоже надели боевое облачение. Сейчас оба офицера ехали рядом, вровень. Никто не хотел уступить другому первенство. Как-никак предельный князь их обоих назначил командующими похода.

— Слушай, — сказал Лавр Крутов, — зря ты приказал надевать броню. Только время потеряли.

— Уймись, Лавр, — возразил ему Сергей Зеленков. — Какое время мы потеряли? Четверть часа? Не переживай так сильно. Подавим мятеж чуть позже.

— Мятеж нужно подавить как можно быстрее. Как только дойдёт до битвы, командование я возьму на себя.

— С чего бы это вдруг? — засмеялся Зеленков. — Для начала предельный князь нас обоих назначил командовать.

— А не для начала?

— А не для начала у меня двадцать две сотни бойцов, а у тебя и полсотни нет.

— Пятьдесят пять!

— Да, вместе с тобой. Я помню, — исправник Поместной стражи смеялся от души.

— Не забывай, что я действую от имени самого державного князя, а значит выше тебя по положению, — не хотел сдаваться Крутов.

— Хорошо, я разве против? Ты выше меня по положению. Вот только на одного твоего бойца приходится сорок четыре моих. Дальше спорить будем?

— Ладно, чего спорить? Найдём врага, разберёмся. Когда доберёмся до храма, как считаешь, они на битву выйдут или в крепости запрутся?

— Не знаю даже. Но штурмовать не будем. Это слишком большие потери. Лучше спокойно заморить их голодом.

— Не согласен. Сколько у них там продуктов? Да они хоть целый год сидеть будут. Лучше бы на битву вышли. Мне нужна быстрая победа.

— Насчёт необходимости быстрой победы спорить не стану, — поддержал Сергей Зеленков. — У меня нет желания всю зиму в сугробе просидеть.

Снегопад немного стал стихать. Тайные стражники и офицеры, ехавшие во главе выползавшей за поворот колонны, увидели перед собой Орешкин овраг. Деревянный мост был перекинут через покрытую льдом и снегом реку Несущую. Петлявший по дну оврага ручей, также был скован льдом. Вдоль берега Несущей росли кусты лещины, склоны оврага также поросли кустарником. По его верху были видны ели, осины и берёзы. По дну оврага пролегла дорога, обочины которой также заросли лещиной и берёзой. Колонна стражников не останавливаясь продолжала ползти вперёд.

— Ничего себе овражек, — донёлся чей-то голос сзади. — Да это же целое ущелье!

— Орешкин овраг... Глупость какая-то! Кто его так назвал?

— Есть легенда, что когда-то здесь жил князь Орешек.

— Что, прямо в овраге?

— Да уж... Князь Орешек, брат его Горошек и отец их Стручок!

По колонне прокатился дружный смех. Овраг действительно был большой. Лавр Крутов заметил три отвершка по его левой стороне. Примерно посередине они проехали ещё один деревянный мостик через заснувший до весны безымянный ручей. Тайные стражники, ехавшие впереди уже приблизились к выходу из оврага. Последние пехотинцы перешли мост через реку, там где дорога только влезала в его утробу.

— Примерно в часе пути отсюда есть мыза. Предлагаю устроиться там на првлгххээ...

В горло исправника Зеленкова вонзилась стрела. Захлёбываясь кровью, командир Поместной стражи отпустил поводья, стал медленно заваливаться назад и упал с коня. В то же мгновение заснеженный зимний воздух был внезапно разорван гулом боевого рога. Застигнутая врасплох колонна стражников попыталась остановиться. Идущие сзади наткнулись на шедших впереди. Из-за лещины и берёз на них посыпались смертоносные стрелы.

Сегодня Юм и Жива были на стороне своих защитников. Снегопад, шедший уже больше часа засыпал возможные следы у обочины дороги и укрыл воинов Вейкко. Мудрейший наблюдал за дорогой из специально устроенного из снега и веток гнезда, находившегося на склоне среди кустов лещины.

Почти все офицеры настаивали на открытом полевым сражении с Поместной стражей. Они справедливо утверждали, что победа в открытом бою принесёт больше славы, а значит, сыграет на пользу храму Юма и Живы в начавшейся войне. Меньшинство командиров, указывая на численное превосходство неприятеля, говорила о том, что нужно оборонять храмовое держание и ждать помощи от других храмов и князей. Только Дарён, воевода Храмовой дружины, сказал, о необходимости устроить засаду. В открытом сражении можно проиграть или понести очень большие потери. Засада же давала шанс на быструю решительную победу. Выслушав все мнения, Вейкко приказал действовать по плану воеводы.

Там где дорога вылезала из оврага и шла дальше, была поставлена вся храмовая конница. Сто конных латников располагались первыми, две сотни легкой конницы за ними. Триста тяжёлых пехотинцев укрылись в густых зарослях лещины, недалеко от моста через Несущую, готовясь перекрыть врагу путь к отступлению. Четыреста лучников встали длинной линией по правую руку, спрятавшись среди берёз и осин. Дорога для них была как на ладони. Каждый имел тройной запас стрел. Ополченцы Вейкко укрылись в отвершках оврага по левую сторону от дороги. Оставалось ждать.

Прошло около двух часов, когда, наконец, по дну оврага проскакал одинокий конник. Он издали наблюдал за дорогой и его появление означало, что стража уже близка. В этот момент Вейкко подумал, что всё пропало. Его дозорный так громко шумел, что враги наверняка всё слышали и уже приготовились к бою. Но когда он через некоторое время увидел спокойно идущих стражников, от сердца отлегло. Ничего не подозревавший враг зашёл в расставленную для него ловушку. Воины мудрейшего не выдали себя ни единым звуком. Он лишний раз убедился, что дисциплина в его рати железная. Когда конные стражи уже приблизились к выходу из оврага, Вейкко кивнул находившемуся около него дружиннику. Воин поднёс к губам боевой рог.

Лучники били прицельно, по мере готовности. Колонна стражников растерянно застыла на дороге под их смертоносными уколами. Кто-то пытался прикрыться щитами, кто-то построиться для боя. Иные уже умирали, лёжа на снегу. Офицеры пробовали отдавать своим подчинённым приказы. Но как только лучники Вейкко замечали того, кто пытается командовать, то человек этот немедленно становился для них главной мишенью.

Лавр Крутов мгновенно осознал произошедшую катастрофу. Но выхода нет, нужно принимать бой! Когда Сергей Зеленков ещё только начал падать на землю, пристав Тайной стражи скатился со своего коня и выхватил меч. В животное вонзилось несколько стрел, предназначенных для всадника. Конь завалился на бок. Лавр Крутов подобрал с дороги чей-то щит и прикрылся им.

— Немедленно спешиться и построиться «коробком»! — громко приказал он своим людям.

Бойцы Тайной стражи быстро выполнили команду. Трое из них замешкались и были убиты. Пристав встал в «коробок» рядом со своими бойцами и поглядел на неприятеля. Стрелки уже не прятались и были хорошо видны. Длинная цепочка вдоль всей кромки оврага. Простреливают всю длину дороги. Можно попробовать пролезть к ним наверх. Конечно, потери неизбежны, но если стоять внизу, то рано или поздно всех перебьют. Нужно направить бойцов вперёд. Когда «коробок» доползёт до лучников, исход боя будет предрешён. Им не выстоять в рукопашной схватке против его людей. Лавр Крутов уже открыл рот, чтобы выкрикнуть приказ, но тут услышал топот коней, мчавшихся вниз по дороге. Храмовая кавалерия! Здесь не только лучники Вейкко, но и вся его дружина...

Конные латники жёлто-красных на полном скаку врзались в построившихся «коробком» тайных стражников. «Коробок» мгновенно развалился, брызнув во все стороны кольчужными телами и щитами как разбившаяся об пол кубышка с монетами. Но бежать никто не думал. Стражники приняли неравный бой. Воины Вейкко завязли на некоторое время в рукопашной схватке. Закованные в сталь конники кололи стражников копьями и рубили мечами. Тайные стражники пытались стащить латников с коней, били их копьями и резали саблями.

Лавр Крутов заметил блеснувший над его головой клинок меча и стремительно уклонился. Но бивший явно тянулся слишком далеко, поэтому лезвие лишь слегка скользнуло по его шлему, не причинив приставу никакого вреда. Лучники уже не били по его людям, боясь задеть своих же. Теперь они перенесли усилия на конников Поместной стражи. Конные стражники, потеряв своего командира, растерянно метались из стороны в сторону, один за другим погибая под градом стрел. Чего они время теряют? Их же всех

перебьют! Лавр Крутов сделал шаг в их сторону, но почувствовал сзади себя угрозу. Приседая, он повернулся к источнику опасности. Сзади него возвышался на коне латник Храмовой дружины. Но воин смотрел в другую сторону, пытаясь достать кого-то копьём. Лавр Крутов рубанул его коня по передним ногам. Закованное в доспехи животное, заржав от страшной боли, упало мордой в снег. Латник скатился с его спины, но тут же вскочил на ноги, хватаясь за рукоять меча. Не давая врагу принять боевую стойку и обнажить клинок, пристав ударил его ногой в грудь. Латник потерял равновесие и упал на спину. Крутов занёс меч и, вложив в удар вес всего тела, вонзил его остриём прямо в горло мятежнику. Прекрасная сталь не подвела его. Меч насквозь пробил железный ворот и кольчугу, не оставив дружиннику никаких шансов на выживание. Железная личина скрыла от пристава лицо врага, но в шуме боя он услышал его предсмертный хрип. Времени терять нельзя, Лавр Крутов бросился туда, где бессмысленно суетились конные бойцы Поместной стражи. Он перепрыгнул через втопанное в снег знамя Державного Дома и крикнул воинам: «Вперёд, в атаку! Чего вы там ждёте?» Лишь несколько бойцов расслышали его голос. Пристав Тайной стражи набрал в грудь воздух, чтобы приказать громче, но стальное жало со страшной силой ударило в спину, прокололо кожаный панцирь с кольчугой и бросило его на землю. Последнее, что увидел Лавр, сын Александра из Малого Дома Крутовых, был стремительно приближающийся к его лицу сугроб и окровавленное острие, торчащее из пробитой груди. Конный латник Храмовой дружины грязно выругался: копье, застрявшее в теле пристава сломалось, ему пришлось обнажить меч.

Солнце сбросило с себя пелену туч и наполнило мир светом. Снег прекратился. Шедшие в хвосте колонны стражники попытались бежать, но мост через реку Несущую был уже перекрыт врагом. Триста тяжеловооружённых пехотинцев Храмовой дружины вылезали из зарослей лещины и под прикрытием своих лучников строились для атаки. Всего несколько мгновений спустя, перед стражниками возникли стройные ряды вражеской пехоты. Лес копий угрожающе сверкал остриями на солнце, выглядывая из-за больших прямоугольных щитов с гербом храма Юма и Живы. Над пехотинцами взвилось храмовое знамя — красное солнце на жёлтом поле. Под бодрый треск барабана, дружинники пошли в атаку.

Около сотни стражников, не сговариваясь, бросились на них. В жёлто-красных полетели дротики. В основном они воткнулись в щиты. Но несколько храмовых пехотинцев всё же упали, пронзённые их остриями. Остальные продолжали двигаться. Стражники достали сабли и бросились в самоубийственную атаку. Тяжёлая пехота плотнее сомкнула ряды и оцетинилась жалами копий. Десятки стражников пытались пробиться к врагу, но падали в снег и умирали, истекая кровью. Другим удавалось прорваться ближе и даже схватиться с дружинниками, но они тоже гибли, изрубленные мечами и топорами.

Прошло совсем мало времени, пока сотня стражников была перебита. Но его хватило, чтобы уцелевшие офицеры смогли перестроить своих бойцов в оборонительные порядки. На склоны оврага полезло более двухсот пеших стражников. Они пытались добраться до лучников, но вязли в сугробах и гибли под стрелами. На дороге возобновилась жестокая схватка. Бойцы Поместной стражи пытались сдержать натиск отряда тяжёлой пехоты. Воины кололи друг друга копьями, пытались разбить шеренги вражеских построений, беспощадно рубились в ближнем бою. У храмовых пехотинцев было большое преимущество. Вооружённые саблями стражники с большим трудом могли пробить доспехи своих врагов. В то время как пешие латники успешно рубили не имевших тяжёлой брони бойцов Поместной

стражи.

Когда стражники преодолели около половины пути до храмовых лучников, а схватка на дороге была в самом разгаре, из своих укрытий в отвершках по левой стороне оврага вылезли пять сотен ополченцев. Вооружённые копьями и щитами, они набросились на остатки сражающейся Поместной стражи с тыла. Тем временем храмовая кавалерия, перемолов малочисленную Тайную стражу, перенесла усилия на конных бойцов Поместной стражи. После вялого сопротивления, потерявшие очень много убитыми и ранеными конники стали сдаваться в плен. Оставшись без своих командиров, сдаваться начали и пешие сотни.

Три уцелевших офицера Поместной стражи встали спиной друг к другу около мостика через безымянный ручей. Один из них держал в руках саблю, другой копье, а третий топор, отнятый им в бою у тяжеловооружённого дружинника жёлто-красных. Лучники пытались прицелиться в них, но офицеров слишком плотно окружали храмовые ополченцы.

Рослый белокурый пристав, сжимая в руках саблю, шагнул вперёд. На него бросились вооружённые копьями ополченцы. Одного из них офицер сбил с ног. Другого тяжело ранил в грудь, прорубив обшитое железными кольцами суконное платье. Но замахнувшись на третьего воина, стражник получил мощный удар ясеневоего древка в живот. Согнувшегося от боли офицера тут же скрутили другие ополченцы. Офицер, вооружённый копьем бросился на своих врагов, но был заколот на месте. Последний из командиров, увернувшись от смертоносного выпада, с силой вонзил топор в лицо атаковавшего его ополченца. Но лезвие застряло в лицевой кости и стражник не успел вынуть своё оружие из трупа поверженного врага. Четыре копейных жала разорвали тело последнего сражавшегося бойца Поместной стражи. Больше в Орешкином овраге никто не оказывал сопротивления. Воины храма Юма и Живы вязали пленных.

Вейкко уже давно не испытывал такого торжественного чувства. Мрачные мысли, терзавшие его с той самой минуты, когда Чернек Озеров рассказал о решении державного князя, улетучились в небытие. Прекрасная победа, одержанная его ратниками, наполнила душу мудрейшего радостью и непоколебимой уверенностью. День только начинается, а высланная против него Поместная стража уже разгромлена. На её уничтожение понадобилось всего около часа времени. Так будет с любым врагом, который захочет выступить на стороне сил зла! Не забывал Вейкко и о том, по чьей подсказке он смог вовремя узнать о приближении опасности. Значит, предельный князь Суломатья Чернек Озеров вовсе не встал на сторону Мроза и Килмы. Он остаётся другом мудрейшего и его соратником в начавшейся войне. Просто он не мог сразу выступить вместе с ним. Но теперь, когда висящая цепью на ногах князя Тайная стража уничтожена, Чернек непременно соберёт войска и присоединит их к силам Вейкко.

В сопровождении воеводы Храмовой дружины Дарёна, нескольких офицеров и дружинников, Вейкко бродил по дну оврага, ставшему местом жестокой схватки. Здесь и там, в разных позах лежали убитые. Заснеженная земля была утыкана стрелами, полита кровью. Кругом валялись потерянные их обладателями мечи, щиты, копья, шлемы. Прекрасная победа! Кто теперь сможет утверждать, что Юм и Жива не благоволят своим защитникам? К Вейкко подошёл офицер, занимавшийся подсчётом потерь.

— Каковы итоги? — спросил его мудрейший.

— У врага семьсот убитых, примерно восемьсот раненых, около пятидесяти человек

смогли бежать и семь сотен сдались нам в плен.

— Отлично, великолепный результат, — Вейкко оглядел окружавших его бойцов. — Моя победа, добытая вашими руками, ваша победа, наша победа! Какую цену мы за неё заплатили?

— Девять десятков убитых и сто двадцать раненых. Четырнадцать человек обмороженных.

— Четырнадцать... — повторил воевода Дарён. — Это хорошо.

— Чего же хорошего? — удивился Вейкко.

— Просидели бы дольше, счёт мог пойти на десятки.

— Это верно...

В такие моменты можно представить, что чувствовали победоносные полководцы прошлого. Вызов, брошенный князю-отступнику мог бы показаться безумием. Но сегодняшняя победа доказывает, что война имеет все шансы быть выигранной. Поместная стража разгромлена, отряд Тайной стражи уничтожен, Чернек Озеров со дня на день выступит на стороне Вейкко. Всё Суломатье уже во власти храма Юма и Живы. Нужно лишь привлечь всех тех, кто способен носить оружие, собрать дружины храмов и сочувствующих князей. И уже к лету Лесьяр Строгов падёт, а в Рустовесской державе вновь утвердится благая вера. Храмы обретут ещё большее влияние и силу, чем когда-либо прежде. Если кто-то сомневается, что победа возможна, пусть посмотрит на место боя в Орешкином овраге!

Вейкко посмотрел под ноги. Между двух убитых стрелами стражников лежало втопанное в снег знамя Дома Строговых. Именно под этим знаменем ходят отряды стражей в Рустовесской земле. Мудрейший наклонился и взял его в руки. Полотнище было надорвано, на восьмиконечной серебряной звезде хрустела замёрзшая кровавая клякса. Вот он символ победы, знак который посылают ему боги. Он, Вейкко, мудрейший храма Юма и Живы должен возглавить великую войну за благую веру. Повести за собой людей. Он должен призвать ополченцев со всех земель и сословий в Благую рать. Пятьдесят тысяч воинов, ведомых хранителями благоверия раз и навсегда пресекут попытки князей захватить всю полноту власти в Рустовесской державе или навязать людям ложных богов. Именно так он и должен поступить. Так велят ему Юм и Жива.

— Мудрейший, смотрите, кажется это он.

Вейкко сделал несколько шагов вперёд, туда где лицом в снег лежал убитый копьём воин. Да, похоже это был пристав. Вейкко хорошо запомнил этого человека по своим визитам в Старогулье. Надменный оценивающий взгляд, гладко выбритое вне зависимости от времени года лицо, зелёные сапоги. Его спина вечно маячила в резиденции предельного князя. Ножны с прекрасным клинком, висящие у пояса. Вроде как чей-то подарок. Вот этот меч, его сжимает сейчас мёртвая холодная рука, запорошённая снегом. Интересно, успел им воспользоваться пристав или клинок так и остался бесполезным украшением этого мерзкого человека, убитого в спину? Наверняка он убегал, когда был настигнут храмовым дружинником или ополченцем.

Дружинник, прижав тело ногой, с усилием выдернул из спины убитого обломок копья. Труп перевернули. Вейкко смахнул с его лица снег. Безжизненные глаза со стеклянным безразличием смотрели в никуда. «Да, это он, — сказал мудрейший своим людям, — пристав Тайной стражи Лавр Крутов». Воевода Дарён наклонился к трупу, с усилием разжал обледенелые пальцы и отнял у мертвеца меч.

— Мудрейший, примите этот трофейный клинок как подарок от ваших воинов. Как

символ нашей сегодняшней победы.

— Благодарю, воевода.

Вейкко взял меч. Очень хорошая сталь, прекрасно заточен. Он взмахнул им несколько раз и оглядел лезвие. На нём тускло поблёскивала замёрзшая кровь. Видимо, пристав всё же успел им воспользоваться. Может он и не был таким трусом, каким считали его Вейкко, Чернек и все ратники в Старогулье. Но уж точно он не был ни хитрым, ни осторожным человеком. Иначе не завёл бы своё войско в засаду. Дружинники сняли с убитого пояс с ножнами и кинжалом и подпоясали им своего предводителя.

— Что же, — сказал им Вейкко, — если у меня теперь есть меч, то я должен уметь им пользоваться.

— Конечно, мудрейший. Мы обучим вас ратному искусству. Хоть сейчас начнём.

— Нет, сейчас есть другие дела. Соберите всех пленных на лесной поляне за оврагом. И сами все туда приходите.

Через четверть часа все воины мудрейшего и попавшие в плен стражники уже стояли перед главным хранителем храма Юма и Живы. Вперёд вывели восьмерых пленных бойцов Тайной стражи. Двое из них были ранены, остальные сильно избиты. Руки пленников были связаны за спинами. Их поставили на колени перед Вейкко.

— Вы обвиняетесь в том, что присягнули ложным богам и подняли оружие на тех, кто защищает богов истинных. Хотите что-нибудь возразить?

— Мы, элаиты, молимся не богам, а богу. Он один.

— Ты предал богов своих предков и поднял оружие против их защитников!

— Я поднял оружие на мятежников. Это обязанность любого, кто служит державному князю.

Вейкко посмотрел в глаза пленного тайного стражника, стоявшего перед ним на коленях. Посмотрел и понял, что не видит в них ни намёка на страх или мольбу о пощаде. А смог бы он сам вести себя также, если бы судьба поменяла их местами? Вейкко понял, что если разговор или даже немой обмен взглядами продлится ещё немного, это сильно навредит и ему лично, и задуманному им делу.

— Казнить их, — мудрейший кивнул своим помощникам.

Стражников по очереди клали на большой пень и отрубали им головы. Когда четвертого бойца подвели к пню, он вырвался из рук дружинников и упал в ноги Вейкко.

— Мудрейший, пощадите меня, умоляю Вас! — стражник плакал. — Я не хотел принимать элаитство, меня заставили офицеры. Я пошёл в Тайную стражу только ради денег. Я не хочу служить Строговым, они отступники, я хочу служить Вам! Пощадите меня, пощадите, умоляю!!!

Вейкко испытал противное ощущение, глядя как этот человек вымаливает себе жизнь. Он с трудом удержался, чтобы не пнуть стражника в лицо.

— За деньги... Отступники... Не позорься уж, твоя жизнь закончилась!

— Нет, прошу, нет, я правда только за деньги...

Удар топора прервал его вопли. Остальные тайные стражники умерли молча. Вейкко встал на дымящийся паром окровавленный пень. Собравшись с мыслями он вобрал в лёгкие морозный воздух и выдохнул его горячим паром слов:

— Лесьяр Строгов, наш державный князь, защитник земли и сберегатель границ предал древнюю веру своих предков. Он принял чуждых богов, но это лишь внешняя сторона. На самом деле не молится он никакому Элаю или кому-там ещё. Он молится Мрозу и Килме.

Удивлённый гул прошёлся по толпе воинов и пленников. К своему удовлетворению мудрейший расслышал в нём и нотки ужаса.

— Люди, ратники, услышьте меня! Я не зря обращаюсь к вам всем без различий. Вы все мои дети, мы все сыны Позара и Светлобы. Сегодня была битва. Мои воины должны были победить или умереть. И они победили. Но на этом нет более никаких различий между нами. У нас нет причин ненавидеть и убивать друг друга. Я обращаюсь к бывшим бойцам Поместной стражи. Вступайте в моё войско. Идите со мной. Мы вместе будем защищать благую веру. Князь-отступник хочет вернуть Эпоху Падения, хочет истребить всё живое в Рустовесской земле. Но все вместе мы не дадим этому случиться! Развяжите пленным руки.

Дружинники Вейкко пошли по толпе пленных, разматывая им пеньковые путы на запястьях. Подождав, пока все стражники освободятся, мудрейший продолжил.

— Мы не враги друг другу. Настоящий враг засел в Древгороде. Мы не мятежники, мы воины благой веры. Вместе с вами мы составим Благоую рать. Придут ещё люди, стражники, ополченцы, дружинники. Множество молодых и сильных воинов. К весне в нашей Благой рати будет пятьдесят тысяч воинов и мы заставим Лесьяра Строгова сдаться. Мроз и Килма будут изгнаны из Рустовесской земли. Благая вера или смерть!

Один из немногих уцелевших офицеров Поместной стражи, пристав Егор Михайлоё внимательно слушал каждое слово мудрейшего. Он постепенно отходил от горячки внезапного сражения. Всё произошло неожиданно, ужасно и кроваво. Никто не смог бы упрекнуть его, что он не сражался. Он бился до последнего. И если бы не пропустил удар древком в живот, то обязательно зарубил бы того ополченца насмерть. После чего наверняка был бы убит его товарищами. Так же как погибли рядом с Егором двое его сослуживцев, смотритель и младший пристав. Около часа Егор находился в полуобморочном состоянии. Ушибленный живот невыносимо болел. Но постепенно он пришёл в себя. Как выяснилось, эта странная битва закончилась. Их победители вели себя вполне мирно и сдержанно. Ничего подобного Егор не ожидал. Мрачная сдержанность победителей и зимний мороз постепенно успокоили разум. Что всё это значит?

В шестнадцать лет он поступил в Поместную стражу. И вот уже десять лет провёл на службе. Все эти годы он занимался гарнизонными делами, охраной порядка на вверенных землях, поиском и уничтожением разбойных ватаг. Но в этот раз всё было не так как всегда. Ненавидимый всеми пристав Тайной стражи повёл их против храма Юма и Живы. Против тех, кто защищает благую веру и хранит её уже много тысяч лет. С чего бы это? Егор вслушался в смысл слов Вейкко. Мудрейший верно говорит. Только безумец, чьим разумом овладели Мроз и Килма может послать стражу не против каких-нибудь разбойников и головорезов, а против своих же людей, против веры предков. Благая вера или смерть, вот верные слова. Давно никто не говорил так прямо и точно!

Когда-то его Дом имел хороший доход с заливных лугов, располагавшихся недалеко от их родового острога. Те места даже носили название Михайлового луга. Во время нашествия киврийцев и Вечерних королей по специальному распоряжению тогдашнего державного князя Красимира Строгова, трижды собирался срочный налог. Михайловы не смогли выплатить его сразу, поэтому луг был временно отдан в пользование Дворцовой управе, ведавшей хозяйством Великого Дома. Но когда долг был погашен, Михайловы не получили свои доходы обратно.

Много лет глава Дома безуспешно пытался попасть на аудиенцию к державному князю. Шесть лет назад это удалось Егору. Поездка в Древгород оставила неприятные впечатления.

Город, забитый отъевшимися купцами, писарями управ, обнаглевшими высокомерными ратниками и бойцами Дворцовой стражи, свысока поглядывающими на вылезшего из глухих мест урядника Поместной стражи. Возвышавшийся на державном троне Лесьяр Строгов с скукой выслушивал молодого просителя, затем подвёл итог: вернуть Дому Михайловых половину дохода с лугов и произвести урядника Егора в приставы. Последнее радовало. Но это была кость, брошенная хозяином со стола своей собаке. Половина дохода с лугов, ранее полностью принадлежавших его Дому!

Никто в их семье не забыл такого оскорбления. Сначала потребовать срочные незапланированные сборы, потом в их уплату отнять такое благодатное владение, а затем вернуть лишь половину! Слова мудрейшего Вейкко всё более становились близки пленному приставу. Державный князь из своего зажравшегося Древгорода не только обирает верных своих слуг, он ещё и заставляет их сражаться друг с другом, ради того, чтобы на крови убитых возвести храм Мроза и Килмы. Можно терпеть поборы со стороны князя, защищающего страну. Но как служить правителю, душу которого пожрал Хлад? Который ради врагов живого развязал братоубийственную войну? Этого быть не должно!

Егор Михайлов сделал несколько шагов в сторону мудрейшего. Ушибленный в бою живот сильно болел. Он думал, что сейчас его схватят храмовые дружинники, но никто не стал его трогать. Тогда он более уверенно подошёл к пню, на котором стоял Вейкко. Мудрейший посмотрел на Егора сверху вниз.

— Благословите меня, — попросил пристав.

— Ты офицер? — спросил Вейкко, чертя в воздухе круговое благоосенение.

— Да, мудрейший. Я хочу вступить в ваше войско, в Благую рать.

— Это очень хорошо, — Вейкко обратился ко всем. — Мне очень нужны опытные воины и опытные офицеры. Вот первый кого я принимаю в Благую рать. Как зовут тебя?

— Егор, сын Андрея из Малого Дома Михайловых.

— Отныне ты воин благой веры, Егор!

— Если теперь я воин, разрешите мне сказать Вам?

— Конечно же.

— Я предлагаю повести рать на юг, на берег реки Хили. Там, на стыке границ Суломатья, Гужвоземья и Крайнесточья есть острог, которым владеет мой Дом. У Михайлова луга отличное место для того, чтобы построить лагерь, где мы сможем собрать ещё людей.

— Да, отлично. Проведём военный совет. Если другие офицеры одобряют, то поведём нашу Благую рать именно туда.

Увидев, как приняли в войско офицера, другие стражники тоже потянулись к мудрейшему. Прошло совсем мало времени и все семь сотен пленных влились в состав Благой рати. Воевода Дарён, громогласно обратился к Вейкко.

— Мудрейший, Благой рати нужен полководец. И по праву этим полководцем являетесь Вы. Ведите нас к победе! Ведите нас!

«Ведите, ведите!» — поддержали воеводу окружавшие. «Победа! Вейкко!» Открывавшаяся взору картина поражала воображение. Люди, которые всего несколько часов назад бились друг с другом не на жизнь, а на смерть, стояли рядом и выкрикивали имя мудрейшего. Ничего подобного главный хранитель храма Юма и Живы не мог себе даже представить. Вот он, ещё один знак от богов. Знак грядущей победы в великой войне за веру. Только что он создал Благую рать. Войско, в которое вступят новые люди, новые воины.

Точно так же как только что вошли в него семь сотен пленных стражников. Сомнений быть не могло. Скоро он соберёт пятьдесят тысяч воинов. Все же остальные князья и храмы будут вынуждены вступить в его войско. И он, Вейкко, будет полководцем Благой рати. Пленным стражникам вернули оружие. Трудно было определить сейчас где его дружинники, а где новые ополченцы. Небывалое воодушевление охватило эти несколько тысяч мужчин и передалось возвышавшемуся над ними мудрейшему. Победа была неизбежна. Ратники махали над головами копьями, мечами, саблями и топорами, скандируя: «Вейкко! Вейкко, Вейкко!»

Глава 10 Оправданный риск

Примерно там, где заканчиваются земли подконтрольного Миргороду племенного союза вилушканцев и начинается Гужвоземье, есть хутор, состоящий всего лишь из восьми дворов. Деян не помнил его названия. Около этого хутора расположилась сотня Старшей дружины, сопровождавшей молодого предельного князя на Великий совет. Крестьяне были рады принять у себя такого высокого гостя. Деян и его офицеры сытно отобедали своими припасами и подношениями местных жителей. На ночлег расположились в избах. Рядовые дружинники и походные слуги улеглись в шатрах. Маленький военный лагерь размерами и числом обитателей ничем не уступал хутору.

Деяну Булатову предложили смыть с себя дорожную грязь. Он согласился. Баню, стоящую возле избы одной вдовы, для него растопили на славу. После чего вдова позвала князя ночевать у неё. К удивлению Деяна, вдовой оказалась совсем молодая женщина примерно его возраста. Звали её Мирка. Как оказалось, муж крестьянки был задран медведем, прожив с ней всего полгода или около того. Оставил жене хорошую избу и хозяйство. Но детей нажить они не успели.

Обо всём этом Мирка поведала предельному князю Крайнесточья, хлопоча по хозяйству. Вела она себя смиренно и почтительно, как и полагается держаться с князьями людям сельского сословия. Называла Деяна на «вы», наклоняла красивую голову в знак согласия или качала ей, когда что-то отрицала. В глаза юному князю она не смотрела. Утомлённый дорогой, расслабленный вкусной едой и горячей баней, Деян лёг спать на протопленной печи и тут же заснул.

Ему снилось, что он медленно и плавно тонул в густой тёплой пелене, отбиравшей у него усталость и дарившей взамен силы для нового дня. Сверху, вдали было темно. Из плескавшейся наверху тьмы к нему опустились крепкие женские руки и потянули его вверх, вытаскивая из мягко густеющей теплоты. Ему даже казалось, что во тьме наверху, откуда тянулись к нему руки, он видит ледышки звёзд.

Деян проснулся. Никаких звёзд не было, в непроглядной тьме глаз не мог ни за что зацепиться. Обнажённая Мирка лежала рядом, прижимаясь к нему под тканью покрывала. От прежней скромницы из низшего сословия ничего не осталось. Крестьянка без стеснения обвила руками шею юного князя. Через мгновение в уста Деяна впился поцелуй её сухих обветренных губ. Разве он мог представить подобное, увидев перед собой вечером скромную крестьянскую вдову? «В бане князей нет», вспомнил он присказку, не так давно услышанную от походных слуг. Теперь понятно, что имеется в виду. Похоже, что на печи под покрывалом князя тоже отсутствуют. По крайней мере здесь их точно нет. А есть только юноша, где-то там, бесконечно далеко отсюда игравший роль предельного князя, и совсем молодая женщина, бывшая где-то крестьянкой. И больше никого.

Сам не зная зачем и почему, он высвободил губы от её поцелуя и сказал:

— Стой. Ты ведь говорила что тебя может быть замуж выдадут, что ты этого хочешь и ждёшь. Ты ведь знаешь, что мы не сможем пожениться. Я ведь... Что?

Мирка кокетливо смеялась:

— Да не берут меня замуж! Вот... Кому нужна жена бездетная? Все боятся, что не будет у меня детей, и не спешат замуж брать. Вот... А я к повитухе в мызу соседнюю ходила. Она сказала, что у меня всё хорошо, муж был виноват. Вот... А если будет у меня ребёнок, да ещё

и от предельного князя, так сразу муж и найдётся. Вот...

Деян воспринял услышанное со сладостным облегчением. Никак более не сдерживаясь, он нетерпеливо притянул к себе манящую желанной наготой молодую женщину и овладел ей. Мирка была у него первой. Непредвиденное внимание молодой вдовы стало для Деяна неожиданным, а от того ещё более пьянящим кровь подарком. Закруживший их поток взаимных ласк и поцелуев, смыл с юного князя томившую его тяжесть. Он почувствовал себя обновлённым. Сластолюбивая Мирка ни на мгновение не давала Деяну передышки, до последней капли приняв в себя всю накопившуюся в нём похоть. «Мой», — жарко стонала она в его уши. Непременно добавляя при этом своё неизменное «вот». Даже засыпая, обессиленный князь продолжал ощущать на своём лбу, губах, глазах, щеках и груди её ненасытные поцелуи.

Когда наступило утро, всё вернулось на свои места. Деян вновь был князем из Большого Дома, а Мирка опять стала скромной вдовой из крестьянского сословия. Она вела себя смиренно и почтительно, обращаясь к Деяну Булатову на «вы». Он даже начал подозревать, что всё случившееся минувшей ночью ему просто пригрезилось. Но когда юный князь уже садился в седло, Мирка обратилась к нему со словами: «Милости просим на обратном пути вновь быть нашим гостем». Деян заметил, как заплясал в её глазах блудливый огонёк и твёрдо решил: заеду!

Но в Древгороде он обещал правителю Рустовесской земли, что женится на его дочери Дарине. И хоть ночь, проведённая в объятиях Мирки ещё много раз тревожила во сне его разум, заезжать по пути домой в её хутор он не стал. Его ждал брак с дочерью самого Лесьяра Строгова и много других важных дел. Деян тщательно берёт в памяти образ своей будущей жены. Симпатичное лицо Дарины Строговой стало его верным спутником на всё последнее время.

Теперь же Мирку и Дарину заслонила собой Агата Лоскутова. Таких красивых девушек ему ещё видеть не приходилось. Стройная фигура была словно выточена самими богами из неведомого дерева, крепкого, гибкого и упругого, но в то же время нежного. Каштановые волосы её были всегда чистыми, расчёсанными и забранными в хвост, открывая любопытным взорам белую шею. Тонкие черты лица сами по себе уже могли стать предметом зависти, но были ещё глаза. Чёрные бездонные зрачки, способные утопить в себе любого, кто рискнёт в них заглянуть, манили к себе Деяна с того самого вечера, как он поговорил с Агатой у амбара. Так же как и улыбка, которая никогда не покидала её нежных губ. Агата Лоскутова обладала особой статью, выгодно отличавшей её от всех остальных женщин. Даже если одеть её в грубую крестьянскую одежду и заставить мыть грязные горшки, она всё равно была бы более грациозной и недостижимой, чем та же Мирина Булатова, сидящая на княжеском престоле в самом дорогом платье. Сомнений быть не может.

Деян Булатов помнил, что ему суждено жениться на Дарине Строговой, девушке красивой и милой. Но... Он не мог теперь вспомнить её лица. Много раз силился это сделать, и каждый раз видел Агату. Юный князь брал в руки платок, сотканный и расшитый гербом его Дома, подарок Агаты. От куска ткани веяло каким-то особым теплом и нежностью. Несколько раз он хотел отбросить его в сторону и не обращать никакого внимания, но ему не хватало сил, чтобы сделать это. А с тех пор, как Агата перебралась в княжескую резиденцию, к его сестре Вере, покой вообще оставил владыку Миргорода.

Каждый день он просыпался с надеждой, что сможет увидеть её хоть краем глаза. С

нетерпением ждал того дня, когда Вера пригласит своего брата на посиделку. Агата была очень умна и общительна. Почему Дарина Строгова не настолько же хороша? Почему Агате не суждено было родиться дочерью Лесьяра? Иногда Агата вела себя очень дружелюбно, смотрела на князя в те редкие моменты, что они могли мельком увидеть друг друга в суете протекающих дней. Иногда она просто не обращала на юного князя никакого внимания. Но в последний раз, когда он уходил из комнаты Веры, Агата на прощание подарила ему лёгкий дружеский поцелуй. Её губы лишь слегка прикоснулись к его правой щеке. Однако, ничего более сладкого и горячего он не знал в своей жизни. Ожог, оставленный её поцелуем, шипящим шаром провалился в грудь Деяна и вызвал там томительно-болезненный пожар. В ту ночь он не смог заснуть. С тех пор место Мирки в его грёзах прочно заняла Агата Лоскутова. Вот бы спрятаться с ней вдвоём на безвестном хуторе!

«Опять мечтаешь?» Могучая рука в кольчужной перчатке хлопнула Деяна по плечу. Около уха звякнули об пластины нагрудника её стальные колючки. Эдуард Булатов, воевода Старшей дружины, своим прикосновением вернул юного князя в реальность. Деян стоял, облачённый в доспехи, держа в руках утяжелённый деревянный меч. Пришло время для тренировки воинского мастерства. Однако, посторонние мысли мешали сосредоточиться. Естественно, это не могло ускользнуть от внимания его двоюродного дяди. Эдуард глянул по сторонам, убедившись, что поблизости никого нет, наклонился поближе.

— Последнее время ты часто думаешь о посторонних вещах. Не так ли?

— Есть такое дело, — Деян хотел соврать, но не смог.

— Агата Лоскутова красивая девушка. Не зря Мирина взяла её в свою свиту. Я надеюсь, ты ничего лишнего ей не болтаешь? А то уже даже самые последние мальчишки на конюшне знают, что вы... Дружны.

— Нет, что ты? Да и вряд ли она что-то Мирине докладывает. Мирина Агату ненавидит, это все знают.

— Знают, не знают, бабушка надвое сказала. Это можно проверить. И в зависимости от того, что узнаем использовать ситуацию в твою пользу.

— Как же?

— Слушай внимательно. Мы организуем охоту на кабанов. Пригласим на неё Видогоста. А между тем, ты как бы невзначай проболтаешься Агате о своём замысле.

— О каком?

— Учись слушать не перебивая. Ты скажешь ей следующее...

«Владыка Древгорода, предельный князь Гужвоземья, державный князь единой Рустовесской земли, верховный господин Густошумья, Суломатья, Крайнесточья, Солоплажа и Хладоручья, князь-воевода всея рустовесского воинства, единый вождь успонов, густашумцев, приплатов, вилушканцев, шумян и сваяльцев, верховный судья, первый щит государства и сберегатель границ Лесьяр, сын Красимира из Великого Дома Строговых собственной рукой составил.

Владыке Старогуля, предельному князю Суломатья, оку государя у приплатов, главному судье и хранителю войска вверенных земель Чернеку, сыну Эстера из Большого Дома Озеровых.

Шлю слово приветствия своему верному союзнику, подданному и старому другу. Чернек! Предки мои заповедали, что князь предельный в руках своих держит мир,

спокойствие и порядок в тех землях, что доверены ему были именем державного государя. Ежели встретит предельный князь врага лютого и могучего, чью силу ему не сразить копьём своим, должен тот князь слово молвить владыке державному, чтобы встать с ним в строй единый.

Мне же весть пришла не с твоих уст писанная. На доверенных тебе именем моим землях Суломатя, мудрейший храма Юма и Живы Вейкко гадкое учиняет. Означенный Вейкко забыл о книгах и молитвах, ибо увлёкся ремеслом жестоким, кровавым и позорным. Опоганил Суломатю мятежом против моей власти. Пользуясь тем, что ты молчать изволил, в крепости заперевшись, Вейкко убил пристава Тайной стражи и всех людей его. Убил исправника Поместной стражи и часть людей его. Иную же часть стражников поместных, коих злодей Вейкко не убил и не искалечил, соблазнил поганец на власть державную войной идти. Засел негодник в землях твоих, злодеев собирает под знамя своё и грамоты пишет. А в грамотах тех народ трудолюбивый совращает и науськивает бунт поднимать против имени моего. Грамоты сии я, Лесьяр, сын Красимира сам видел и читал тоже сам, дабы не брехать тебе попросту как пёс дворовый. Пока чинит Вейкко порядки свои и волю свою, ты сидишь в Старогулье, будто ослепший и оглохший. Всякое про тебя из-за этого люди городят.

Посему. Дабы не потакать слухам о том, что ты силы копишь и момента ждёшь, чтобы с разбойником и позорником в строй встать, повелеваю. Немедля по прочтении слов моих кликнуть рати свои и уничтожить войско бунтовщика Вейкко. Зачинщика беззаконий ты лично ко мне в Древгород на цепи приведёшь. В противном же случае сами дела твои докажут мне, что ты более не мой верный союзник, подданный и старый друг.»

Грубая бумага, исписанная крупным почерком Лесьяра Строгова была запечатана личным гербом державного князя. Затем упакована в обтянутый кожей берестяной туес, который в свою очередь был запечатан еловой смолой. Туес был вручен посыльному Тайной стражи Филиппу Серебрянкину с приказом передать его лично в руки Чернеку Озерову.

Видогост Булатов примерялся к новой рогатине. Взвешивал её в руках, пробовал наносить удары. Послезавтра все самые знатные мужи Миргорода поедут охотиться на кабанов. Видогост почувствовал во рту сладостный привкус удачи. Именно это он ощущал каждый раз когда вонзал рогатину в затравленного охотничьими собаками вепря. Девушка с посланием от Мирины явилась в казармы Старшей дружины совершенно неожиданно.

Жена редко отвлекала его от дневных забот. Видогост был недоволен. Он вошёл в опочивальню с твёрдым намерением отругать Мирину за то, что помешала ему готовиться к охоте. Но когда увидел супругу, то вид её смутил наследника Миргорода. Мирина сидела на сундуке и растерянно бросала взгляд то в одну, то в другую сторону. Видогост очень хорошо знал свою жену и сразу почувствовал, что она напугана. Это было очень странно, так как за все годы их совместной жизни он видел её какой угодно, только не напуганной. Увидев мужа, Мирина резко встала и бросилась к нему. Видогост удержал её за локти и слегка встряхнул.

— Ты чего? Что-то случилось?

— Я только что говорила с Агатой, Агата смогла близко подружиться с Деяном, так вот, Агата сказала мне, что Деян сказал ей, что...

— Так, прекрати тараторить и возьми себя в руки. Я ничего не понял.

Мирина кивнула головой, медленно вдохнула воздух и ещё более медленно выдохнула

его.

— Я говорила с Агатой. В общем, твой племянник с ней крепко подружился и рассказал по большому секрету следующее. Когда послезавтра вы все уедете на охоту, меня с нашими детьми возьмут под стражу и отправят в какой-то острог в Гужвоземье. Там нас будет охранять отряд Дворцовой стражи моего отца.

— Любопытно. Это чтобы я не смог ничего предпринять против Деяна.

— Что любопытно? Меня с детьми захватят и увезут в какой-то острог, а тебе любопытно? — Мирина сорвалась на крик.

— Успокойся.

— Что значит успокойся? Мы должны немедленно бежать! Возьмём детей и сбежим отсюда.

— Уймись! Куда мы сбежим?

— Да куда угодно!

— Мирина, ты умная женщина и прекрасно понимаешь, что мы не можем сбежать.

— Но ведь что-то надо делать. Нужно захватить власть немедленно!

Мирина села обратно на сундук. Видогост стал нервно прохаживаться по комнате.

— Захватить власть немедленно, — повторил он. — Легко сказать. За мной только одна сотня Старшей дружины, да и то её верность сомнительна. Дружинники во всём слушаются Эдуарда, он у них непререкаемый авторитет. А на кого опереться? Игорь Сурин меня поддерживает, но пять же против Эдуарда он не пойдёт. Да и что такое Поместная стража против конных латников? Проклятый, чтобы ему на Мору засмотреться! Пока Эдуард жив, никакой поддержки войска у меня не будет.

— Так убей его! Мы ведь уже обсуждали, что живой он нам не нужен.

— Хватит болтать глупости. Ты ведь прекрасно понимаешь, что нельзя просто убить воеводу Старшей дружины. Через пару недель я всё организую.

— Но пары недель у нас уже нет, — Мирина наконец взяла себя в руки. — Да. Ты не сможешь отказаться от охоты. Это сразу вызовет подозрения. Деян и Эдуард поймут, что Агата всё мне рассказала. А я уже слишком много пообещала этой девке, чтобы так быстро её потерять.

— Остаётся только пойти и сдать, — Видогост попытался пошутить. Но Мирину это совсем не развеселило. Она закрыла лицо руками, наклонила голову к коленям и стала плакать. Видогост сел рядом с ней и попытался успокоить.

— Мы сделаем так. Всё время пока продлится охота, ты будешь находиться в резиденции. Я оставлю с тобой всю свою охрану.

— А как же ты?

— Со мной ничего не будет. Ведь Агата сказала, что Деян хочет захватить именно тебя?

— Ну да...

— Мои охранники смогут оборонить резиденцию и защитят тебя. А Деян с Эдуардом не посмеют напасть на меня на глазах у такого количества знатных мужей. Или... — Видогост слегка закусил кончик языка и поднял глаза к потолку. — Подожди. Если все высшие офицеры поедут охотиться, то кто тебя сможет арестовать?

— Пётр Родников, очевидно.

— У него всего пятьдесят тайных стражников, это слишком мало. А дружина за ним не пойдёт. К тому же Деян берёт половину охраны с собой. Бред какой-то. Значит, Агата прямо выложила тебе весь план моего племянничка целиком?

— Ну да, — жена заплаканными глазами посмотрела на мужа.

— Это очень странно. А Деян до этого ей что-нибудь рассказывал важного?

— Нет. К чему ты клонишь?

— Получается, что он ничего не говорил, а потом вдруг выложил такой план целиком и в подробностях? При этом все офицеры едут на охоту и в городе не останется ни одного важного военачальника.

Мирина подхватила мысль Видогоста.

— Думаешь, что это обман?

— Ну так однозначно сказать нельзя. Но возможно, что они просто проверяют Агату. А как иначе? Всё разумно. Девушка из твоего ближайшего окружения проявляет интерес к князю.

— Деян вряд ли такое придумал бы.

— Согласен. Это наверняка придумал Эдуард.

Мирина растёрла глаза и решительно расправила плечи.

— Тогда оставь мне охрану и езжай охотится. Не будем подавать виду, что нам что-то известно.

— Ты уверена?

— Да. Они убедятся, что Агата помалкивает и потеряют бдительность. Тогда мы сможем узнавать через неё настоящие секреты. Я тебя люблю и хочу, чтобы ты стал предельным князем. Как ты повторяешь: войны без риска не бывает. А этот риск оправданный.

Чернек Озеров знал, что этот момент неизбежен. С того самого времени, как до предельного князя Суломатья дошли известия о том, что мудрейший Вейкко уничтожил Тайную стражу и нанёс поражение Поместной страже, появление гонца из Древгорода было предопределено, как восход солнца по утрам. Оставалось ждать. Что напишет Лесьяр Строгов, когда узнает, о содеянном Вейкко? Чернек знал почти наверняка. Острый ум и наблюдательность владыки Старогуля, всегда позволяли ему довольно точно определять, как поступит тот или иной человек. Отец Лесьяра, державный князь Красимир вызвал бы Чернека в Древгород, устроил бы ему очень холодный приём. После чего, в присутствии как можно большего числа свидетелей, очень долго ругался бы на провинившегося, стараясь его всячески унижить. Что могло быть потом? Потом совместное войско Строговых и Озеровых уничтожило бы отряды мудрейшего и дело с концом.

Лесьяр Строгов был не таков. Он не любил настолько простых и прямолинейных действий. Нынешний державный князь вряд ли повернёт человека в нужную сторону и скажет ему, куда идти. Нет. Лесьяр постарается загнать подданного в такие условия, что тот сам пойдёт куда надо и ещё будет думать, что это его собственное решение. Державный князь умён, надо отдать ему должное. А значит, он сделает так, что Чернек должен будет выбрать. Либо он бросит вызов Лесьяру Строгову, и тогда ненадёжного предельного князя можно будет уничтожить в назидание другим. Либо Чернек сам отрежет себе возможность быть в числе противников государя. В письме наверняка даётся приказ собрать войско и уничтожить Вейкко.

Получив известие о том, что гонец уже близок, Чернек Озеров вышел к воротам своей резиденции с сыновьями и несколькими охранниками. Надо проявить к посланнику Лесьяра

великое уважение. Державный князь подталкивает его к трудному выбору. И его придётся сделать. Коли такова воля богов, Чернек разобьёт войско Вейкко. Но он не отправит мудрейшего на позорную смерть в Древогороде. Можно схватить его и отослать на Холодный камень. Пусть там, за пределами Рустовесского государства занимается чем хочет. По крайней мере, останется жив. Нервно поглядывая в дальний конец улицы, владыка Старогуля прохаживался у ворот резиденции.

Поездка у Филиппа Серебрянкина, посыльного Тайной стражи, не задалась с самого начала. Жена его начала рожать, когда он получил приказ срочно доставить важное письмо в Суломатье и передать его лично в руки Чернеку Озерову. Пришлось уезжать, так и не узнав, родит ему жена сына или дочь. А может вообще, младенец будет мертворождённым, как это часто бывает. В дороге Филипп сильно простыл и теперь его мучительно лихорадило. А может это не простуда, а какая-нибудь более гадкая хворь? Ещё не хватало! Как прибудет в резиденцию, нужно попросить отлежаться и в баню, обязательно в баню. Мороз обжигал нос и щёки, глаза неприятно слезились. Филипп Серебрянкин даже не заметил как оказался у ворот резиденции. Перед ним стоял предельный князь в окружении сыновей и охранников. Увидев того, кому предназначалось письмо, тайный стражник бессознательно смахнул с плеча запечатанный смолой туес и протянул его владыке Старогуля. Но князь не шелохнулся. Филипп осознал, что допустил досадную ошибку. Все присутствующие упёрлись в посланника взглядами, словно жалами копий.

Как опытный воин, привыкший молниеносно реагировать на любое изменение ситуации, Чернек безошибочно определил, как надо действовать. Передавать послание князю, не слезая с седла, можно было только в том случае, если князь тоже сидит на коне. А протягивать письмо сверху вниз было вопиющим неуважением. Похоже, что посыльный просто не ожидал, что его будут ждать прямо у ворот. Или это сами боги вновь нарушают планы Лесьяра Строгова и дают Чернеку шанс?

— Тебя, что, засранец, не учили как с князьями себя вести подобает?

Тайный стражник спохватился, но было уже поздно.

— Арестуйте его за оскорбление Дома Озеровых!

— Я... Князь, простите... Я не хотел. Возьмите письмо!

— Да после такого хамства из твоих рук что-то читать? Бросьте его в темницу... Вместе с письмом, — добавил Чернек.

Деян Булатов предвкушал встречу с сестрой. Но ждал он не столько Веру, сколько Агату. Только ради неё он терпел неумную болтовню своей сестры. Деян сделал всё как велел ему двоюродный дядя Эдуард. Если бы Агата Лоскутова была предательницей, она обязательно передала бы Мирине их разговор. Но Видогост и его жена явно ни о чём не подозревали. Более того, на охоте дядя вёл себя совершенно беззаботно. Даже уговаривал племянника продлить облаву. Очевидно, он бы себя так не вёл, если бы Агата передала ему то, что знала.

Деян услышал тихие шаги у себя за дверью. Шагнул вперёд и открыл её, испугав тем самым Агату. Девушка была одна. Деян радостно улыбнулся ей.

— А где Вера?

— Сказала, что устала сильно, спать легла. А я всё равно решила к тебе зайти. Даже не знаю, почему. Хотя одной у тебя гостить как-то непривычно.

— Заходи, конечно. Я очень рад, что ты одна. Если честно, Вера меня часто утомляет своими сплетнями.

Юный князь заметил, что Агата чем-то расстроена. В чёрных глазах девушки плавала лёгкая печаль. Губы её не украшала так нравившаяся Деяну улыбка. Но всё это придавало ей особую привлекательность. Хотелось узнать, что не так, позаботиться, защитить от неприятностей. Деян усадил Агату на скамью и сам придвинулся ближе. Ещё никогда они не оставались наедине. Мысль эта кружила голову. Она пришла, не смотря на то, что Вера осталась на женской половине. Поступить так Агата могла лишь потому, что Деян ей небезразличен. Очень хотелось верить, что это так. Неловкое молчание прервала Агата.

— Как прошла охота? Ты убил кабана?

— Не, я не успел, — слегка разочарованно ответил Деян. — Дядя меня опередил. А других тоже без меня прикончили.

— Жалко...

— Да ладно, будут и другие охоты. Почему ты такая грустная?

— Я... Просто... Не важно, извини. Я не хотела портить тебе настроение. Всё хорошо.

Переборов страх и смущение, Деян взял Агату за руки. Её руки полностью помещались в его ладонях, от них исходило приятное и нежное тепло. Он думал, что сейчас она вырвется, пресекая подобную выходку, но Агата напротив, крепко сжала его пальцы.

— Мирина опять сегодня срывала на мне злость. Почему ты не взял её под стражу как хотел?

Юный владыка Миргорода даже не подумал, что ему могут задать такой вопрос и смутился. Почувствовал себя гнусным обманщиком, который зря обнадёжил доверившуюся ему хрупкую и незащищённую девушку.

— Да... Не получилось в этот раз. Не срослось кое-что, — только и смог сказать он, опустив глаза в пол.

— Ну и ладно, — ответила девушка.

Сердце Агаты Лоскутовой пронзила боль и обида. Ей стало невыносимо грустно от осознания того, во что она ввязалась по прихоти богов и злой воле людей. Но только ли высшие силы и другие люди виноваты, что она оказалась здесь как мышь в закрытом кувшине? Без малейшей возможности вырваться из западни и что-то изменить. Ведь она сама, по своей собственной воле разделила ложе с Андреем, не смотря на отказ родителей благословить их брак. Она сама поклялась Агуну и Кесе, что сделает всё, чтобы выручить свой Дом. Во исполнение своей клятвы, согласилась на предложение, которое сделала ей Мирина Булатова. Хотя прекрасно знала, каким образом придётся втереться в доверие к Деяну. Но пути к отступлению были отрезаны. Молодая незамужняя девушка уже пришла в опочивальню к юному неженатому князю, прекрасно понимая, что это означает. Уже несколько месяцев Агата сдерживала свои переживания, страхи, разочарование от потерянной любви, обиды на богов, окружавших её людей и себя саму. Но в этот вечер силы её иссякли. Ведь она всего лишь молодая девушка, которая просто хотела быть счастливой как и любой, кто ходит под солнцем. Почему именно ей выпало столько несправедливости? Почему?! Агата высвободила руки и, закрыв ими лицо, горько зарыдала. Так, как не позволяла себе уже много месяцев, с тех самых пор, как отец объявил Агате о её высылке в Миргород.

Несколько мгновений Деян не смел шелохнуться, наблюдая как горько плачет рядом с ним молодая красавица. Ему стало стыдно за себя. Ради своих собственных интересов, он

обманул Агату, наврал ей, что арестует Мирину и уберёт её из города. Обманул ради того, чтобы узнать, не подослана ли Агата следить за ним. Как вообще можно было предполагать подобное? Мирина с самого начала относилась к Агате очень враждебно. А сегодня, похоже, совсем довела бедную девушку. Вон она как плачет. Деян прижал девушку к своей груди, желая показать, что он рядом, что она может рассчитывать на его дружбу и защиту. Плечи Агаты сотрясались в такт её рыданиям. Деян прижался губами к её голове и, вдохнув лёгкий аромат девичьих волос, едва не лишился сознания. Эта девушка самая прекрасная из всех на земле! Но как быть с Дариной Строговой? Ведь он пообещал жениться на ней. Как быть? С другой стороны, он ведь ещё не женат и никого не предаёт... В любом случае, невеста далеко и до свадьбы ещё очень долго, решил Деян. На Дарине он женится, потому, что должен. С Агатой же он здесь потому, что любит её. Любит, Деян только что признался себе в этом.

Выплакавшись, Агата постепенно успокоилась. Ей стало намного легче. Пропитанная её слезами рубаха, прилипла к сильной груди предельного князя. Вместе со слезами исчезли все сомнения и вернулась решительность. Хватит тянуть, вдруг он побоится сделать первый шаг? Тогда это предстоит взять на себя. Подтолкнуть его. Агата подняла глаза, ещё решая как поступить. «Я тебя люблю», — сказал Деян. И, словно боясь услышать ответ, закрыл её уста своими.

Он не думал, что когда-нибудь его мечты об этой девушке воплотятся в жизнь. Поэтому сейчас, словно умирающий от жажды путник, набредший случайно на журчащий в лесу ручей, он пил её поцелуй, не смея оторваться от милых его сердцу губ. С наслаждением тонул в их сладком привкусе. Лишь на одно мгновение отпустил её, набрал полную грудь воздуха и снова припал к устам Агаты. Деян был уверен, что Агата вот-вот оттолкнёт его и влепит пощёчину за такую наглость. Но она целовалась с ним не менее увлечённо, чем он с ней.левой рукой Деян прижал к себе Агату и поднялся со скамьи. Она покорно последовала за ним, скрестив руки замком на его затылке. Правой рукой Деян долго гладил её гибкую спину, затем скользнул ниже и ещё плотнее притянул девушку к себе. Он радостно осознавал, что Агата не сопротивлялась. Деян слегка отстранился от неё, чтобы последний раз убедиться, что не поступает против её воли. В чёрных глазах Агаты блестела уверенность, дававшая свободу его желаниям. В несколько мгновений он снял с неё одежду и разделся сам. Затем задул единственную горевшую в комнате свечу, взял Агату на руки и понёс к своему ложу.

Глава 11 Благая рать

Коптившие в креплениях стен светильники немного разбавляли тусклое мерцание зимнего неба, пробивавшееся сквозь мутные стёкла. В очаге потрескивало пламя, лениво облизывая красноватыми язычками подброшенное полено. Ратная Палата была построена в резиденции державного князя специально для того, чтобы проводить в ней военные советы. На дубовом столе здесь было положено раскладывать чертежи земель и местечек. Разглядывать их, изучать и обдумывать, каким путём лучше вести в тех местах воинов, чтобы быстрее и надёжнее добиться победы. Конечно же, здесь полагалось высказываться, спорить и слушать. Сейчас же в зале царило напряжённое молчание.

Лесьяр Строгов раз за разом раздражённо пробежал взглядом по строкам письма, которое держал в руках. Затем поднимал глаза, оценивающе осматривал по очереди каждого, кто сидел за столом, после чего принимался перечитывать заново. В Ратной Палате присутствовали наследник трона Всеслав, князь-воевода Железного войска Кари Слетаев, исправник Тайной стражи Степан Глазков, князь-воевода Младшей дружины Вадим Камушкин и воевода Старшей дружины Захар Строгов. Мужчины напряжённо переглядывались, ожидая что скажет державный князь. Но державный князь продолжал молчать, глядя в письмо. Лишь потрескивал огонь в очаге и покачивалась на грубой бумаге письма половинка сломанной печати с гербом Дома Озеровых.

— А где Лютогост? — прервал, наконец, тишину Лесьяр Строгов.

— Твой сын, князь, тренируется со Старшей дружиной, — ответил ему Захар.

Державный князь аккуратно свернул письмо в трубочку. Затем раздражённо смял его в могучем кулаке и бросил хрустящий комок на стол. Бумажный ком вприпрыжку покатился по столешнице, и уже был готов свалиться на пол, но Всеслав остановил его, накрыв своей ладонью. Расправил лист и убрал его в карман. Как он любит говорить, для истории. Воспитал любителя бумажек! А предельный князь хитёр, горазд брехать. Такого хода Лесьяр от Чернека не ожидал. Хитро. «Оскорбление Дома Озеровых», надо такое придумать! Как теперь быть? Лесьяр уже прикинул как можно действовать, но для порядка решил вначале поругать исправника Тайной стражи.

— Степан, содержание письма тебе известно. Как ты всё объяснишь? Ведь Филипп Серебрянкин твой прямой подчинённый.

Исправник несколько не смутился. Заговорил уверенно, не отводя взгляд и не прячась, так как знал, что прав. Почему все офицеры не такие как он? Тайная стража ещё слишком молода, Лесьяр создал её всего пять лет назад и сразу бросил в дело. Но не все её бойцы понимали в чём особенность их службы. Поколениями мужчины готовились сражаться с врагом лицом к лицу, но не выискивать сведения и предотвращать заговоры.

— Здесь два варианта. Либо предельный князь врёт, что выдаёт в нём коварного противника. Либо имела место человеческая ошибка, от которой никто не застрахован. Но даже если так, то Чернек использовал её наилучшим способом. Это также означает, что предельный князь Суломатья хитёр и опасен.

Лесьяр Строгов кивнул в знак согласия. Добавить было нечего.

— Что творится в других пределах?

— Густошумье полностью под присмотром. Там Тайная стража справляется как надо. Хотен Юрьев был бы рад присоединиться к Вейкко, или снабдить его оружием и людьми, но

он обложен нами очень плотно. Единственное, что он может сделать и делает, это затягивает меры по ослаблению храмов. Видимо, ждёт, чем закончится мятеж в Суломатье. В Солоплаже всё спокойно. А вот в Крайнесточье ситуация медленно, но верно накаляется. Драка между Деяном и Видогостом не за горами. В Хладоручье проблем никаких.

— Насчёт Клыковых я никогда не сомневался, — подвёл итог Лесьяр. — Так что, как нам быть в сложившейся ситуации?

Вопрос был обращён ко всем. Но отвечать на него никто не спешил.

— Всеслав?

— Я считаю так, — наследник Рустовесского государства сложил пальцы замком и немного задумался. — Можно ударить по Озеровым, но это безнадёжный вариант, он мало что нам даст. Формально нам нечего предъявить Чернеку. А прямое нападение подарит ему хороший повод присоединиться к Вейкко. Вполне могут вмешаться Юрьевы.

— Так, — согласился Лесьяр. — Какие будут предложения?

— Бездействовать тоже нельзя, — продолжал Всеслав. — Чем дольше продолжается мятеж, тем более слабыми мы выйдем. Это может уверить врагов в безнаказанности и спровоцировать их действовать решительнее. Одни могут открыто поддержать Вейкко. Видогост, видя такой расклад, свергнет Деяна и поднимет Крайнесточье против твоей власти, отец. Исходя из этого, я считаю необходимым примерно наказать мудрейшего. Разбить его силами нашего войска. Чтобы остальным неповадно было.

В разговор вмешался Кари Слетаев, князь-воевода Железного войска:

Может обойдётся без таких суровых мер? Вторжение в Суломатье, на земли Дома Озеровых может быть воспринято как...

— Это земли Рустовесской державы, — перебил его Лесьяр. — Единые земли единой страны. Мой сын высказал всё, что хотел сказать я сам. После первой пролитой крови побеждает лишь тот, кто сильнее. Вейкко уже осквернил себя мятежом и остановит его только смерть. Собираем войско.

Двери в Ратную Палату без стука отворились и вошёл слегка запыхавшийся Лютогост. Выбритые щёки его горели от упражнений на морозе. Лесьяр одарил сына неодобрительным взглядом и сурово спросил его:

— Ты где был?

— Отец, я оттачивал своё воинское мастерство.

Державный князь почувствовал мучительную боль в груди. Она последнее время посещала его всё чаще, в самые не подходящие моменты. Преодолевая одышку, он произнёс:

— Не помню, чтобы я вносил тебя в списки латников Старшей дружины. Зато помню, что приказал явиться сюда незамедлительно.

— Прости, отец. Но я должен был закончить тренировку. Только так можно всегда сохранять готовность к битве.

— Отвечаешь как простой дружинник... Так ты готов к битве?

— Да, отец.

— Отлично. Поедешь со мной в поход.

— С тобой в поход?

— Вовремя надо приходить, когда тебя зовёт твой отец и твой державный князь, — Лесьяр раздражённо указал Лютогосту на скамью. — Садись, ради тебя не буду всё заново повторять. Всеслав!

— Да, отец, — отозвался старший сын.

— Ты остаёшься в Древгороде и будешь править от моего имени.

— Как тебе будет угодно.

— Далее. Войско поведу я лично. Лютогост выступит в поход со мной. Против Вейкко пойдёт Знаменный отряд, пятьсот латников Старшей дружины, тысяча конников Младшей дружины, две тысячи Железного войска и три тысячи Поместного войска. Захар, — державный князь обратился к воеводе Старшей дружины. — Ты отправишься в поход вместе со мной. Остальные офицеры остаются в Древгороде с Всеславом.

С неба сыпался густой снег, обжигавший лицо ледяными колючками. Северный ветер выл, стараясь склонить человека как можно ближе к земле и похоронить его в белом кургане сугроба. В такие моменты казалось, что остатки ледника на севере вновь обрели силу, жестокие боги снова тянут мир в Эпоху Падения. Спасают только тёплые кофты из шерсти и шуба из волчьего меха.

Деян Булатов зябко поёжился. Не далее, чем на один полёт стрелы всё было скрыто в снежной пелене. Площадь перед резиденцией предельного князя была заполнена толпой любопытных людей. Чернеющая масса пропадала за чертой видимости, и оттого казалась бесконечной. Городские строения тоже скрывались за белой завесой.

Деян наблюдал за людьми с возвышающегося над площадью помоста. Рядом с ним стоял закутавшийся в мех пристав Тайной стражи Пётр Родников. Двоюродный дядя отказался прийти сюда, сославшись на свою занятость со Старшей дружиной. Может быть, Эдуард Булатов поступил мудро. Деревянную плаху окружали квадратом пятьдесят бойцов Тайной стражи. Сегодня здесь должно свершиться правосудие. Люди Петра Родникова поймали трёх уговорщиков, засланных в Миргород мудрейшим Вейкко, дабы подбивать людей вступать в его войско. После их захвата, были арестованы одиннадцать добровольцев, решивших пойти воевать против Древгорода. Государственное преступление, наказанием за которое была смертная казнь.

На площади никто не разговаривал. Лишь ветер пел свою мрачную песню. Нечего тянуть, пора начинать. Деян кивнул Петру Родникову: «выводи первого». Сухощавый уговорщик сильно нервничал, понимая, что жизни его пришёл конец. Но тем не менее держался достойно, всеми силами останавливая дрожь. Деян несколько раз присутствовал на казнях, которыми руководил его отец. Благослав всегда давал преступникам возможность высказаться перед смертью. Молодой князь подумал, что должен поступить так же как отец. Когда глашатай озвучил приговор, Деян обратился к уговорщику, предложив воспользоваться правом последнего слова. Но тот лишь отрицательно помотал головой, закусив губы зубами. Он боится, что если заговорит, то не сможет сдержать истерику, — понял Деян.

Палач уложил уговорщика на плаху и размахнулся жутким топором на длинной рукоятке. Огромное чуть загнутое лезвие со свистом рассекло морозный воздух. Глухой удар. Толпа одобрительно загудела — палач отрубил голову с одного удара. Нападавший снег раскрасился кровавыми брызгами. Второй уговорщик непрестанно молился и закатывал глаза. Его уже совсем не трогали события этого мира, он настроился на то, чтобы слиться в посмертии с Благом, на служение которому истратил свой земной путь. Говорить он тоже не стал. Два удара топора отправили его к древним богам.

Третий уговорщик выглядел собрано и вызывающе. Во взгляде его не было отчаянья

обречённого или одухотворённости идущего на праведную смерть. «Хочу!» — ответил он Деяну, когда тот спросил не хочет ли уговорщик что сказать перед смертью. После чего нагло плюнул юному князю под ноги, едва не испачкав тому кожу дорогих сапогов. Деян подумал, что сейчас тот обратится к толпе горожан, дабы призвать их к очередному беззаконию или озвучит какое иное воззвание. Уговорщик же обратился к Деяну, правда значительно повысив голос. Хитрый расчёт, понял князь. Вся толпа его не услышит, лишь впереди стоящие. Их станут спрашивать что там да как. Те перескажут как сами поняли. И приукрашенный новыми деталями слух пойдёт гулять в народ, моментально превратившись в жуткую легенду.

— Кровь любишь пить, князь?

— Какую кровь, что ты городишь?

— Нашу кровь, — уговорщик кивнул на плаху и помост, залитые кровью казнённых. — Лесьяру Строгову служишь? Тому, чью душу уже при жизни Хлад пожрал? Тому, кто в угоду Мрозу и Килме войну начал против благих богов? Кровь любишь? Любишь смерть? Ну так знай, князь, — благовер повысил голос почти до крика и обратился к толпе, — скоро прольётся твоя кровь и приспешников твоих. Уже близок тот час! Не век тебе кровь людскую хлебать вместе с хозяином твоим, князем державным! Скоро и тебя собаки пожрут! Года не пройдёт, как ты своей кровью землю напоишь!

Деян Булатов лишился дара речи. Сначала он хотел возражать, но решимость его словно пушинку ветром снёс ураган уверенных обличительных слов. Он посмотрел на кровавые пятна и ему стало плохо. Что он здесь делает? Эти люди умирают по его приказу. Но вот этот умирать не боится. За один шаг до смерти пророчит ему, молодому князю, полному сил и надежд, скорую гибель. Что его кровь так же будет вытекать из сильного, желающего жить тела. А как же государственные дела, как же защита страны с оружием в руках? Любовь, сладостью которой он только начал наслаждаться? Нет, нет, нет! Как можно умирать, когда он ещё не держал на руках своего сына? Но уговорщик продолжал посылать владыке Миргорода свои зловещие проклятия.

Пётр Родников, наконец, заметил, что Деян не решается прервать выкрики обречённого на смерть безумца. Пристав подсёк уговорщика, заставив того встать на колени и сложить голову на плаху. Палач занёс над головой топор.

— Слушай меня, князь, — не унимался посланник Вейкко, — я вижу как ты умрёшь! Я уже смотрю на Мору. Мора говорит мне, что ты следующий, к кому она придёт! Тебя ждёт бой. И ты продумаешь его очень хорошо, вот только не заметишь, что ошибся в...

Палач был настоящим мастером своего дела. Точный удар моментально рассёк шею уговорщика. Тело его затряслось в конвульсиях, а голова, шмякнувшись об помост, перекатилась два раза и остановилась у самого его края. Глаза казнённого закатились, а рот искривился в ужасающей кровавой усмешке, обращённой к Деяну Булатову. Юный князь был едва ли не бледнее снега. В поисках поддержки он обратился к Петру Родникову.

— Он обещал мне скорую смерть. Что это значит?

— Не переживайте, князь, — беззаботно ответил пристав. — Надо же ему было что-то сказать. Вот он и разорвался тут.

— Он сказал, что я ошибусь только в одном. В чём? В чём я ошибусь?!

— Да всё нормально, забудьте. Что будем делать с добровольцами?

Ответ пристава Тайной стражи несколько не удовлетворил Деяна. Осуждённый на смерть уже видел перед собой Мору и та говорила с ним. Богиня, бывшая воплощением

гибели, обратилась к Деяну со страданием. Приговорённый увидел на каком именно жизненном повороте ждёт Деяна смертельная ошибка. Уже скоро. Скоро! Но какая ошибка? Палач прервал уговорщика навеки. А ведь от его слов зависела жизнь юного князя. В чём же он ошибётся? Очень полезно знать, особенно когда тебе обещают, что ты следующий.

Теперь добровольцы. Горожане, что поддались на прельщения уговорщиков и хотели присоединиться к Благой рати, чтобы воевать против Древгорода. Они не успели поднять оружия и преступить закон. Их можно было бы и помиловать. Деяна мутило. Юный князь видел в своей жизни кровь, в том числе и человеческую, но сейчас его мутило. Он следующий. Наверняка это связано с его борьбой против дяди. Если так, то нельзя показывать свою слабость. Пусть люди видят, что бросать вызов Деяну, сыну Благослава из Большого Дома Булатовых опасно!

— Добровольцев казнить, — объявил он после недолгих раздумий.

Толпа взорвалась гулом возмущения. «Нет!» «Ведь обещали, помиловать!» «Убийца!» Какая-то женщина упала на колени перед цепочкой стражников и воздела руки к холодным тучам: «Сыбын, мооой, сыбын!» «За что?» Но отступить было нельзя. Мора стоит где-то совсем рядом и уже готовится его забрать. Нужно быть твёрдым и даже жестоким, чтобы избежать преждевременной встречи с ней. На помост стали выводить добровольцев.

Деян двинулся вниз, решив уйти с этого кровавого места. Ещё одиннадцать казней он не вынесет. Не хватало лишиться сознания на глазах у всего города. А он был близок к этому. Силы внезапно оставили князя. После казни он собирался пойти в казармы, но понял, что не сможет поднять тренировочный меч. После тренировки Деян собирался плотно поесть, но сейчас понял, что его стошнит даже от пустой похлёбки. Быть может, только нежные объятия Агаты смогли бы принести сейчас успокоение. Но как им встретиться, когда день ещё только начался и его возлюбленная удалилась в резиденцию Видогоста к его жене Мирине? Запереться в своей комнате и не пускать никого!

Деяна окружили дружинники из его личной охраны. Бойцы держали в руках щиты и копья. За их покрытыми кольчугами спинами он почувствовал себя немного спокойнее. Толпа выплеснула негодование на своего юного князя. «Проклятый!» «Пусть тебя Талви осенит!» В Деяна полетели снежки. Дружинники прикрыли господина щитами и большинство из них ударились в раскрашенное цветами герба дерево. Но пара комков снега всё же попали Деяну в плащ, а один едва не залетел в лицо. Деяна била болезненная дрожь.

Пётр Строгов направился к Северным воротам. Там, за крепостной стеной и посадом высокий берег реки Рустовесь был обильно полит водой, превратившись в ледяную горку. Кататься на ней было любимым развлечением детворы в Древгороде. Часто со своими более младшими товарищами ходил туда и третий сын державного князя. Хоть Пётр и не был уже ребёнком, но изредка баловал себя весельем.

Сейчас нужно немного отвлечься. Пойти к друзьям, покататься с ледяной горки. Но тревожные мысли мешали Петру вздохнуть полной грудью. Он знал, что мудрейший храма Юма и Живы поднял мятеж в Суломатье. Знал, что отец принял решение собрать войско, дабы разгромить благоверов. Внутренне Пётр протестовал против такого решения. Он был против войны, тем более если она ведётся внутри государства. Благие боги общались с младшим сыном Лесьяра и показали ему свою истинность. Он чувствовал их теплоту, силу и заботу. Элай же так и остался для Петра всего лишь пустым именем. В тайне по ночам Пётр

молился Позару и Светлобе, умоляя их вразумить отца и предотвратить кровопролитие. Но что он может сделать? С отцом разговаривать было бесполезно. Уже поехали по Гужвоземью гонцы, собирающие воинов под державное знамя.

С тяжёлым сердцем брёл Пётр по улицам Древгорода. Чем он может помочь защитникам благой веры? Пусть боги пошлют ему знак. На приличном расстоянии от Северных ворот ходил взад-вперёд молодой парень в одежде простолюдина. Поглядывал на стоящих там бойцов Дворцовой стражи, затем опять отходил в нерешительности, скрываясь от их взоров за углом постоянного двора. Похоже, парень хотел выйти из города, но почему-то не решался это сделать.

Заметив Петра, простолюдин задумался на мгновение и решительно пошёл в его сторону. Оглядев сына державного князя, он обратился к нему с просьбой:

— Господин, не могли бы вы мне помочь выйти за городские ворота?

— А что тебе мешает выйти самостоятельно?

— Ничего не мешает. Просто... Они всех обыскивают. А я не могу допустить, чтобы при мне нашли то, что я несу.

— Ну... Пойдём, ладно.

Пётр нащупал на поясе кинжал и шагнул вперёд. Хлопец двинулся за ним. «Этот со мной», — бросил Пётр бойцам Дворцовой стражи. Когда они отошли на значительное расстояние от ворот, младший сын Лесьяра вынул кинжал и повернулся к простолюдину. Парень в ужасе замер.

— А теперь, — сказал ему Пётр, — признавайся, что ты там хотел вынести из города. Ты вор?

— Нет, господин, что вы! Нет. Я не вор. Я... Мне...

— Тогда показывай, что у тебя. А для начала расскажи как тебя зовут.

— Меня зовут Митрофан.

Парень полез за пазуху. Пётр напрягся. Если бы тот попробовал вынуть оружие, сын державного князя нанёс бы ему смертельный удар. Но Митрофан вынул небольшой берестяной футляр. Пётр оглядел его. На скреплённой верёвочками крышке застыла печать храма Благопроявлений.

— Ты что, посыльный?

— Я воспитанник в Доме мальчиков. Скоро меня зачислят в Храмовую дружину. Мне приказали доставить письмо мудрейшему Вейкко.

— Ты пробираешься к Благой рати?

— Ага.

— Зря ты в город залез, тебя здесь могли поймать.

— Хвала Позару и Светлобе, Вы помогли мне. Я сразу понял, что Вам можно доверить жизнь.

Пётр был в замешательстве. Что это, просто случайность или вновь древние боги проверяли его? Если так, то они готовят ему какую-то особую миссию. Знать бы только какую.

— Спрячь письмо, — сказал он Митрофану. — Ещё не хватало, чтобы нас кто-нибудь заметил.

— Так Вы не арестуете меня?

— Нет. Почему ты не пошёл через Восточные ворота? Если направляешься к Благой рати, то тебе держать путь через них.

— Там обыскивают всех. И знатных, и простых.

Пётр выудил из мощны пять серебряных ул и две золотые калисты. Протянул деньги Митрофану.

— Держи. И не вздумай так просто всем письмо показывать как мне. Схватят и голову отрубят.

— Благодарю Вас, господин.

Пётр развернулся и стал уходить в сторону ледяного берега, откуда доносился шум играющей детворы.

— Как Вас зовут, господин? — окликнул его Митрофан. — За кого мне молиться богам?

— Я Пётр, сын Лесьяра из Великого Дома Строговых.

Митрофан раскрыл от удивления рот и замер, словно его ударили по голове пустым ведром.

— Только не вздумай говорить кому, что я тебе помог, — предупредил его Пётр.

— Нет, конечно... Спасибо!

Вейкко грузно опустился на бревно, игравшее в его шатре роль скамьи. Несколько минут пытался отдышаться. Затем трясущимися пальцами стал развязывать ремешки своих наручей. Не смотря на мороз, пот катился с него градом. В пятьдесят три года тяжело начинать осваивать воинское ремесло, при том, что всю жизнь имел дело только с перьями, чернилами, бумагами и книгами. Но выбора не было. Он возглавил борьбу против князя-отступника. Его победоносные ратники подарили своему полководцу меч, взятый из рук убитого врага. Конечно, искусником клинка ему уже не стать, но необходимо хоть немного научиться пользоваться смертоносной сталью. К тому же, вид мудрейшего, два часа в день посвящающего ратному делу, очень хорошо повышал состояние духа его воинов.

— Вы позволите, мудрейший? — в шатёр заглянул Дарён, воевода Храмовой дружины.

— Проходи, — Вейкко приглашающе махнул своему офицеру.

Дарён, слегка наклонившись, нырнул в шатёр и остановился у входа. Вейкко задумчиво почесал бороду. Рослый воевода, не смотря на кольчугу и латы, двигался плавно и мягко, словно кот, крадущийся по забору. Но в то же время, в его движениях чувствовалась сила, готовая сокрушить любого, кто посмеет с оружием в руках встать у Дарёна на пути. Глаза воеводы всегда светились спокойной уверенностью. Боги, как всё-таки легко он двигается в доспехах! Только попробовав ратные упражнения на себе, Вейкко смог по настоящему оценить силу этого человека. Затянутый в дублёную кожу и обвешанный железом, воевода был в разы проворнее многих, одетых лишь в лёгкое платье.

Воевода никогда не орал и не угрожал никому. Но в голосе его звенела сталь, слыша лязг которой, люди убеждались, что она не менее опасна, чем та, что хранится у офицера в ножнах. Его спокойная речь беспрекословно подчиняла себе добровольцев, прибывающих в распоряжение мудрейшего. И вот уже спустя совсем короткое время, не приученные к порядку ремесленники и крестьяне, слаженно учились обращаться с оружием и двигаться строем. Вейкко очень высоко ценил воеводу, помня, что именно он настоял на засаде в Орешкином овраге. Дарён гонял воинов Благой рати беспощадно. Не делал поблажек ни храмовым дружинникам, ни бывшим стражникам, ни добровольцам. Вейкко даже как-то раз в личной беседе попросил офицера обращаться с ратниками более милосердно. Очень

чудовищными казались мудрейшему их изнурительные упражнения. «Кузнец с помощью огня и воды закаляет клинки, — спокойно ответил Дарён, — у меня же цель из людей сделать воинов». В этот момент Вейкко почувствовал себя пристыженным. У воеводы своя работа и он её знает. Ведь не лезут же офицеры в дела мудрейшего. Они создают Благоую рать, а как именно ей распорядиться решит Вейкко. С тех пор главный хранитель храма Юма и Живы не пытался учить воеводу. Лишь с удовлетворением отмечал, как меняются лица мужчин, откликнувшихся на его призыв. Как из вольницы превращаются они в настоящее войско.

Дарён помог Вейкко снять доспехи. Без железа на плечах мудрейший почувствовал себя лёгким как пёрышко. Он надел шубу и тяжело вздохнул.

— Вам нужно бегать, — сказал Дарён. — Поначалу будет тяжело, а потом тренировки будут проходить легче, выносливости прибавится.

— Да уж в моих летах поздно ратником становиться, — усмехнулся Вейкко. — Пойдём, лагерь осмотрим.

Мудрейший и воевода вышли из шатра на мороз. Погода стояла ясная и солнечная. Вейкко оглядел лагерь Благой рати. Шатры и землянки были обнесены земляным валом и деревянным частоколом. Весь Михайлов луг был в их распоряжении, окаймлённый с одной стороны намертво схваченными льдом водами реки Хили, а с другой, обступившим его еловым лесом. Лес был источником дров и строительных материалов для рати Вейкко, поэтому медленно отползал от своих прежних границ, оставляя за собой свежие пни, припудренные щепками и опилками.

Вейкко наблюдал за обучением воинов. Настроение мудрейшего было двойственным. С одной стороны, пока Благая рать проделала путь от Орешкиного оврага к Михайловому лугу, к ней в полном составе присоединились несколько осторожных гарнизонов, предоставив своему новому командиру имевшиеся у них арсеналы. Почти каждый день в Благоую рать вливались новые добровольцы, приходившие группами и поодиночке. В окрестных поселениях для защитников древних богов ковали топоры, мастерили копья, стрелы, щиты. Нашивали на суконные платья металлические кольца. Конечно, это оружие уступало качеством тому, что изготавливали княжеские оружейники, но ведь оно не переставало от этого быть смертельно опасным.

Но было и то, что тяготило Вейкко. Благая рать должна была сокрушить Лесьяра Строгова. Как считал он сам, и как говорили ему опытные офицеры, для этого нужно не менее пятидесяти тысяч бойцов. Но сейчас под рукой мудрейшего собралось всего пять с половиной тысяч воинов. В десять раз меньше! Костяк Благой рати составляла Храмовая дружина. Это были самые дисциплинированные и подготовленные бойцы. Но после битвы в Орешкином овраге, храмовых дружинников оставалось меньше тысячи. Перешедшие на сторону Вейкко отряды Поместной стражи, были неплохо обучены военному делу, но всё же не имели навыков для больших полевых сражений, без коих войну выиграть нельзя. Три тысячи воинов Благой рати вообще были ополченцами из разных сословий. И хоть Дарён и другие офицеры прилагали невероятные усилия, чтобы обучить их ратному мастерству, ополченцы оставались самой слабой частью Благой рати.

Другой проблемой было отсутствие поддержки со стороны князей. Чернек Озеров, на чью помощь в первую очередь рассчитывал Вейкко, так и не пришёл на помощь. Насколько знал Вейкко, предельный князь Суломатья даже не начинал собирать войска. Хотен Юрьев мог бы помочь Благой рати, но все уговорщики, которых посылал Вейкко в Густошумье

исчезли бесследно. По всей видимости, попал в лапы Тайной стражи. Видогост Булатов устно передал через своего посыльного, что готов присоединиться к борьбе, но должен сначала свергнуть племянника, дабы взять в свои руки власть над Крайнестьем и его воинством. Валентин, мудрейший храма Агуна и Кесы, заявил, что не может послать свою дружину на войну, так как должен сначала вмешаться в борьбу предельного князя Деяна со своим дядей. Якобы, без утверждения Видогоста на престоле Миргорода, защита благой веры обречена на провал. Валят друг на друга без стеснения!

Ополченцы хоть и прибывали практически каждый день, но их было слишком мало для создания действительно мощного войска. Вместо бурного притока молодых мужчин, которые подобно весенним ручьям, наполнили бы Благоую рать силой десятков тысяч, Вейкко с досадой наблюдал за тоненькой струйкой добровольцев. Все боятся бросить вызов Лесьяру Строгову. Слишком он могучий и опасный противник. Мроз и Килма знали, чью душу нужно пожрать, чтобы толкнуть Рустовесскую державу в новую Эпоху Падения.

От размышлений Вейкко отвлек Дарён.

— Мудрейший, к Вам прибыли посланники из храма Аурина и Зары.

— Где они?

— Ждут в Вашем шатре.

Вейкко взломал печать и внимательно ознакомился с содержанием письма. Ничего нового он там не увидел. Мудрейший Филипп велеречиво и многословно поддерживал Вейкко, обещал молиться за него и Благоую рать. Писал, что вместе с посланниками отправляет помощь защитникам благоверия. Но всё письмо сводилось на нет сухим итогом: Храмовая дружина Аурина и Зары воевать пока не будет. Нужно дождаться, пока власть Древгорода ослабнет, а потом выступить единым строем. А сейчас ещё не время. Вейкко мысленно сплюнул. Лучше бы Филипп вообще не отвечал на его письмо, как это сделал мудрейший храма Сияя и Кипины, что в Солоплаже. Было бы честнее. У всех одно на уме: спрятаться, переждать, как бы чего плохого не вышло. Все боятся державного князя пуще, чем гнева богов. Разве можно победить в войне, не обнажая клинок и не рискуя жизнью? В Рустовесье многие готовы воевать против Древгорода, но только так, чтобы в Древгороде об этом не узнали. Где все они будут, когда уже летом наступившего года Лесьяр Строгов объявит элаитство новой государственной религией? Когда Хлад сожмёт их трусливые шеи своими ледяными пальцами? Вейкко посмотрел на трёх усталых посланников, переминавшихся с ноги на ногу в полумраке его шатра.

— Мудрейший Филипп написал, что отправил с вами помощь для Благой рати.

— Да, вот она.

Двое посланников развернули на полу большой тяжёлый свёрток из промасленной материи. Взору Вейкко и Дарёна предстал десяток добротных мечей. Воевода наклонился, брал каждый поочерёдно в руки, тщательно осматривал, взвешивал, несколько раз взмахивал. «Хорошие мечи, качественная работа», — подытожил Дарён. Вейкко не выдержал.

— Пресноплюй этот ваш мудрейший Филипп! Что мне толку с его десятка мечей, когда их держать некому? Мне воины нужны, мужчины, люди! Дружину он мне не пришлёт, а вместо оружия десяток мечей подкинет.

— Мечи хорошие, — попытался возразить Дарён.

— Хорошие? Вот и раздай их тому, кто умеет с ними обращаться. Десяток мечей... Издёвка! Мне нужны тысячи! Мечи, копыя, доспехи, — Вейкко загибал пальцы на руках, —

шлемы, топоры, щиты. Воины, наконец! Мне нужны поставки хлеба и мяса, рыбы и соли, чтобы кормить ратников! Как победить Мроза и Килму, если даже главные хранители благой веры, прячутся по своим углам?

Дарён и посланники стояли не смея шелохнуться. Таким гневным мудрейшего храма Юма и Живы ещё никто не видел. Вейкко выскочил из шатра, чтобы побродить по лагерю и немного успокоиться.

За частоколом на глаза мудрейшему попался Егор Михайлов, бывший пристав Поместной стражи, первым из офицеров перешедший на его сторону. Егора произвели в сотники Благой рати и дали под начало сто ополченцев. Ополченцы разбрелись на некоторое расстояние друг от друга. Некоторые сели на снег. Егор дунул в глиняный свисток, давая сигнал сбора. «Стройся! Быстрее, быстрее, быстрее! Чего ждём?!» Бойцы суетливо повскакивали, некоторые стали метаться. Но тем не менее, смогли довольно резво составить четыре ряда. Сотник прошёлся вдоль шеренги, придирчиво осматривая своих подопечных. «Щиты!» Ополченцы выставили щиты перед собой. Егор вновь обошёл шеренгу, периодически нанося по щитам удары ногами, стараясь разбить построение. «Держим строй!»

Заметив Вейкко, Егор дал команду разойтись и приблизился к полководцу. «Благословите, мудрейший», — сотник склонил голову. Вейкко осенил его круговым знаменем правой руки.

— Ну что, как бойцы?

— Хорошие ребята, — ответил Егор. — Упорные.

— А как ты, готов сражаться?

— Конечно, мудрейший! Святая обязанность каждого умереть за благою веру.

— Бойцов у нас мало. Сладят ли они с воинами державного князя?

— Ничего, к весне у нас будет сто тысяч. Вся страна поднимется за веру. А княжеские ратники они что? Я был в Древгороде. Одни зажравшиеся ряхи. Им нас не одолеть.

— Хорошо, что ты так уверен, — Вейкко улыбнулся сквозь бороду.

— Пожалуйста, уговори отца не брать тебя с собой, — Элли умоляюще смотрела в глаза своему мужу.

— С чего бы это вдруг? — удивился Лютогост.

— Вы едете на битву, на войну. Почему ты уезжаешь, а твой брат остаётся?

— Что за глупости? Моего брата мать родила, чтобы он был наследником престола. Пока нет отца, место Всеслава в Древгороде. А меня родили, чтобы я был воином. А где место воина?

— Где?

— Где... В бою!

— Не надо ездить, тебя убьют!

— Ну закудахтала...

После ночной близости Лютогост потерял к своей супруге всякий интерес. Освобождённый от похоти рассудок уже был занят единственным, что интересовало второго сына державного князя больше всего в жизни — войной. Но Элли с чего-то вдруг решила влезть не в своё дело и принялась отговаривать мужа выступать с войском в поход. Лютогост раздражённо поднялся с ложа, но жена ухватила его за запястье.

— Я видела сон, — отрывисто начала она. — Сегодня ночью. Ты бился в снегу с воином. На нём были кольчуга и латы. Стальная личина скрывала его лицо, но взгляд у него был злой. А на жёлтом щите у него горело красное солнце.

— Красное солнце на жёлтом поле? — уточнил Лютогост.

— Ага...

— Герб храма Юма и Живы. Как раз с ними у нас и будет битва. И что ты видела во сне?

— Он убил тебя, прямо там. Ты лежал в снегу, истекая кровью.

Лютогост смутился на несколько мгновений, но потом встряхнул головой, прогоняя наваждение: «Да ну тебя!» Выхватил жену из-под одеяла. Лёгкое ночное платье слетело с Элли и шлёпнулось на пол. Лютогост поднял обнажённую супругу над головой и весело закрутил её в воздухе, будто пушинку. Элли замахала руками и ногами, словно утопающая, но высвободиться из стальной хватки у неё не было никакой возможности.

— Аааааа, — завизжала Элли. — Отпусти меня, валенок!!!

— И не подумай, — ухмыльнулся он.

— Меня же стошнит!

— Стошнит, уберёшь.

— В тебя тоже попадёт.

Лютогост поставил жену на пол и поцеловал в губы. Элли слегка пошатывалась.

— Мне уже двадцать четыре года, — сказал он. — Я два года назад лично водил ратников в Мирлийские горы. Впрочем, ты не помнишь. Нас тогда ещё не поженили. Меня родили для войны и я на неё еду!

— Ты думаешь, я хочу в семнадцать лет остаться без мужа? Если тебя убьют...

— Всё, хватит! Убьют, значит похороните. Войско уже собралось. В обед выступаем. Даже не мечтай, что я не поеду. Я живу ради войны. Где мои сыновья?

— Кузьма и Фёдор в женской половине. Где им ещё быть?

— Значит так. Я на битву, а ты в женскую половину. Дети уже сиську просят.

Лютогост звонко шлёпнул Элли по голым ягодицам. Девушка засмеялась и принялась одеваться. Беззаботная уверенность мужа передалась и ей. Вот ещё, решила болтать глупости. Мало ли что приснится? Ничего с ним не будет, не будет! Она каждый день станет молить Элая о благополучном возвращении Лютогоста.

Всеслава он застал в Малой трапезной. Старший брат сидел за столом и догрызал куриную ногу. Лютогост с блаженным чувством превосходства присел рядом. Взгляд его светился небывалым воодушевлением. Наконец-то началась война и можно сменить тренировочный меч на настоящую сталь, и испытать её в бою!

— Завидуешь, брат? — обратился он к Всеславу.

— Кому завидую, тебе?

— Мне, а кому же ещё? Я с отцом на войну еду, а ты будешь здесь сидеть, куковать.

— Поехать куда-то конечно интересно. Но война это всего лишь средство.

— Опять ты за своё, брат! Я вот одного понять не могу. Зачем отец такое войско собрал? У Вейкко, как говорят, где-то тысяч пять. И то в основном всякий сброд не обученный. А отец с собой шесть с половиной тысяч поведёт. Куда столько? Дал бы мне Старшую дружину, я бы этого Вейкко в два счёта сцапал.

— Ну как тебе сказать? — Всеслав принялся медленно облизывать кончики пальцев, измазанные жиром, поглядывая изредка на брата. — Такое войско нужно, не столько чтобы

Вейкко раздавить. Это, скорее, для демонстрации нашей силы. Чтобы другим неповадно было мятежи поднимать. К тому же с Чернеком пока до конца не ясно. Вполне возможно, что Озеровы в войну вступят на стороне Вейкко. Тогда отряд отца сможет отойти, пока я, как его наследник, не подниму все наши военные силы и не привлеку других предельных князей.

— Это всё отец тебе сказал?

— Зачем мне такое говорить? Это же очевидные вещи.

Лютогост обиженно встал из-за стола и направился к выходу.

— Да, конечно, я такой глупый, что не вижу простых вещей.

Всеслав понял, что простая братская перепалка грозит перерасти в ссору. Усадил Лютогоста обратно за стол и примирительно ткнул его локтём в бок.

— Не кипятись! Конечно же мы всё это обсуждали с отцом. Он дал мне чёткие указания в какой ситуации как действовать. Ну а ты?

— Что я?

— Готов к битве? Главное, береги себя.

— Уж к чему, а к сражению я всегда готов. Всё будет нормально! Твоих войск не потребуется. Разобьём мятежников и вернёмся домой. А надо будет, и Старогулье спалим!

За двое суток до выхода главных сил, из Древогорода выступила сотня конных разведчиков. За сутки до похода ей следом вышла ещё одна сотня. И, наконец, третья сотня разведчиков вышла за четыре часа до основных сил. Лесьяр Строгов знал подробности битвы в Орешкином овраге и решил перестраховаться, дабы не попасть в засаду.

Наконец, в полдень десятого лютеня четыреста четырнадцатого года в седло сел сам державный князь. По правую руку от него ехал его второй сын. Лютогост, гордо возвышаясь на мощном боевом коне, коротко кивнул своему брату, улыбнулся жене, держащей на руках двоих младенцев, и помахал собравшимся поглазеть на войско горожанам. Лесьяр Строгов выхватил взглядом в толпе знатных жителей свою любовницу, купеческую вдову Ольгу. За день до выступления войска, он провёл у неё целую ночь. Воспоминание об этом заставило князя блаженно улыбнуться. Правда утром Ольга начала разговор про свадьбу, про то, что когда они заключат брак и она переедет в резиденцию, возьмёт себе фамилию мужа. По Законам Мудрости она не могла получить его фамилию, не будучи дочерью воинского сословия. Но спорить уже было некогда и он обещал вернуться к разговору после своего возвращения.

Поход начался. Вслед за державным князем ехали пятьдесят бойцов его личной охраны — Знаменный отряд. Пятьсот конных латников Старшей дружины также двигались во главе колонны. За ними цокали по льду копытами семь сотен легковооружённых конников Младшей дружины. Вслед за конницей шла пехота. Треща барабанами и звеня кольчугами, по улицам Древогорода прошли две тысячи тяжеловооружённых пехотинцев Железного войска. Три тысячи лёгкой пехоты — Поместного войска, выставленного на время войны племенным союзом успонов, шли под собственным знаменем. С интересом разглядывающие город и его обитателей ратники, в легких кольчугах и железных шапках, держали в руках и на плечах копьё, дротики, на поясах у них висели налучи с луками, колчаны со стрелами, сабли и топоры. Они ходили в бой под тремя скрещёнными копьёми на бледно-коричневом поле. Толпа горожан ликовала. «Слава Лесьяру Строгову!!!» «Победа!» «Войско! Войско! Войско!»

Глава 12 Тёмные улицы

Видогост хотел устроить встречу в арсенале своей резиденции, но Мирина настояла, что необходимо собрать всех в их опочивальне. Место более укромное и от любопытных глаз подальше. Крепкие широкоплечие мужчины скромно стояли у бревенчатой стены и молчали, придерживая руками налучи и колчаны со стрелами. Четверо из них выглядели довольно молодо. Пятый был уже в возрасте. Можно было не сомневаться, что он не раз участвовал в сражениях. Наверняка воевал с киврийцами и Вечерними королями во время нашествия. По всей видимости, он и был главным в группе стрелков, присланных мудрейшим Валентином из храма Агуна и Кесы. Молодые лучники то и дело поглядывали на Мирину. Польщённая их вниманием, Мирина развернула голову вполоборота, демонстрируя правильные черты красивого лица, и нарочито медлительно, поправила сползшую на лоб чёлку.

Когда в дверь вошла Агата Лоскутова, внимание лучников переметнулось на неё. Один из парней едва заметно ткнул соседа локтём и что-то коротко прошептал ему на ухо. Тот согласно закивал. Агата присела на скамью рядом с Мириной. Жена Видогоста недовольно повела плечами. Где бы они не оказывались вместе, её воспитанница всегда перехватывала взгляды мужчин, ранее безраздельно достававшиеся Мирине.

Агата давно привыкла быть предметом всеобщего интереса. С тех пор как она созрела, ещё ни один мужчина не был в силах одарить её равнодушным взглядом. Ни молодой, ни старей. Девушка научилась просто не обращать на это внимание, или использовать красоту так, как ей было нужно. Например, сейчас. Тёплая дружелюбная улыбка, и Мирина уже всем безразлична. Так пропадает интерес к свече, когда восходит солнце. Даже Видогост старается украдкой поглядеть на её личико. Агата ощутила приятное удовлетворение от осознания своих возможностей. С тех пор как она сошлась с Деяном, Мирина стала представляться хрупкой глиняной чашкой, которую можно легко разбить, если только захотеть. Предельный князь влюблён в Агату без памяти. Если она захочет, то выйдет за него замуж и тогда Мирина станет никем. Агата попросит, и её с Видогостом и детьми выгонят из Миргорода куда-нибудь на юг, сторожить Засечную черту от набегов кочевников. Эта мысль согревала душу, наделяя Агату приятным чувством превосходства.

Правда, Агата понимала, что двоюродный дядя Деяна, воевода Старшей дружины Эдуард, не позволит предельному князю сделать что-то подобное. Жизнь научила старого воина восхищаясь чьей-то красотой, сохранять разум трезвым. По всей видимости, он о чём-то догадывался. Несколько дней назад он подкараулил Агату и учинил ей настоящий допрос. Девушке пришлось использовать всю свою хитрость, даже заплакать, чтобы отвести от себя подозрения воеводы. Но не смотря на все старания, Агата почувствовала, что Эдуард всё равно не поверил ей до конца. Так что будет ли Агата помогать Видогосту стать предельным князем или наоборот, встанет на сторону Деяна, Эдуард Булатов ей не нужен.

Наконец, пришёл последний, кого они ожидали. Круглолицый суетливый офицер лет тридцати с бегающими глазками, нерешительно прошёл в комнату. Оглядел стоявших у стены стрелков, громко поздоровался с Видогостом. Увидев сидящих на скамье женщин, он расплылся в довольной улыбке, словно сидящий на солнце кот, сожравший плошку хорошей сметаны. Сначала можно было подумать, что человек этот просто корчит рожу. Но вскоре Мирина и Агата поняли: он улыбается. Когда офицер открыл рот, стало очевидно, что он собрался озвучить всяческие любезности. Однако, готовое слететь с языка словоблудие

неожиданно натолкнулось на презрительное лицо Мирины и обжигающие льдом чёрные глаза Агаты. Мужчина дёрнулся, словно самодовольный кот, внезапно получивший по ушам, и, вместо длинной тирады, пробубнил что-то невразумительное.

— Это Родион Листков, — представил офицера Видогост, — урядник Поместной стражи. Он возьмёт на себя самую ответственную часть дела, — урядник с готовностью закивал. — Значит так. Завтра Родион подойдёт к Эдуарду Булатову и расскажет, что у него есть новость про воспитанницу моей жены, Агату.

— Что именно я должен сказать?

— Это мы сейчас с тобой наедине обсудим. Пока в целом. Говоришь, что через два дня, поздно вечером, покажешь воеводе, где и с кем Агата встречается во вред предельному князю и державе. Агата!

— Да?

— Ты в назначенный час выйдешь из ворот моей резиденции. Пойдёшь в Рыбный конец. Там есть человек такой, кличут его Кривом Тощим.

— Крив Тощий? — хмыкнула Агата.

— Ну да. Он такой тощий, потому что мало ест. А мало ест он потому, что много пьёт. Живёт в небольшом домике в углу, правее торговых рядов. Так вот, всё просто. Идёшь туда, а там его будут ждать наши друзья, которые сделают своё дело, — Видогост указал рукой на молчаливых лучников. Надеюсь, всё понятно?

— Не совсем, — возразила Агата.

— Что не так?

— Хотите сказать, я одна пойду ночью по тёмным улицам? А если ко мне пристанет кто?

— Действительно, — поддержала свою воспитанницу Мирина. — Что если так?

— Пусть красавица не волнуется, — встрял в разговор Родион Листков. — Я же буду рядом! Я легко отгону от неё любого шкодника.

— Совсем ума лишился? — возразил Видогост. — Ты же будешь идти за ней вместе с Эдуардом!

— А... Это... Я да... Не подумал, — урядник замахал руками перед лицом, словно на нос ему пыталась сесть оса.

Один из молодых лучников вопросительно поглядел на старшего. Тот, подумав немного, кивнул.

— Пусть Агату встретит и проводит мой боец, — сказал стрелок в возрасте. — Это будет надёжнее, безопаснее. К тому же подозрений у воеводы прибавится.

— Годится, — удовлетворённо подытожил Видогост.

Эдуард Булатов, протискиваясь через толпящихся у мясных лавок горожан, двигался в Бронный конец. Здесь были разные люди, но в основном прислужники, посланные состоятельными жителями прикупить мяса к столу. Заметив воеводу, прислужники расступались. Знатные горожане здоровались. Командира Старшей дружины знали и уважали все. В одной из мясных лавок, его старый знакомец, увидев Эдуарда закричал: «Воевода, покупай свинятину! Если ешь свинятину, ты знаток в вкуснятины!» Эдуард пообещал послать к нему за мясом.

Выходя из толкучки, он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Через

некоторое время к нему подошёл, вынырнувший из-за спин людей, человек. Тот явно подкарауливал воеводу. Человек этот казался знакомым. Круглое лицо, торчащая в разные стороны жиденькая бородёнка, бегающие глазки. Слегка напрягшись, Эдуард вспомнил кто это. Один из офицеров Поместной стражи. Когда он нервничал, то походил на свихнутого хомяка. Если был доволен, жмурился будто пригревшийся на солнце кот. Как и любой представитель самолучшего воинского объединения, Эдуард относился к Поместной страже высокомерно. Что общего может быть между этими, всю жизнь торчащими на стенах и гоняющими разбойников людьми, и прекрасно подготовленными к полевым сражениям конными латниками? Эдуард вопросительно посмотрел на офицера.

— Воевода, мы можем отойти, чтобы поговорить? — сейчас стражник напоминал хомяка.

— Напомни мне своё имя.

— А... Да... Ага... Я... Родион Листков, урядник Поместной стражи.

— И что ты от меня хочешь, урядник Поместной стражи? — Эдуард поморщился. Глаза урядника забегали ещё быстрее.

— Я... Нам надо немедленно поговорить об очень важном деле, речь идёт о безопасности предельного князя и всей державы, — скороговоркой выпалил тот.

— Говори, — Эдуард отвёл офицера в сторону.

— Только клянись, что никому не расскажите о нашем разговоре. О нём будем знать только мы двое.

— Хорошо.

— Нет, поклянись. Общась с Вами, я рискую жизнью.

— Клянусь, что не скажу никому.

— Да... Хорошо... Вот... Наш князь, э... Скажем так, очень дружен с одной девицей из свиты своего дяди. Близко дружен. Агата Лоскутова, весьма прелестная молодуха, — Родион Листков вожделенно закатил глазки.

— Ну, допустим, болтают всякое. И что?

— А то! Она смертельно опасна. Её к нашему князю подослали специально.

Эдуард нервно стукнул кулаком в ладонь.

— Видогост? Я так и думал!

— Нет, нет, нет, — урядник замотал головой, будто пытался стряхнуть с носа прилипший берёзовый лист. — Видогост этого бы очень хотел. Но распорядился вовсе не он. Агату заслали в Миргород более опасные противники Рустовесской земли. Подумайте сами. Она ведь из Гармского острога. Родной дядя Агаты, младший брат её отца, попал во время нашествия в плен к Вечерним королям и восемь лет где-то пропадал.

— Я о таком не слышал, — оборвал его Эдуард. — Ладно, допустим это так, но это всё семейные были и домыслы. Ты можешь свои слова хоть чем-то подтвердить?

Родион Листков едва не подпрыгнул от радости. Суетливый хомяк, чьи зрачки были готовы выскочить из опалелых глаз, в момент сменился мордой довольного кота.

— Могу! — торжественно произнёс он. — Только если вы пойдёте со мной, я всё вам покажу.

— Когда и куда?

— Послезавтра. Как начнёт смеркаться, встретимся на площади у помоста с плахой. Только ни в коем случае не берите с собой кольчугу и меч. Мы просто пройдемся и посмотрим.

— Ладно, послезавтра встретимся. Покажешь, что там у тебя.

— Как начнёт темнеть, не раньше. И я Вас умоляю, никому ни слова. Если нас вместе видели не те люди, то я не уверен, что доживу до нашей встречи.

— Мне вот интересно, почему ты не пошёл к приставу Тайной стражи?

— Всё просто, — Листков явно ожидал такого вопроса и отвечал несколько не смутившись. — Родников, он кто? Пришлый, я ему не доверяю. Тем более, что Деян к Агате испытывает слишком эээ... Тёплые чувства. А вы его старший родственник. Вполне имеете право обучить юношу уму-разуму.

— Понятно, иди.

Урядник исчез в толпе. Эдуард Булатов постоял немного, и пошёл к броннику. Листков врёт, это ясно по его прыгающим глазкам и дрожащему голосу. Хотя, быть может, правда за разговор с воеводой ему угрожает смерть? Но пойти с ним всё равно надо. Связь Деяна с Агатой Эдуарду не нравилась, хоть предельного князя и можно понять. Красавиц подобных этой, воевода встречал в своей жизни всего несколько раз. Но князь должен руководствоваться не только любовными желаниями. Одно дело, сношаться с простолюдинками, коли уж тебя одолела молодецкая жажда девичьей ласки. И совсем другое, ночевать с представительницей Малого княжеского Дома, которая по своему положению может и за державного князя замуж пойти. А ведь Деян уже обещал Лесьяру Строгову жениться на его дочери. Эдуард поморщился. Вот уже не думал, что после стольких лет ратной жизни придётся ему в любовных интригах разбираться. Но выбора нет, он обещал отцу Деяна, что позаботится о его единственном сыне. Нужно пойти узнать правду. Эта Агата действительно мутная девка. По возрасту уже должна замужем быть и детей нянчить, а она вдруг объявилась в свите, сошлась с князем очень быстро. Ещё этот урядник. Даже если он врёт, их сегодняшняя беседа уже подтверждает, что Агата Лоскутова не сама по себе, за ней кто-то стоит.

Почти две недели злобредная судьба не давала им возможности побыть наедине. Сначала Агата оставалась в свите, чтобы помогать при родах одной из воспитанниц Мирины. Потом несколько ночей девушка сидела с чужими грудными детьми. После чего ей, естественно, нужно было выспаться. А всю последнюю неделю вместе с Агатой к Деяну приходила его сестра Вера. То ли из глупости, то ли из вредности, она не желала уходить не смотря на делавшиеся ей намёки. Лишь без устали болтала, озвучивая всякие сплетни и небылицы. Но сегодня ночью, сидеть с детьми выпало Вере. И влюблённые наконец-то смогли остаться вдвоём, отбросив мучительную необходимость скрывать свои чувства.

Нарочно оставленный в креплении на стенке масляный светильник тускло озарял опочивальню магическим жёлто-оранжевым сиянием. Деян замороженно смотрел снизу вверх. Агата утвердилась на своём любовнике, крепко охватив его тело жаркими бёдрами. То и дело колебавшийся язычок пламени бросал на возлюбленную предельного князя слабые волны янтарных отблесков. Агата нежно провела ладонями по груди Деяна. Тренированные плечи юноши кольнули хищные ноготки цепких пальцев. Чёрные бездонные глаза любовницы не отрываясь смотрели на него, время от времени отмахиваясь пышными ресницами. Правой рукой Деян погладил щёку Агаты. Завёл её распущенные волосы за уши и плечи, открыв отблескам огонька красивые налитые груди. Пальцы Деяна пробежали по её шее, задев стекляшки бус. Погладили плечи, утонув в густых каштановых локонах. Размяли

грудь, прикоснувшись к розовым напряжённым соскам. Почувствовали нежную кожу её упругого живота и скользнули ниже. Он направил возбуждённую плоть в её манящее теплотой тело и с силой притянул к себе за бёдра. Любовница дрожащим голосом ахнула, затем закрыла глаза и повела носиком вверх, слегка запрокинув голову. Деян заметил, что она легко закусила нижнюю губу и задышала глубже. Агата выгнула спину, и полностью отдалась своему любовнику. Лишь позвякивали на её шее стекляшки бус, нарушали тишину их общие сладостные вздохи и жарче становилось в комнате от слившихся в единое целое молодых тел. Наконец, их наивысшее упоение выплеснулось в стон удовольствия. Агата, наклонилась к Деяну, её губы скользнули по его губам, щеке и обожгли ухо благоухающим выдохом наслаждения.

Отдышавшись, она плавно соскользнула с него и улеглась рядом. Весь город говорил о том, как приговорённый уговорщик пообещал Деяну близкую смерть. Похоже, что это было правдой. Агата не спрашивала любовника о подробностях казни. Но с того дня юный предельный князь стал более мрачным и задумчивым. Лицо его сделалось усталым, в голубых глазах непрерывно плескалась грусть. Лишь оставаясь наедине с Агатой, Деян немного отдалялся от терзавших его мыслей. Она погладила его чёрные волосы, потёрлась носиком об щёку и шею.

— Тебе хорошо со мной? — прошептала она как можно ласковее.

— Мне только с тобой и хорошо, любимая, — он обнял рукой её плечи и поцеловал в лоб. — А тебе?

— Я хочу, чтобы ты был счастливым. Тогда и мне будет хорошо. А ты последнее время такой печальный ходишь.

— Прости, просто навалилось всякое.

Деян испытал тягостное ощущение, в которой раз осознавая совершаемый им обман. Агата, рискуя своим добрым именем и честью своего Дома, остаётся с ним на ночь, давая князю испытать все прелести любви и телесной близости. А он лишь пользуется ей. Ведь на его шее камнем висит обещание, данное Дарине Строговой и её отцу, правителю Рустовесской державы. Ещё этот проклятый уговорщик сказал, что рядом с ним ходит смерть, уже готовая призвать его к себе. Нет, больше нельзя обманывать эту прекрасную молодую женщину, в искренности любви которой он нисколько не сомневается. Почему боги благословили его вниманием такой красавицы, лишив при этом возможности быть с ней вместе всю жизнь? Деян собрался с духом: врать больше нельзя!

— Агата, я должен поговорить с тобой.

— Да, милый?

— Я очень тебя люблю. Только тебя. Ближе, чем ты у меня никого нет. И просто не может быть. Именно поэтому я не могу тебе больше врать. Прости, что скрывал так долго.

— О чём ты? У тебя есть кто-то ещё?

— Да, то есть нет. Почти. Когда меня призвали в Древгород на Великий совет, то Лесьяр Строгов предложил мне взять в жёны его вторую дочь, Дарину. В обмен он обещал мне военную помощь. Ну... На случай, если мне она понадобится против дяди... Я поклялся ей в присутствии её отца и братьев, что женюсь. Женюсь на Дарине Строговой летом грядущего года. Уже получается этим летом. Мы ещё не были с тобой тогда знакомы. Почему я не встретил тебя чуть раньше? Я бы отдал всех воинов державного князя за одну возможность не давать такой клятвы. Но теперь... Прости, что не рассказал тебе раньше. Я не могу врать, потому что люблю тебя.

Под сердцем у Агаты резко кольнуло. Это болезненно дёрнулась, заунывно задев, задетая струнка самолюбия. Мирина, ещё мгновение назад казавшаяся хрупкой как стекляшка и обречённой, вновь сделалась железной и неуязвимой. Деян Булатов, оказывается, поклялся жениться на Дарине Строговой. Но это не помешало ему прельститься ласками Агаты Лоскутовой, брошенной её собственной глупостью, интригами Мирины и злой волей богов, на ложе владыки Миргорода. Хотя, он не врёт. Была бы возможность, он разорвал бы помолвку и просил бы отца Агаты позволить дочери стать его женой. Впрочем, зачем думать о том, чего не может быть? Все эти глупости насчёт того, что она выйдет за Деяна и раздавит Мирину из чувства мести, были лишь развлечением. С Мириной у них договор. В постель к предельному князю она легла лишь ради того, чтобы выручить свой Дом и, если боги позволят, вернуть того, кого она любит на самом деле. Всё идёт так, как и должно было. Но если возможность помочь семье через Деяна отрезана, значит нужно до конца быть на стороне его врагов. Нет поводов переживать. Хотя юного князя, ей всё чаще становилось жалко. По большому счёту, он очень неплохой человек. Даже довольно милый. Но как-то на слова своего любовника она должна отреагировать? Если промолчать, это будет слишком подозрительно.

Агата провела рукой по голове Деяна, сухо поцеловала его в висок. Чёрные глаза её блеснули льдом.

— Я поняла, — произнесла она голосом кислым, словно клюква. — Ты хочешь, чтобы я ушла...

Агата отвернулась от него, села на краю ложа, собираясь встать с него, чтобы одеться и уйти. Деян резко метнулся к ней и удержал сзади за плечи.

— Нет, милая, не уходи! Я рассказал тебе про Дарину вовсе не потому, что хочу прогнать тебя. Нет. Я сказал тебе, потому, что не могу и не хочу тебе врать.

Деян крепко обнял Агату, лишая её возможности подняться. Чувствовал, что если она сейчас уйдёт, то вернуть её не будет никакой возможности, и жизнь вообще потеряет всякий смысл. Он подвинул её каштановые локоны, и нежно поцеловал в шею. Она самый близкий и родной для него человек в мире. Никого не может быть, кроме неё!

— Кто я для тебя? — спросила Агата и в голосе её Деян уловил сухость едва сдержанной обиды. — Я буду той, кем ты захочешь! Женись, если так надо, побей меня, — теперь слова её дрожали, наполненные нежностью, любовью и надеждой. — Не прогоняй меня, только не прогоняй! Я без тебя погибну, мне незачем будет жить.

— Меня без тебя нет! Я всегда буду с тобой. Я найду для нас возможность быть вместе.

Деян сел рядом с Агатой. Она тут же оказалась у него на коленях. В опочивальне было довольно студёно, но любовников согревало тепло их близких тел. Деян заметил на бёдрах Агаты красноватые следы своих пальцев. Она обняла его за шею и после долгого поцелуя, прижалась к гладко выбритой щеке.

— Зима на дворе, — прошептала она. — Почему ты не отращиваешь бороду, как принято?

— Летом, перед моей свадьбой, державный князь объявит о переходе Рустовесской державы в элаитство. Все предельные князья примут новую религию. И я тоже. Подумал, что нужно уже сейчас привыкать брить лицо даже зимой.

— Это всё так занятно! Я тоже приму элаитство, если тебе это будет угодно. Только не отдаляйся от меня, прошу тебя. Я хочу быть только твоей!

Деян огладил ладонями стройные ноги Агаты, разъял её колени и повёл руку дальше, по

внутренней стороне бёдер. Девушка ловко выкрутилась и они оказались лицом к лицу. Поцелуй был как всегда долгим и кружащим голову. Её нежные груди прильнули к его телу. Гибкие ноги сомкнулись сзади Деяна. Он одним движением бросил её на ложе, оказавшись сверху. «Не прогоняй меня», — застонала она на выдохе, принимая его в себя.

— Вон она, я же говорил!

Урядник Поместной стражи Родион Листков указал в сторону женского силуэта, вышедшего из ворот резиденции Видогоста, после чего удовлетворённо потёр ладони. С меховых рукавиц осыпались кристаллики снега. Казалось, ещё немного и он начнёт урчать от удовольствия. В густеющих сумерках Эдуард Булатов увидел, что к Агате Лоскутовой приблизился крепкий молодой человек в одежде простолюдина. Они поздоровались и отправились прочь, в сторону рыбацкой пристани. Воевода и урядник последовали за ними, держась на значительном расстоянии.

— Кто это с ней?

— Не знаю, — голос Листкова слегка дрогнул.

— Почём знать, может это её любовник?

— Может и любовник, но сейчас они идут вовсе не на свидание. Вы что, воевода, взяли с собой меч?

— Конечно же. А ты думал, что я по тёмным улицам, да ещё с таким вилявым человеком как ты, буду безоружный ходить?

Как ни странно, урядник и не подумал возразить. Похрустывая свежесвыпавшим снегом, они прошли за чернеющими фигурами молодых людей мимо казарм Железного войска. Проползли мимо них строения, размещавшие внутри себя писарей. Остались позади хоромы князей и купцов. Недалеко отсюда был дом самого Эдуарда, где ждала его жена и три дочери. Воевода привычным движением нащупал на боку ножны. Даже если этот молодой человек просто любодей Агаты, всё равно нужно узнать правду. Негоже молодому князю не задолго до женитьбы с потаскушкой беспутничать. Для здоровья вредно. К тому же, от этих дел дети рождаются. Одно дело, если точно свои. А при таких обстоятельствах?

Урядника начало трясти, словно к нему приближался враг. Эдуард был опытным офицером и всегда чувствовал подобные настроения окружающих. Что уж скрывать, он и сам, будучи ещё совсем молодым, от переживаний едва не лишился рассудка перед своей первой битвой. Воевода никому не рассказывал, но перед второй, третьей и четвёртой битвой, он менжевался не сильно меньше. Лишь вдоволь наглядевшись, как умирают рядом с ним товарищи, несколько раз обагрив своё оружие чужой кровью, он научился быть спокойным в минуту губельной опасности. Понял, как превращать всплывающие изнутри естества панические страхи во всеокрушающую готовность драться.

— Ты что так нервничаешь? — спросил он урядника.

— А, — тот едва не шарахнулся в сторону. — Не... Я... Это... Я жизнью рискую, разговаривая с вами.

Агата и сопровождавший её парень исчезли во тьме у неказистого домика, стоящего в углу Рыбного конца. Домик был последним, далее дорожка вела к воротам, за которыми располагалась рыбацья пристань. Правее воеводы и его спутника лежали ровные ряды брёвен. Родион Листков затрясся, словно его кто-то дёргал за руку. Звериным чутьём Эдуард Булатов угадал, что во тьме стоят люди. До его уха долетел знакомый звук извлекаемой из

колчана стрелы. Воевода вмиг всё понял. Выхватывая из ножен меч, он плечом оттолкнул урядника как можно дальше от себя, и, указывая на него клинком, крикнул во мрак: «Вот он, я привёл его!» Три стрелы тут же впились тому в грудь, одна попала в правую ногу и одна прошла мимо. «Это же яааааа», — захрипел Родион Листков, падая в снег. Эдуард бросился бежать, чтобы спрятаться за брёвнами. Левую руку прошила резкая боль. Ещё пара прыжков и он окажется за брёвнами, а там и уйти от преследователей легко сможет. «На помощь, помогите!» Сзади раздался истошный девичий вопль, в котором Эдуард узнал голос Агаты. Воевода невольно остановился и повернулся на крик. Немедля одна стрела угодила ему в плечо, а две в живот. Ещё по одной вонзились в грудь и правую руку. Эдуард Булатов упал на спину. Его глазам открылось бездонное звёздное небо. Ещё никогда в жизни оно не было так близко. Невыносимая боль растворяла в себе сознание Эдуарда Булатова. На фоне неба возник силуэт человека. В руках незнакомца сверкнул лунным светом кинжал. Стрелок, наклонившись к смертельно раненому воеводе, резанул того по запястьям и горлу.

Глава 13 Михайлов луг

Лесьяр Строгов стоял на небольшом холмике у закованной в лёд реки Хили. Рядом с ним были его сын Лютогост и шесть полковников. Один из Младшей дружины, двое из Железного войска и трое из Поместного войска. Державный князь и его офицеры разглядывали лагерь бунтовщиков, расположившийся вдали за рекой. Михайлов луг представлял собой заснеженную равнину, идеально подходящую для битвы. У подножия холмика толпились телохранители Лесьяра из Знаменного отряда. Воины занимались обустройством лагеря. Солнце стояло высоко, освещая луг, леса и собравшихся по заснеженным берегам реки людей.

Под ногами поднимавшегося на холмик захрустел снег. К Лесьяру приблизился его двоюродный брат Захар Строгов, воевода Старшей дружины. Брови воеводы покрылись инеем. Мороз беспощадно кусал всех без исключения. Захар бодро улыбнулся.

— Солнце высоко, — произнёс он, поглядев в небо. — Начнём битву сегодня?

— Спешить некуда, — возразил ему Лесьяр. — Сегодня осмотримся, отдохнём. А биться завтра утром будем.

— Но если мы не атакуем сегодня, что помешает Вейкко сняться и удрать? Уведёт своих воинов к Чернеку Озерову. Как нам с ними будет сладить?

— Не переживай, Захар. Вейкко давно знал, что мы приближаемся. Если бы хотел бежать, возможностей было не счесть. Я уверен, что он никуда не денется. Думаю, что он решил драться здесь. А что? Место удобное. Мне, например, очень нравится.

— Я всё равно не понимаю, чего ждать? Вдруг Озеровы подойдут?

— Если бы Чернек хотел присоединиться к мятежу, уже давно бы это сделал. Он пока выжидает, чем закончится наше столкновение с Вейкко. А мы постоим, отоспимся, отдохнём. Пусть воины Благой рати на нас поглазеют. Вид превосходящего противника, знаешь ли, очень снижает готовность драться. Тем кто готов покинуть ряды Благой рати, нужно даровать такую возможность. Битву начнём завтра утром, с рассветом.

Лесьяр подошёл к самому краешку возвышавшегося над рекой холмика. Долго и напряжённо смотрел наискось вдоль русла реки. Туда, где вдали, на противоположном конце Михайлова луга располагался лагерь Благой рати. Периодически налетавшие порывы ледяного ветра, развевали его плащ с вышитой на нём восьмиконечной серебряной звездой. Наконец, Лесьяр повернулся к офицерам и изложил им свой план сражения.

— Будут какие-нибудь предложения или возражения?

— Какие возражения, всё просто, — подвёл итог всеобщему молчанию Захар Строгов. — Эх, скорее бы в битву! Устал я уже пустыми тренировками заниматься, — воевода нетерпеливо похлопал по рукояти висящий у пояса меч.

— Ещё кое-что, — добавил Лесьяр. — Хочу чтобы вы все твёрдо уяснили себе. А уяснив, довели до каждого сотника. Когда это поймут сотники, пусть запоминают десятники. Пока каждому воину в моём войске не станет ясно: мудрейший Вейкко должен быть взят живым. За то, что посмел поднять мятеж против державной власти, Вейкко должен будет отведать «Поцелуй Килмы».

Державный князь обвёл всех испытующим взглядом. Зрачки его резали офицеров, словно ножи. Его сын, воевода и полковники невольно поёжились. «Поцелуем Килмы» называли в Рустовесской земле самую позорную казнь. С приговорённого снимали на

морозе одежду и голым привязывали к дереву. После чего, ломали ему руки и ноги. И через каждые четверть часа поливали из ведра горячей водой. Казнь могла длиться очень долго. Но итог всегда был один: примёрзший к дереву труп оставался на съедение птицам и зверям.

— Отец, — произнёс после долгой паузы Лютогост, — позволь мне завтра возглавить атаку латной конницы?

— Тебе? — державный князь удивлённо посмотрел на сына, словно только что заметил его присутствие.

— Да, мне. Почему нет?

— Очевидно потому, что здесь находится воевода Старшей дружины. Если ты ещё не уразумел за годы жизни, то в атаку своих воинов ведёт главный офицер. Захар воевода, вот он и поведёт людей в бой. А ты вроде как даже в списках Старшей дружины не числишься.

— Ты прикажешь мне всю битву стоять в стороне и смотреть?

— Нет. Ты возмёшь сто бойцов из Железного войска и четырёста из Поместного. Отряды выбери сам. Когда завтра мы перейдём реку и развернёмся в боевые порядки, ты через лес заведёшь своих воинов в тыл Благой рати.

Лезть через лес, чтобы ударить мятежников в тыл... Это было вовсе не то, о чём мечтал Лютогост, когда думал о предстоящем походе и битве. Он надеялся на закованном в железо коне повести Старшую дружину в бой, показать свою удаль в лихой сече. А теперь?

— Значит мне пешком вести отряд через лес?

— Очевидно, что на коне тебе там не проехать, — Лесьяр указал рукой на заснеженные ели, вставшие вокруг Михайлового луга. — Хочешь что-то возразить?

Лютогост очень хотел возразить, поспорить, потребовать. Но не стал. Нельзя перечить своему отцу. Тем более, когда он ещё и твой державный князь.

Жёлто-красные языки пламени плясали на весело потрескивающих брёвнах. На этот танец можно было смотреть часами. Сделав над собой усилие, сотник Благой рати Егор Михайлов оторвал взгляд от пламени и обратил его в чёрное ночное небо. Но глаза сами собой сползли в пространство между огнём и звёздами. Там, вдали, где Михайлов луг ограничивает подступивший к водам реки Хили лес, на противоположном её берегу стоит войско державного князя.

К костру подошёл один из знакомых Егору офицеров, бросил в пламя новое полено. В небо взмыл столбик искр. Офицер что-то сказал Егору, но тот не ответил. Никакого желания поддерживать разговор не было. Воины уже укладывались спать. Но многим не спалось. Некоторые неудержимо гомонили, пытаясь с помощью болтовни победить терзавшие их страхи. Егору разговаривать не хотелось.

Он очень долго служил в Поместной страже, слишком долго ходил под знаменем Дома Строговых. В Орешкином овраге приняли смерть многие его друзья и знакомцы. Теперь же ему придётся убивать тех, кто пришёл под восьмиконечной серебряной звездой на красном поле. В чём тут смысл? Егор вспомнил свою встречу с державным князем в Древгороде шесть лет назад. Лесьяр Строгов производил впечатление твёрдого сурового правителя. Повысил Егора в звании. А то, что решил сменить религию... Да мало ли чем дурят себе голову правители государства! Можно не сомневаться, что скоро Лесьяр вернётся к древним верованиям Рустовесской земли. Ведь весь народ против элаитства. Это ясно любому. Больше пяти тысяч человек встали с оружием в руках, чтобы сражаться за благую веру. Князь

очень мудрый человек, он увидит это и поймёт, что не прав. Нет смысла устраивать бойню. Одно дело воевать против вторгшихся иноземцев. А против своего же державного князя? Конечно можно было бы, если бы здесь собралось больше воинов.

Мудрейший Вейкко обещал, что в Благой рати будет пятьдесят тысяч мечей и копий. Почему же он не собрал столько воинов? Здесь только бывшие стражники и ополченцы. Никудышные бойцы, если хорошо подумать. Если бы мудрейший вёл себя правильно, сейчас бы сюда пришли войска всех князей. Озеровы, Булатовы, Юрьевы, Волковы и Клыковы. Что бы тогда стал делать Лесьяр Строгов? Скорее всего сдался. Иначе был бы разбит. Вот в такой битве можно было бы принять участие.

А как быть сейчас, когда в Благой рати в десять раз меньше воинов, чем обещал собрать мудрейший? Если завтра выйти на битву, никакого смысла не будет. Они проиграют и погибнут зря. Егор задумался ещё больше. Да и как вообще можно биться против державного князя? Он держит страну. Егор вспомнил, что не женат, у него пока нет детей. Недалеко находится родовой острог его Дома. Эти леса он с детства знает очень хорошо. Если пойти прямо сейчас, то к рассвету можно оказаться дома.

Егор встал и направился к одному из выходов. «По нужде», — сказал он караульному, махнув рукой в сторону черневшей за частоколом выгребной ямы. Ратник хитро сощурившись, оглядел сотника, дав ему понять, что знает какая нужда припекла молодого офицера, но всё же выпустил его за пределы лагеря. Егор обошёл яму, чтобы не попадаться в отсветы станковых костров и ушёл в лес.

Вейкко закончил молитву перед священным пламенем. Его разум ещё никогда в жизни не был так чист и светел как сейчас. Всего час назад он не мог заснуть, сердце его болезненно билось, а в голову лезли всякие хмурые мысли. Но помолившись, он познал всю очистительную силу на которую способен огонь, порождённый от храмового очага. Много раз в жизни Вейкко доводилось испытать благословенные прикосновения богов. Но никогда они не ощущались так явственно, как сейчас. Усталость немедленно покинула его немолодое тело, рассудок обрёл небывалую лёгкость и свежесть. И, самое главное, он всё понял.

Вейкко постиг волю благих богов, они показали ему смысл открывшегося мудрейшему пути. Все, кто по долгу веры и традиции обязан был защищать благую веру, оставили главного хранителя храма Юма и Живы и его воинов. Ни один мудрейший не прислал в лагерь Благой рати свою дружину. Не поднял голос, провозглашая восстание против князя-отступника. Чернек Озеров, несколько десятилетий называвший себя другом Вейкко так и не поднял полки, так и не пришёл, чтобы встать с ним против Древогорода. Все оправдываются тем, что это не их война, Вейкко сражается сам.

Зато слуга Мроза и Килмы лично явился сюда во главе могучего войска. Лесьяр Строгов сильнее. Благой рати завтра не победить. Боги ведают об этом. И они указали мудрейшему другое предназначение. Он и твёрдые духом воины выйдут завтра на битву. Покажут всем, как надо сражаться за благую веру. Своей кровью ознаменуют начало борьбы против наступающей новой Эпохи Падения. Если вошла в людское жилище Невита, и нет никого, кто решился бы сразиться с ней, должен найтись тот, кто прыгнет в её клыкастый зев. И пока жрёт чудище этого человека, остальные получают несколько мгновений, чтобы выйти из оцепенения и принять бой.

Вейкко вышел на мороз и посмотрел вверх. Черная бездна неба была усеяна россыпью

мерцающих синевой ледышек. Над лесом висела серебряная луна, спокойная в своём недостижимом вечном величии. Вейкко задумался. С тех пор, как боги создали луну, сколько готовящихся к битве воинов она повидала? Сколько великих людей, оказались омыты её мертвенным сиянием? А не великих? Во имя Юма и Живы, ведь эта самая луна должна была видеть как жили Древние и что именно послужило причиной гибели их мира! Много тысячелетий люди рождались, надеялись, верили, строили, разрушали, любили, рожали, умирали. А ночное светило так же безразлично смотрело на них с чёрного небосклона. Позволят ли боги увидеть ему луну ещё раз, завтра?

Послышались шаги. Из беспокойного полумрака военного лагеря выделилась крупная фигура и подошла к Вейкко. Мудрейший узнал Дарёна. Воевода Храмовой дружины всегда был бесстрастен и собран. Но заглянув в лицо мудрейшего, офицер обнаружил перед ним свою тревогу. Вейкко никогда не видел своего главного воина испуганным. Но сейчас как будто было именно так. Неужто он боится завтрашней сечи? Почтительно наклонив голову, Дарён дождался благоосенения, после чего ровным голосом заговорил.

— Мудрейший, многие воины не выдержали долгого нахождения ввиду вражеского войска. Они дезертируют.

— Сколько ратников нас покинуло?

— По моим подсчётам около пяти сотен. Разрешите мне организовать облаву и выловить их. Трусов надо наказать.

— Итого в Благой рати осталось примерно пять тысяч воинов... Из Храмовой дружины кто-нибудь бежал?

— Ни один. Также никто не покинул рядов храмового ополчения. Бегут в основном добровольцы из вновь прибывших. Частично стражники. Я хочу выловить их, — повторил Дарён. — Отловим и поставим боягузов в первые ряды.

Вейкко положил руку на плечо воеводы.

— Нет! Никого вылавливать не надо. Завтра на этом лугу случится не просто битва. Здесь состоится священное сражение за благую веру. Те, кто слаб духом, не достойны защищать Позара и Светлобу. Боги не нуждаются в помощи слабых. Биться за богов должен тот, кто искренне желает этого. Чтобы костёр горел, нужны дрова. Они должны быть сухими, тогда пламя не зачухнет. Чтобы разгорелся огонь святой войны, жертву должны принести те, кто не боится умереть. Те, кто не готов умирать, пусть уходят. Быть может, они сразятся потом. Ты готов?

— Я готов, мудрейший!

— Знаешь, Дарён, хотел сказать тебе. Я очень ждал помощи от князей. Но вместо них сюда явились простолюдины, которые не побоялись взять в руки оружие. Да, их мало, но они пришли. Когда князей обучают грамоте, им рассказывают, что они освобождены от необходимости добывать себе трудом пищу, строить или заниматься ремеслом. В обмен на это князья полностью отданы ратному делу и управлению землями. Это речение взято из книги «Рустовеская быль», написанной хм... — Вейкко замаялся. — Ну вот, забыл имя хранителя, написавшего эту книгу. Ладно, не так важно. Там говорится, что князья освобождены от того, чтобы лично добывать пищу, потому что заняты войной и судом, но страна всё равно держится на простолюдинах. Простолюдины строят, сеют и воюют. Как видишь, автор был прав. Я думал, что смогу победить Древгород. Но, похоже, о победе можно даже не мечтать. Будем молиться, чтобы наша смерть стала не концом, а началом пути. Что по нашему следу хоть кто-нибудь пойдёт.

— Возможность победить, есть у любого, кто сражается. Мы будем биться, значит и победить сможем.

Голос Дарёна как всегда звучал уверенно. Вейкко приободрился. Действительно, воевода прав. Мы дадим битву и боги решат, кому даровать победу.

В розовеющем утреннем небе солнечный свет растворял звёзды и луну. В лагерях противников воины готовились к битве. Надевали чистые рубахи, поверх них натягивали кожу и шерсть, довершая облачение доспехами. Трубы сыграли построение. Через проходы в частокоте потянулись цепочки воинов Благой рати. Их враги уже переходили лёд реки Хили и строились в противоположной стороне. Воины Лесьяра Строгова смотрели лицом на восток и глаза их слепило утреннее солнце. Вейкко лишней раз отметил ратную мудрость воеводы Храмовой дружины, настоявшего на том, что лагерь нужно поставить выше по течению реки. Солнце будет слепить воинов Лесьяра. Конечно, это не решит битву в пользу Благой рати, но всё же будет хорошим подспорьем.

Ратники просили Вейкко наслать проклятие на державного князя. Тот ответил им, что нельзя проклясть того, чью душу уже при жизни пожрал Хлад. Но всё же, круговым движением левой руки, отправил в сторону войска Строговых хладоосенение. Своих же воинов благословил на битву во имя благой веры.

В соответствии с замыслом сражения, своим правым флангом Благая рать упёрлась в лес. Это исключало её охват с правого крыла. Вся конница Вейкко, четыреста девяносто всадников, встала на левом фланге. В центре боевого порядка, развернулись под жёлто-красными знамёнами двести восемьдесят тяжеловооружённых храмовых пехотинцев. По полторы тысячи лёгкой пехоты построились левее и правее них. Пять сотен лучников встали сзади, чтобы поддерживать бойцов стрелами. Ещё семьсот пехотинцев под личным началом Дарёна остались в тылу боевого порядка, чтобы вступить в битву в самый решающий момент. Ряды ратников застыли в напряжении. Никто не разговаривал. Лишь трепыхались на ледяном ветру знамёна храма Юма и Живы.

В сравнении с Благой ратью, войско Лесьяра Строгова выглядело куда более значительно. Вейкко поступил именно так как и предполагал державный князь. Убедившись в этом, Лесьяр расставил своих воинов в зеркальном соответствии. Левый фланг войска Строговых примыкал к лесу. На правом собралось подвижное крыло — пятьсот конных латников и тысяча легковооружённых конников Младшей дружины. В центре под знаменем Дома Строговых блестели кольчугами и копьями из-за больших щитов девятнадцать сотен Железного войска. Левее и правее них стояли по восемьсот бойцов лёгкой пехоты Поместного войска с тремя скрещёнными копьями на бледно-коричневом поле знамён. Тысяча лучников стала длинной шеренгой сзади пехоты. Скрываясь за спинами воинов, сотня Железного войска и четыре сотни Поместного войска под началом Лютогоста вошли в лес.

Вейкко приказал Благой рати стоять на месте. Увидев, что враг не шевелится, Лесьяр Строгов дал команду. Над державным войском загудели трубы, послышались свистки и разнеслись команды сотников. Под шум барабанов, квадраты копейщиков и пехотинцев надломались и, блестя на солнце оружием, поползли в сторону Благой рати. Лесьяр махнул полковнику Младшей дружины. Тот повёл лёгкую конницу в атаку.

Всадники Строговых тысячной лавиной приблизились к построениям благоверов. Их

конница приготовилась к бою. Стоявшие на левом фланге пехотинцы сильно занервничали. Но, повинувшись командам, прикрылись щитами и выставили перед собой изгородь копий. Младшая дружина Строговых не стала вступать в рукопашную схватку. Вместо этого, конники пустили во врага стрелы и забросали его дротиками. Десятки убитых благоверов, попадали в снег. Конница Благой рати также ответила своим противникам. Некоторые державные всадники получили смертельные раны. Трое или четверо запутались ногами в стремях и продолжали волочиться по снегу за своими конями. Атака повторялась вновь и вновь. Младшая дружина Строговых изнуряла врага, словно стая озлобленных ос, отскакивая каждый раз, когда воины Благой рати пытались вступить в рукопашную схватку.

Тем временем, пешие воины приблизились к построениям Благой рати. С обеих сторон полетели стрелы и дротики. Появились убитые, застонали раненые. Над войском Строговых зазвучал гул боевого рога. Пехотинцы бросились на Благоую рать. Началась кровавая сшибка.

Лютогост молча вёл по лесу свой отряд. Зря отец не дал ему под начало Старшую дружину! Сейчас бы броситься в стремительную атаку на могучем боевом коне... С другой стороны он прав, начальствует над Старшей дружиной дядя Захар. Лишить его права командовать боем было бы страшным неуважением. Но пойти в бой вместе с ним ведь можно было позволить? Лютогост очень хорошо знал всех дружинников, они были его товарищами. А он теперь вынужден вести по лесу этих незнакомых ему лично пехотинцев. Возможно, отец специально послал его в лес, чтобы спрятать подальше от опасностей битвы... Ладно, чего зря думать? Есть поручение, значит его надо выполнить.

Солнце пробивалось сквозь иглы елей. Лес был исхожен ратниками Вейкко за время их нахождения на Михайловом лугу. Осталось множество тропинок. Лютогост осмотрел свои доспехи. Броня была готова к бою, он и его походные слуги ничего не упустили. С луга донёлся гул боевых рогов. Через какое-то время он расслышал звуки битвы. Сеча началась. Теперь можно точнее определить, где находится враг и вывести отряд прямо в тыл Благой рати. Оставалось совсем недолго. Лютогост оглянулся на своих пехотинцев. Бойцы Железного войска и воины из племенного союза успонов пробирались сквозь сугробы. Многие шли по тропинкам. Сколько потребует времени, чтобы они выстроились в боевые порядки? Несколько минут, не более. За это время благоверы не успеют атаковать их.

Лютогост вышел из леса первым, оказавшись прямо в тылу Благой рати. Его взору открылось пространство, заполненное свежими пнями. Видимо здесь люди Вейкко брали себе дерево для костров и построек. Правее, взору открывались несколько тысяч спинок, одетых в кольчуги, кожаные панцири и обшитые железом суконные платья. Длинной цепочкой стояли лучники, то и дело пускавшие в сторону державного войска стрелы. Примерно посередине располагался запасной отряд. Более полтысячи воинов, определил на глаз Лютогост. Уже готовятся вступить в битву. Вот и настал его час. Лютогост надвинул на лицо железную маску, выхватил из ножен меч и замахал им над головой, подавая знак своим людям. Раздался гул боевого рога. Выбегавшие из леса, быстро строились за его спиной. Над железными пехотинцами поднялся стяг Дома Строговых. Поместные воины развернули на ветру знамя племенного союза успонов. Теперь их заметили.

С тех пор как два года назад Лютогост узнал вкус настоящей, а не потешной битвы, он мечтал лишь о том, чтобы вновь оказаться в гуще боя. Наконец-то мечта сбылась! Сердце тревожно забило, гоня по телу огненную кровь. У всех бывало по-разному. Но разум

Лютогоста перед схваткой мгновенно прояснялся, отбрасывая всё лишнее, не нужное в смертельном бою. Испытав это чувство впервые, он понял, что ради него только и стоит жить. Для себя Лютогост решил, что личное участие в суровой сече намного отраднее, чем все прочие удовольствия вместе взятые. Хорошая охота, хмельной напиток, женская ласка были ему милы, но радость от них меркла в сравнении с битвой. Где ещё почувствуешь истинную призрачность жизни, как ни там, где она в любой миг может оборваться? Когда в пылу сражения подходишь к пугающей черте, и смерть по своему неведомому усмотрению выхватывает стоящих рядом с тобой жалами копий, наконечниками стрел и лезвиями мечей. Только побывав на грани, пронзительнее чувствуешь, что жив. После похода в Мирлийские горы Лютогост понял, что Единый благословляет воинов, давая уцелевшим возможность жить за тех, кто погиб в бою вместо них.

Понукаемая хлёткими командами сотников, растерянная серая масса врага пыталась построиться для атаки. Всё-таки отец славно придумал, чтобы послать отряд в тыл к благоверам. Лютогост удовлетворённо отметил смятение своих противников. Прикрывая сиволапые потуги плохо обученных ополченцев наладить правильный строй, лучники Благой рати выпустили по отряду Лютогоста порцию стрел. Железные пехотинцы выставили стену щитов. Левее, чуть сзади кто-то захрипел и рухнул в сугроб. Счёт пошёл! Лютогост прикрываясь своим большим прямоугольным щитом и в него поочерёдно вонзились три стрелы. Рядом ещё кто-то отчаянно завопил, катаясь в снегу. Ранение. Враг подошёл вплотную. Схватка началась.

Лютогост был разочарован, это всего лишь ополченцы. Среди них не встретишь действительно достойного противника. Ряды врагов быстро смешались в рукопашной. Вокруг дрались, умирали, падали, снова бросались друг на друга. Лютогост, прикрывшись щитом, не спеша продвигался сквозь сшибку, внимательно следя за происходящим, готовясь направить смертельную сталь против первой же угрозы. Пока на него никто не решался напасть. Он толкнул щитом зазевавшегося ополченца, дав возможность двигавшемуся рядом бойцу успонов, расправиться с врагом.

Наконец, он вклинился в общую схватку. Сверкнув мечом, рубанул первого врага по горлу. Противник упал на спину, забрызгивая белый снег алыми кляксами. Шедшие следом за Лютогостом пехотинцы, оказались далеко впереди. Единое побоище рассыпалось на множество отдельных стычек. Вынырнувший из свалки ополченец попытался пронзить Лютогоста копьём. Но сделал это очень неумело, за что немедленно лишился кисти правой руки. Ещё один неосмотрительно подставился и Лютогост проколол ему грудь. Кто знает, кому из них повезло больше?

Драться с такими совсем не интересно. На него никто не пытался напасть, он теперь сам выбирал кому из поместных пехотинцев помочь разделаться с противником. Но скоро звериный нюх подсказал, что где-то поблизости таится угроза. Через несколько мгновений сквозь прорези глазниц в железной личине, Лютогост увидел впереди хорошо снаряжённого бойца. Явно из знатных. Он хищно озирался по сторонам. Рядом с ним лежали двое убитых поместных ратников. Опасный враг. Удача! Великолепно справленная кольчуга, латы, шлем, меч, закрывающая лицо личина. И щит с гербом храма Юма и Живы — красное солнце на жёлтом поле. На мгновение Лютогост ужаснулся, вспомнив сон своей жены. Снег и воин. «Он убил тебя прямо там», — вновь услышал он голос Элли. Струйка холодного пота пробежала по его спине. Но Лютогост быстро взял себя в руки. Неужто он спрячется за спинами своих бойцов из-за глупого сна глупой бабы? Хоть бы она и мать его сыновей.

Возможность сразиться с достойным врагом превыше страхов. Лютогост вспомнил свой поединок с вождём племени в Мирлийских горах. Тот воин был очень хорош. Но этот боец лучше. Воин тоже заметил Лютогоста и приготовился. Внезапно бойня вокруг них словно по чьему-то приказу прекратилась. Их разделяло около двадцати шагов.

— Лют, помочь? — донеслось из-за спины.

— Сам! — отмахнулся сын державного князя.

— Лют? — спросил знатный ратник.

— Я Лютогост, сын Лесьяра из Великого Дома Строговых. А ты кто?

— О... Сами боги благословили нас встречей! А я Дарён, воевода дружины храма Юма и Живы.

«Посмотрим, чего ты стоишь, воевода Храмовой дружины», — подумал Лютогост. Придержал меч левой рукой, а правой выдернул из чьей-то груди окровавленный дротик. Никчёмный боец погибнет, имеющий хорошую подготовку потеряет возможность свободно использовать щит, а действительно опасный противник с лёгкостью отразит угрозу. Лютогост прицелился и метнул дротик. Как и ожидалось, воевода играючи отбил его. Один из ополченцев подбежал и протянул Дарёну своё копьё. Воевода взвесил его в руке и метнул в Лютогоста. Сын державного князя отклонился в сторону и лёгким движением поставленного чуть под углом щита, отвёл опасность.

Проба сил окончилась, хватит играть. Неприятели схлестнулись на мечах. Дарён попытался зайти слева, чтобы поставить Лютогоста глазами против солнца. Но сын державного князя вовремя разгадал замысел врага и атаковав, не дал ему осуществить задуманное. Искрящиеся солнцем клинки звенели в морозном воздухе. Их обладатели мастерски применяли наработанные за годы тренировок навыки. Каждый пытался нащупать в чужой технике боя слабое место.

Дарён устремил сталь меча в голову, грудь, правую руку и по ногам Лютогоста. Сын державного князя отразил выпады. Атаковал в той же последовательности. Дарён также защитился. Пнул нижний край щита Лютогоста и тот дёрнулся вверх. Предугадав уловку противника, Лютогост отпрянул назад и уберётся от удара в подбородок. Но его раскрашенный гербом Дома Строговых щит предательски хрустнул. Проклятый оружейник справил его недостаточно крепко. Его собрат из храма Юма и Живы выполнил работу качественнее. Дарён без сомнения услышал хруст и сейчас воспользуется обстоятельством.

Воевода Храмовой дружины немедленно ухватился за возможность. Дарён нанёс три мощных удара мечом, под прикрытием коих сошёлся с Лютогостом вплотную. Щиты грохнули друг об друга. Тот, что был у Лютогоста хрустнул ещё сильнее. Сын державного князя всем телом ощутил как удар убавил его прикрытию прочности. Покрути им в воздухе и начнёт рассыпаться. Щит воеводы сработан намного прочнее. Дарён отыскал слабое место Лютогоста и обрушил против него всю свою силу. Плохо, очень плохо! Ещё не хватало оставить жену вдовой, умерев в самом начале войны.

Лавина стремительных ударов заставила Лютогоста обороняться. От его щита в разные стороны полетели щепки. Щит воеводы несколько раз гулко стукнул по щиту Лютогоста. Посечённая серебряная звезда на красном поле треснув, развалилась. Лютогост отбросил в сторону остатки бесполезной деревяшки. Дарён сделал колющий выпад. Лютогост ушёл правее, отведя клинок в сторону. Воевода обратным движением ударил Лютогоста в правый бок. Клинок прорезал кольчугу и добрался до плоти. Лютогост не ощутил боль, но почувствовал как потекла кровь. Смерть редко даёт шанс уйти от неё. Сейчас она его

почему-то дала. Нужно немедленно победить или через несколько минут придётся умереть. «Он убил тебя прямо там», — вновь донёсся из глубин памяти взволнованный голос юной жены. Но на этот раз он был словно выкрикнут с другого берега реки, оттуда где обитают живые. Черта за которой навеки исчезают воины совсем близко!

Лютогост сделал вид, что пошатнулся. Уверенный в победе Дарён бросился на него. Неожиданно нога Лютогоста задела кочку и, истратив часть внимания на то, чтобы не упасть, он пропустил ещё удар. Клинок воеводы пробил его кольчугу и повредил левое плечо. Резкая боль — предвестник смерти. Разум обжог жуткий замогильный холод. В мгновение, когда Лютогост понял, что проиграл поединок, Дарён опрометчиво открылся, отведя свой щит немного в сторону. Сын державного князя воспользовался этим и со всей силы нанёс удар в живот воеводы, чуть ниже нагрудного панциря. Меч неожиданно легко пронзил кольчугу и вошёл в тело. Воевода резко выдохнул, закашлялся кровью и согнувшись пополам, осел на колени. Убит, можно не сомневаться.

Схватка вокруг Лютогоста закипела с новой силой. Но бойцы Благой рати, ставшие свидетелями гибели своего предводителя, дрались уже не так решительно.

Могучий конь взволнованно прислушивался к шуму битвы. Фыркал, рыл копытом снег. Животное было недовольно. Люди натаскали его слыша такие звуки скакать туда, куда поведёт наездник. Но сейчас что-то шло неправильно. На его голову и грудь как всегда нацепили железные пластины, на его спину взгромоздился человек в доспехах, но этот человек никуда его не гонит. А ведь должен гнать!

Лесьяр Строгов, придерживая коня, внимательно следил за ходом боя. Рядом с ним на коне возвышался воевода Старшей дружины Захар. Пятьсот конных латников стояли за ними, ожидая приказа.

— Твой конь-то вон как нервничает, — заметил воевода. — По правде говоря, я его понимаю. Слишком надоело ждать. Тоже в битву хочу. А то так без меня всё закончится.

— Не переживай, Захар, не закончится, — ответил державный князь. — Ты мне нужен для решающего удара.

— Скорей бы уж!

Лесьяр не ответил. В какой-то момент ему показалось, что за спинами благоверов зазвучал боевой рог и пошла суета. Но потом вновь всё затихло. Неужто Лютогост не сможет вывести отряд туда, куда нужно? Сможет, конечно! Прошло совсем мало времени и Лесьяр отметил явственные признаки того, что в тылу Благой рати идёт бой. Сын сделал назначенный ему шаг, пора добивать врага.

— Захар, — обратился он к заскучавшему двоюродному брату. — Настал твой черёд, веди бойцов.

Захар Строгов пришпорил коня, поднял высоко над головой копьё и радостно прокричал: «за мноооой!» Увлекаемая воеводой стальная масса тронулась с места. Ряд за рядом, бронированные конники, неудержимо набирая скорость прогарцевали мимо державного князя. Заметив выдвижение Старшей дружины, командир конницы благоверов выстроил своих всадников в боевые порядки и повёл их вперёд. Лесьяр Строгов увидел, как по его дружинникам выпустили стрелы лучники бунтовщиков. Особого вреда они причинить не смогли, но всё же несколько латников упали с коней в снег. Пятьсот конников на полном скаку сшиблись с кавалерией Благой рати. Встречный вихрь закружил в жуткой сшибке

людей и животных. Издалека было видно как закованные в сталь латники смешиваются с облачёнными в кожаные панцири и суконные платья конниками. Сверкали мечи, ломались копья. Над местом схватки стоял звон железа, треск ломающихся копий, ржание коней и крики ратников. Бой длился недолго. Что могли противопоставить бывшие поместные стражники лучшим воинам Рустовесского государства? Только свою готовность умереть. Лишь конники Храмовой дружины смогли выстоять чуть дольше своих собратьев, но их было слишком мало. Железные кулак Старшей дружины безжалостно истребил конницу Вейкко, завалив место схватки кровоточащими телами убитых и раненых.

Разделавшись с конницей врага, Старшая дружина обрушилась на его пехоту. Младшая дружина зашла в тыл Благой рати и вступила в рукопашную сечу. Благая рать была почти полностью окружена. Обычно в таких обстоятельствах воины начинают панически разбегаться, спасая свою жизнь. Но к удивлению Лесьяра Строгова, Благая рать не побежала. Державный князь решил лично вмешаться в ход сражения. Если мудрейший Вейкко ещё не погиб и не пленён, то лучше самому проследить за его поимкой. Главный зачинщик мятежа должен быть примерно наказан.

Лесьяр Строгов повернулся к главному офицеру Знаменного отряда и вытащил из ножен свой меч. Тот всё сразу понял и дал команду людям. Державный князь в окружении пятидесяти телохранителей бросился по следам Старшей дружины. Эх, почему он лично не повёл её в бой? Что ни говори, а всё же засиделся он в вялой рутине своих чертогов. Бой уже затихал. Единая глыба Благой рати рассыпалась на множество дотлевающих углей последних схваток. Где же он, главный хранитель храма Юма и Живы, решивший, что в одиночку сможет поднять Рустовесскую землю против её державного князя? Сквозь прорези глазниц в железной маске Лесьяр осматривал картину битвы. Где он может быть в этой кровавой россыпи злости, смерти и страданий?

Внимательный взор выхватил из общей сумятицы стоящего в дали человека. Под кольчугой его виднелась одежда хранителя. На голове сидел посечённый полушлем. Из разорванной ткани левого рукава его текла тонкая струйка парящейся на морозе крови. В правой руке этот странный воин сжимал добротный меч, которым весьма успешно отбивался от окружавших его пехотинцев. Вейкко. Сомнений быть не может. Лесьяр прищипил своего коня и помчался к месту схватки. «Взять живым!», — прокричал он громогласно. Так, как умел с тех времён когда лично участвовал в рукопашной, чтобы слышали все воины.

Битва была проиграна. Вейкко понял это когда вся Благая рать целиком увязла в жестокой сече, а Дарён увёл единственный запасной отряд против воинов, неожиданно вылезших из леса. Увёл и пропал там. Мудрейший остался без своего самого надёжного и талантливого офицера. Воля богов касаясь удела собранной им Благой рати была ясна. Позар и Светлоба нуждаются в защите оружием. Но встав с оружием в руках на защиту благих богов, ты неминуемо оказываешься в битве. Когда Вейкко увидел, что ряды его воинов почти прорваны он послал в то место обступавших его телохранителей. Два десятка воинов ушли и растворились в железном вихре.

К Вейкко приближались шестеро, пехотинцы Железного войска. Он вынул из ножен трофейный меч, совсем недавно принадлежавший его врагу, приставу Тайной стражи Лавру Крутову. Он достойно сражался, но погиб. Теперь мудрейший храма Юма и Живы может пройти тем же путём. Или попробовать выбросить клинок и молить о пощаде. Но нет, он

начал войну не для того, чтобы убежать с поля битвы. У приближавшихся к нему пехотинцев были копья, короткие мечи и топоры.

— Брось меч! — прохрипел один из бойцов.

Мудрейший едва не повиновался команде, но отогнав сковавший тело страх, крепче сжал рукоять. До врагов оставалось меньше десятка шагов. Он никогда не обманывал себя касательно имевшихся у него боевых навыков. Однако тело само вспомнило все уроки, что были преподаны воеводой своему мудрейшему. Вейкко бросился на пехотинцев. Сам не зная как, мудрейший отражал удары и наносил их. Два пехотинца погибли, пытаясь обезоружить его. Это привело в ярость остальных и Вейкко увидел в их глазах свою смерть. Мир для него перестал существовать. «...ять живым», — донеслось до уха мудрейшего из реальности в которой он только что существовал сам и откуда ещё слышался шум битвы. Три острых копья, причиняя немилосердную боль, проткнули кольчугу и вонзились в его тело. Сильнейший удар топора вскрыл грудную клетку и разрубил сердце. Нестерпимая боль вышвырнула разум из тела. Взгляд Вейкко неотрывно приковала к себе Мора.

Державный князь, возвышаясь на боевом скакуне, молчаливо оглядывал Михайлов луг, на котором только что закончилась жестокая битва. Часть его воинов заняла лагерь Благой рати и обустроивалась в нём. Другие собирали на поле раненых, пытаясь оказывать помощь тем, кому она ещё могла пригодиться. После шума сражения поле наполнилось неожиданной тишиной. Лишь каркали закружившие в небе вороны, стонали умирающие, да изредка перекрикивались между собой уцелевшие. Было много лучников из Поместного войска. Но стрелки бродили по полю боя не из любопытства и не из сердоболия к раненым. Они собирали стрелы, порой выдёргивая их из ран окоченевших на морозе мертвецов. Больше всего убитых лежало там, где случилась главная схватка. Мёртвые воины в самых разнообразных, порой даже причудливых позах. Ставшие ничейными щиты, шлемы, топоры. Сломанные копья, вытоптаный снег, там и здесь утыканный стрелами. Всё это Лесьяр видел много раз в своей наполненной военными походами молодости.

Державный князь подъехал к тому месту, которое указал один из офицеров Старшей дружины. Слез с коня, почувствовав неприятный укол в груди. Захар Строгов лежал в снегу, широко раскинув руки и ноги. Чуть поодаль от его левой руки лежал щит. Правая рука продолжала крепко сжимать длинное копьё, с которым воевода бросился в бой. Под телом распростёрлась алая ткань плаща. Конь воеводы спокойно стоял рядом, безразлично оглядывая собравшихся людей. Никаких ран не теле Захара Строгова не наблюдалось, ни рубленых, ни колотых. Лишь из правой глазницы железной личины торчала глубоко засевшая в мозгу воеводы стрела, пущенная лучником Храмовой дружины. Вряд ли он бил прицельно. Но бесспорно это был самый удачный выстрел в его жизни. Об успешности которого он тоже скорее всего не знал.

— Как всегда первым шёл, а тут вон как, — в голосе сопровождавшего офицера Лесьяр услышал искреннее сожаление. — Это вина Старшей дружины, моя в том числе.

— В битве рискуют все. А от такого, — Лесьяр указал рукой на торчавшую из глазницы двоюродного брата стрелу, — вообще никто не бережён.

Бесшумно подошёл Лютогост. Державному князю уже сообщили, что его сын в поединке лично убил воеводу дружины храма Юма и Живы. Знал князь и о его ранах. Лесьяр оглядел сына.

— Тебя уже перевязали? Как ты себя чувствуешь?

— Всё хорошо, отец. Я смог его победить!

— Рад, что ты не зря проводил дни и ночи в тренировках. От твоего меча пал достойный противник.

Лесьяр говорил сухо, но в душе благодарил Единого за то, что тот уберёт в сражении Лютогоста. Потерять в столь небольшой битве помимо воеводы Старшей дружины ещё и сына, означало бы понести слишком неоправданные потери. Державный князь сдержал равшееся проступить на его лице чувство страха. Но в отместку оно откатилось в глубину и оглушило сознание болезненно ухнувшим ударом сердца. Дыхание перехватило, а перед глазами закружилась метель белых пылинок. Лесьяр опёрся на плечо Лютогоста.

— Что с тобой, отец?

— А... Фуф... Сейчас отпустит, всё в порядке, — ответил державный князь, преодолевая боль, сжавшую грудь изнутри. — Пойдём туда.

Державный князь с сыном направились в сторону, где находился труп мудрейшего Вейкко. Немного придя в себя, Лесьяр Строгов смог отпустить сына и остаток пути пройти самостоятельно. Хоть и продолжала пылить перед глазами белая дурнота. Ставшие кольцом копейщики обступили толпу пленных. Около двух тысяч разоружённых ратников Благой рати понуро стояли под порывами холодного ветра, ожидая своей участи. Все они помнили, что выступление с оружием в руках против Великого Дома согласно Законам мудрости карается смертной казнью. Некоторые с надеждой смотрели на проходящего мимо них державного князя, но Лесьяр Строгов нарочно оставил их без внимания. На время. Пусть поволнуются подольше.

Мудрейший храма Юма и Живы Вейкко лежал на спине около какой-то заснеженной кочки. Кольчуга у него была хороша, но всё же не смогла спасти ему жизнь. В трёх местах спаянные звенья были прорваны жалами копий, оставившими после себя кровавые дыры. Но самую страшную рану причинил топор. Красно-чёрная дыра в грудной клетке, казалась берлогой таинственного зверя, убитого где-то внутри и залившего всю одежду Вейкко своей алой кровью. Руки мудрейшего застыли на груди, окровавленные пальцы сдавливали рану, будто он пытался соединить её края и не дать жизни излиться на снег. Но было ясно, что сделано это было совершенно неосознанно. Когда разум уже умер, а тело ещё не смирилось с данностью. Рядом лежал тот самый клинок, которым Вейкко убил двух бойцов Железного войска. Как сказали Лесьяру, со слов пленных следовало, что этот меч дали мудрейшему после битвы в Орешкином овраге. А принадлежал он погибшему там приставу Тайной стражи Лавру Крутову.

Лесьяр Строгов не стал наказывать воинов, убивших мудрейшего. Державного князя восхитило мужество с которым встретил свою смерть главный хранитель храма Юма и Живы. Он бесстрашно погиб в бою как истинный воин, и заслужил право быть похороненным в соответствии со всеми правилами благоверов. Подойдя ближе, Лесьяр молча постоял над телом своего врага, пытаясь разглядеть в чертах его лица ответы на терзавшие разум князя вопросы. Правый глаз мудрейшего затёк кровавым синяком. Левый был открыт и на застекленевшем зрачке красовалась узором снежинка.

— Вот дурак! Ну надо было такую смуту учинить, — державный князь обращался к Лютогосту и стоявшим неподалёку офицерам. — На полном серьёзе думал в одиночку против меня сладить. И чего добился? Сам погиб, несколько тысяч воинов за собой в могилу свёл. Сколько раненых! Зачем? Эх... Но бился он достойно! В этом нет никаких сомнений. В

ратной доблести он может быть примером.

— Ну что, отец, через пару дней выступим на Старогулье?

Лесьяр немного удивлённо посмотрел на своего сына. Казалось, что раны, полученные в бою совсем не тревожили Лютогоста. В глазах его сверкал огонёк боевого азарта. Не врёт. Протяни ему сейчас копьё и отдай приказ, мигом бросится его исполнять. Державный князь ощутил гордость, он породил хорошего воина. Если не оставлять его без внимания, Лютогост сможет достичь вершин ратного величия. Но сейчас нужно остудить его пыл.

— Ничего делать не будем. Сейчас занимаем лагерь Вейкко, обустроиваемся в нём, хороним убитых, лечим раненых и ждём.

— Но чего ждём? — опешил Лютогост. — Войну надо выиграть.

— Без сомнения. Войну нужно выиграть и мы это сделаем. Очень редко победить можно ничего не деля. Сейчас как раз тот случай.

Глава 14 Новые обстоятельства, старые цели

Ледяной ветер яростно трепал знамя Дома Озеровых, водружённое над одной из башенок резиденции предельного князя Суломатъя. Замкнутая в красный круг серебряная молния отчаянно трепыхалась, сопротивляясь попыткам вьюги сбросить её на землю. Или может быть даже унести полотнище в серое небо. Кто знает, что хочет ветер на самом деле? Дежурившие на стенах резиденции бойцы, прикрывались от его порывов своими щитами. Похоже сегодня Мроз и Килма, сидящие на остатках Великого ледника, одержали верх над Позаром и Светлобой и обрушили на рустовесские земли всю свою мощь. Были древние легенды, гласившие, что когда-то давно Великий ледник правил на всей земле. Если ныне боги с его помощью насылают такую лютую вьюгу, то страшно представить, какой была зима в Эпоху Падения.

Чернек Озеров опустил глаза с башенки во двор. Перед ним плечом к плечу стояли две тысячи вновь набранных бойцов Поместной стражи. Взамен тех, кто пал в Орешкином овраге или ушёл воевать вместе с мудрейшим Вейкко. Пять сотен конных и пятнадцать сотен пеших. Новые стражники ещё плохо умели держать строй, не слишком уверенно владели оружием. Но это дело поправимое. Зато наконец-то можно освободить ратников Железного войска от необходимости дежурить на стенах и патрулировать улицы.

Чернек придирчиво осмотрел броню и оружие новых стражников. Всё это было взято из арсеналов Дома Озеровых. К радости своей никаких следов ржавчины на саблях и копьях не обнаружил. Щиты и кожаные панцири тоже не вызвали у предельного князя нареканий. Хранителя арсенала можно было поощрить за хорошее состояние вверенного ему богатства. Будучи воином, Чернек ценил накопленное им оружие гораздо выше, чем золото и серебро.

Когда стали известны подробности битвы в Орешкином овраге, предельный князь понял, что мудрейший Вейкко подарил ему небывалую возможность обновить Поместную стражу. Сделать её более преданной Дому Озеровых. В условиях отсутствия Тайной стражи, сделать это было совсем просто. На брошенный клич о наборе пеших ратников, откликнулись множество простолюдинов. Чернек даже не ожидал, что найдётся такое количество молодых крепких юношей, желающих поступить на службу. У Ратных Домов также сыскалось требуемое число обученных верховой езде мужчин, чтобы пополнить ими конные сотни. Офицеров Чернек перевёл из дальних гарнизонов, повысив каждого в звании. Исправником Поместной стражи был назначен Младан, сын Павла из Малого Дома Агалиных. Человек он был храбрый, умный и исполнительный. Но самое главное, преданный Чернеку. Назначение на должность начальника Поместной стражи, ещё более укрепляло его преданность. А перевод из дальнего гарнизона гарантировал отсутствие связей в столице предела, увеличивал число завистников и недоброжелателей. Что ещё больше привязывало нового исправника к своему благодетелю.

Наконец наступил момент, которого предельный князь ждал больше всего и о котором всё это время мог только мечтать. Знаменосец его личной дружины вынес знамя Дома Озеровых. Младан Агалин и другие офицеры замерли, как и полагается в подобных случаях, приложив ладонь правой руки к груди. Чернек обратился к застывшим на ветру людям.

— Ратники! Отныне вы бойцы Поместной стражи Суломатъя. Вы охраняете Законы Мудрости. Вы охраняете порядок. Вы охраняете Дом Озеровых, как воплощение Законов Мудрости и порядка в Суломатье. Отныне это знамя ваше.

Дружинник передал знамя Младану. Исправник гордо поднял полотнище над головами воинов. Подхваченное ветром, оно развернулось во всей красе выше копий пехотинцев. Чернек давно не испытывал такого приятного чувства. Наконец-то стража, которая кормится и получает жалование за его счёт, будет ходить под знаменем его Дома, а не под знаменем Дома Строговых.

Закончив церемонию, предельный князь вернулся в свои палаты. Приказал прислужникам подать ему обед, а сам крепко задумался. Предстояло решить гораздо более важный вопрос, чем набор новых стражников. Мудрейший Вейкко стоит со своим войском в лагере на его земле. Лесьяр Строгов, как сообщают, собрал часть своих сил и выступил против Благой рати. Приближался момент, наступление которого Чернек ждал, но всякий раз откладывал своё решение. По долгу веры и дружбы предельный князь Суломатья должен был выступить на стороне мудрейшего. Но как никто другой Чернек понимал, каким опасным противником является Лесьяр Строгов. К тому же он державный князь, которому была принесена священная клятва верности на поле битвы у Чёрного кургана. В то же время Чернек знал, что ни одна храмовая дружина не пришла в лагерь главного хранителя храма Юма и Живы. Как быть?

От размышлений Чернека оторвал старший сын. Наследник пришёл к отцу, но застаёт его глубоко задумавшимся, заколебался. Владыка Старогулья поднял взгляд на сына.

— Ты что-нибудь хотел, Волк?

— Да, отец. У меня известия от наших разведчиков. Несколько дней назад мудрейший Вейкко проиграл битву Лесьяру Строгову, его войско уничтожено.

— А сам Вейкко?

— Он либо погиб, либо попал в плен. По крайней мере точно известно, что бежать ему не удалось.

Чернек резко встал и сделал несколько шагов по комнате. Предельный князь надеялся, что всё получится как-то иначе. Только сейчас он осознал, насколько это глупо. Действительно, какова была возможность, что хранитель храма, всю жизнь молившийся богам и читавший рукописи, сможет победить Лесьяра Строгова, полководца, прошедшего столько битв? Он слишком долго откладывал этот момент, но теперь сами боги не оставили выбора. Чернек поймал себя на том, что стоит в паре ладоней от стены и смотрит на брёвна. Резко повернулся к сыну.

— Я слишком долго думал на чью сторону мне встать и сам загнал наш Дом в угол. Теперь выбора у нас не осталось. Лесьяр поведёт своё войско на Старогулье, чтобы наказать нас в назидание другим. Созови всех гонцов, я лично отдам им приказы, чтобы сомнений у них не было.

— Отец, — нерешительно произнёс Волк, — мы соберём всё войско? Известно, что Лесьяр Строгов привёл лишь часть своих сил.

— Этого ему вполне хватит, чтобы совершить быстрый марш против нас. Либо подождёт подхода остальных сил. В любом случае война началась. У меня двадцать три тысячи воинов. Чтобы потягаться с Древгородом, нам понадобятся все.

Пламя установленных в скобах факелов заставляло плясать тени стоявших в дальнем конце Большого зала стражников. День выдался трудным, как и все предыдущие. Деян Булатов сидел на престоле владык Миргорода, подперев голову кулаком левой руки. С

момента убийства Эдуарда прошло уже несколько недель. Гибель двоюродного дяди оставила юного князя один на один со всем грузом проблем. Опереться было не на кого, спросить совета тоже. Дядя Видогост обещал ему помощь и поддержку, но, как и следовало ожидать, остался в стороне, наблюдая как поступит ненавистный племянник. Да что там дядя, весь город и весь предел смотрели сейчас за ним.

Деян понимал, что убийство Эдуарда выгодно Видогосту, но доказать ничего не мог. Он приказал Петру Родникову, приставу Тайной стражи найти убийц и вытянуть из них всю правду. Но ничего узнать так и не удалось. Кто-то видел в ночь убийства каких-то странных людей, несших обмотанные тканью колчаны. Продавец мяса видел как накануне воевода разговаривал с офицером Поместной стражи, труп которого потом нашли рядом. И всё. Больше никто ничего не знал, не видел и не слышал. Деян раздосадованно хлопнул ладонью о подлокотник престола. В мирное время в столице предела расстрелять из луков воеводу Старшей дружины, перерезать ему горло, убить заодно офицера Поместной стражи, после чего бесследно исчезнуть. Что дальше?!

Двери открылись и в Большой зал вошёл Всесвет Булатов, князь-воевода Железного войска. Деян сделал жест рукой, приглашая родича подойти поближе. Не было секретом, что Видогост пользовался большим уважением среди бойцов Старшей дружины. Но допустить, чтобы она начала выполнять его распоряжения, означало потерять самую боеспособную часть войска. Деян решил предложить должность её командира Всесвету. К предельному князю он относился с уважением, в близких отношениях с Видогостом замечен не был, а покойного Эдуарда почитал выше всех. Деян надеялся, что во главе Старшей дружины, Всесвет станет его надёжным союзником или по крайней мере не допустит усиления дяди. Князь-воевода Железного войска подошёл ближе к престолу и поклонился.

— Вы звали меня, князь?

— Да, хорошо, что ты так быстро пришёл, — Деян встал с престола и спустился к Всесвету. — Час уже поздний, так что я не буду блуждать вокруг да около. После гибели дяди Эдуарда я нуждаюсь в надёжном человеке, который бы занял его место. Поэтому хочу просить тебя временно стать воеводой Старшей дружины.

О... Князь, — Всесвет на мгновение смутился и задумавшись, потёр лоб пальцами, — а почему вы просто не прикажете?

— Я не хочу приказывать, так как прошу о помощи. Мне известно, что ты годами учился командовать тяжёлыми копейщиками, так что это назначение временное. Месяцев через семь я поставлю тебя обратно на Железное войско.

Всесвет крепко задумался, явно собираясь с мыслями. Долгое время смотрел в пол, слегка прикусив нижнюю губу и наморщив нос. Что хочет предельный князь? Очевидно, ему нужно отдать Старшую дружину кому-то, кто никак не связан с Видогостом. Всесвет оценивающе оглядел владыку Миргорода. Худощавое телосложение, усталое лицо, измученный взгляд. Крайне сточью нужен более твёрдый и решительный правитель, решил наконец он.

— Ну так что, Всесвет, ты согласен? — Деяну явно надоела затянувшаяся тишина.

— Это предложение... Оно, — Всесвет начал медленно, постепенно ускоряя свою речь, — очень неожиданное. Командование Старшей дружиной весьма ответственное и почётное дело. Оно неимоверно важное. Я даже не мог мечтать о такой возможности. Великая честь! Сейчас у меня на действительной службе пятнадцать сотен бойцов. Я их непрерывно тренирую. Пехота должна быть очень хорошо обучена. Вот сегодня я всего час

назад закончил тренировку. Завтра снова на выход. Старшая дружина это конечно-же великая сила. Она наносит удар, истребляет врага. Это как могучие руки. А Железное войско туловище, без туловища не может быть сильных рук. Мой перевод в Старшую дружину сильно скажется на подготовке пехоты. Чтобы этого не случилось мне понадобится помощь, — Всесвет перечислил с десятков фамилий наиболее близких к Видогосту офицеров. — Я был бы рад возглавить Старшую дружину, если меня на неё назначить.

Деян разочарованно посмотрел на Всесвета. В его взгляде Всесвет прочитал полное бессилие и страх. Очевидно, что после смерти Эдуарда юный предельный князь растерял остатки своего влияния и решительности.

Вернувшись в свою комнату, Деян устало сел на ложе, опустил голову на ладони и тяжело вздохнул. Тот поток словоблудия, который излил на него родич сводился только к одному — от командования Старшей дружиной князь-воевода Железного войска отказался. Причём ясно дав понять, что в случае каких-то проблем с дядей, встанет на его сторону. Худо дело! Ладно, по крайней мере теперь понятно, что Всесвет не союзник.

Деян почувствовал спиной движение. Агата. Как он мог забыть, что она должна сегодня придти? Шкура на его ложе зашевелилась и из-под неё, сладко потягиваясь, вылезла любовница. Деян не видел её в темноте, но ощутил близкое нагое тело, его тепло и изящную стать. Тонкие крепкие пальцы плавно, но твёрдо легли на его плечи. Деян почувствовал как через них в его тело потекла мягкая струйка тепла, словно солнце выплеснуло свой луч на утомлённого сырыми подземельями пленника.

— А я пока тебя не было, решила поспать. Мне даже сон приснился. Но не помню про что, — Агата звонко хмыкнула и игриво куснула Деяна в шею. — Раздевайся, чего ты сидишь?

— Устал я чего-то...

— Ну... Мой князь, что ты такой приунывший? Раздевайся, иди ко мне. Давай я помогу.

Агата ловко лишила своего любовника одеяний и они быстро скрылись под мехом. Деян тяжело вздохнул. Всё что накопилось за последние недели, внезапная смерть двоюродного дяди, осознание того, что остался без верных друзей, нескончаемый поток дел и переживаний, окончательно лишили юного князя сил. Он понял, что от усталости не может даже толком пошевелиться. Рядом с ним под мехом лежала самая красивая девушка Миргорода, но он понял, что не хочет её. Сейчас точно. Деян вздохнул ещё раз. Это не укрылось от Агаты.

— Что случилось, любимый? Ты так вздыхаешь, что у меня начинает болеть сердце.

— Всё хорошо, — вяло попытался успокоить сам себя Деян.

— Как же хорошо? Расскажи мне, что происходит. Ты ведь весь бледный.

— Ты видишь в такой темноте, что я бледный?

— Глупый мой, я это чувствую! Признавайся.

— Хотел назначить воеводой Старшей дружины Всесвета, думал, что ему можно доверять. Оказалось, нельзя.

— Отказался?

— Да. У меня никого не осталось, я один. Кругом одни враги.

— Что значит один? — голос Агаты зазвучал обиженно. — А как же я? Меня ты тоже считаешь врагом?

— Нет, ну что ты! Я хотел сказать, что мне некому доверить дружину.

— А как же этот, ну как его, который из Тайной стражи? Он тоже твой враг?

— Пётр Родников? Нет, ты что. Ему я доверяю, тем более, что он служит лично державному князю. Но у Родникова очень маленький отряд, всего пятьдесят бойцов. Даже в моей охране и то больше, что уж говорить про дядины силы.

— Ну так сделай, чтобы у Родникова было много воинов.

— Как же я это сделаю?

— Назначь его воеводой Старшей дружины. Трудно что ли?

Агата говорила не думая, рассуждая наивно как ребёнок. Но почему бы и нет? Ведь это решение! Деян ощутил облегчение, словно тонущий человек, посреди реки вдруг оказавшийся на отмели. Именно так он и поступит. Пётр Родников будет временным воеводой, пока не получится найти более знатного офицера, которому можно будет доверять. Он поцеловал Агату в висок. «Лучше тебя никого нет, — прошептал он ей на ухо. — Просто обними меня». Деян притянул девушку к себе и это усилие выбило из него остатки сил и едва не лишило его сознания. Невидимое глазу сияние, шедшее от тела Агаты, полностью затопило его измученную переживаниями душу. Прильнувшая к нему девушка наполняла Деяна твёрдостью и волей к победе. В её объятиях он наконец смог безмятежно забыться глубоким здоровым сном.

В момент обоюдного наслаждения прогретая жаром очага комната наполнилась женским стоном. Видогост упоённо выдохнул, разметав на затылке Мирины распущенные волосы. Приходя в себя, на какое-то время замер, припав сильной грудью к её стройной спине. Наконец, отдышавшись, неторопливо разлёгся на ложе. Мирина пристроилась рядом с мужем. Она знала, что к Видогосту приезжал гонец, привезший какие-то важные сведения. Чувствовала, что предстоит многое обсудить. Но как всегда бывало перед обстоятельной беседой, прежде чем просить у жены совет, Видогост желал быть убажанным. Тогда разум его очищался от посторонних мыслей о прелестях супруги. Мирина решила начать первой.

— Расскажешь, какие вести принёс тебе гонец? Или сначала возьмишь меня ещё раз?

— Возьму, — Видогост поцеловал жену в губы, — но позже. Я узнал первым, но скоро слух пойдёт по всему городу. Мудрейший Вейкко проиграл битву, его войско уничтожено полностью.

— Кто командовал битвой?

— Твой отец.

— Не удивительно, мой отец бил киврийцев и Вечерних королей, куда уж там хранителям с ним тягаться!

— Верно, конечно. Но я надеялся, что Вейкко сможет вести войну хотя бы несколько месяцев. Или ещё лучше, что разгорится большое восстание. Тогда можно было бы раздавить Деяна не опасаясь окриков из Древгорода. А теперь... Летом Деян женится на твоей сестре и станет непобедим. Придётся до конца дней забыть о престоле.

— Не говори так! Миргородом должен править ты. Ты лучший князь, чем он!

— Может быть, — произнёс Видогост с досадой. — Но князь он, и сейчас всё складывается в его пользу.

— Не говори так, — повторила Мирина. — Мы отравили Любицу и его отравим. Я сама подсыплю ему яд, если будет нужно! — в глазах Мирины блеснули жестокие искры.

— Мне нравится твоя решительность. Но не забывай, что мать Деяна сама шла к могиле, мы лишь подтолкнули её. Когда умер мой брат, она так себя изводила, что никто не удивился

её смерти. А он? Кто поверит, что молодой полный сил князь просто умер?

— Агата говорит, что Деян сильно расстроен из-за смерти Эдуарда.

— Быть расстроенным это одно, а вот внезапно умереть, совсем другое. Баламуты и так смерть воеводы на меня вешают. Думаешь, никто ничего не заподозрит, если умрёт сам князь? Уж твой отец точно пришлёт своих цепных псов, чтобы разобраться. А то и сам сюда с войском нагрянет.

— Ты прав, любимый, — согласилась Мирина. — отравить его мы не можем. Сейчас не получится. Хорошо хоть он не знает, правду о смерти воеводы. Кстати, ты успел поговорить с лучниками?

— Нет, они уходили тайком. Я только получил условленную весточку от мудрейшего Валентина, что его люди добрались без происшествий.

— Так ты не знаешь, — воскликнула Мирина и повернулась лицом к мужу. — Сначала я думала, что эта Агата просто красивая девица и всё. Потом оказалось, что она соображает хорошо...

— К чему ты ведёшь?

— К тому! Она хитрая и жестокая. Ты ведь не знаешь, что убийство воеводы чуть не сорвалось. Когда его заманили в назначенное место, он как-то догадался про опасность и подставил урядника Листкова. Того первым убили, а Эдуард бросился бежать. Лучники его в темноте только ранили.

— Да ну, я не знал! И что было?

— Он ушёл бы, это точно. Но тут Агата завопила, стала на помощь звать. Ему бы, дураку, убежать, а он остановился. Видать, подумал, что её спасать надо. Тут его смерть и настигла.

— Да... — задумчиво протянул Видогост, впечатлённый рассказом жены. — Хорошо, что тебе удалось её к Деяну подослать.

— Я сразу поняла, что она может быть нам полезна!

— Она нам очень полезна. Теперь мы почти всё про Деяна знаем. Но для победы войско нужно, а там поглядим.

— И как у нас с войском?

— В Старшей дружине меня многие уважают и поддерживают. Посмотрим кого Деян воеводой назначит. От его решения многое сейчас зависит.

Лесьяр Строгов, в сопровождении нескольких охранников, объезжал Михайлов луг, на краю которого взятые в плен бойцы Благой рати долбили мёрзлую землю, копая братскую могилу. Среди пленённых ратников Вейкко оказалось около полутора сотен поместных стражников и сыновей Ратных домов. Их обезглавили за измену государству и мятеж против державной власти. Остальных Лесьяр помиловал, пообещав, что если кто-то из них ещё раз поднимет оружие против Дома Строговых, то пощады может не ждать. В качестве наказания на них лишь наложили повинность по рытью ямы для павших на поле брани.

Державный князь рассчитывал, что плохо обученная Благая рать разбежится в самом начале битвы. Но ошибся, враг сопротивлялся до последней возможности. Это и стало причиной больших потерь с обеих сторон. Как подсчитали офицеры Лесьяра, на Михайловом лугу пали девятьсот тридцать ратников державного войска. Около полутора тысяч получили раны. Благая рать оказалась уничтоженной и бежать не смогла. Она

потеряла три тысячи убитыми и тысячу ранеными.

Князь распорядился захоронить погибших в общем рву, вне зависимости от того под чьими знамёнами кто стоял. Только элаитов, тела которых не полагается сжигать, положили в противоположный конец общей могилы. Отдельно находилось лишь захоронение мудрейшего Вейкко. Когда солнце стало клониться к западу, Лесьяр Строгов приказал начинать.

Глубокая яма в человеческий рост была крест на крест накрыта двумя массивными досками. На этом помосте положили одетое в траурные платья тело Вейкко. Поверх траурных одежд, мудрейшего обернули в пропитанные горячим маслом куски погребальной материи жёлтого и красного цвета. Аккуратно уложенные вокруг и поверх тела сухие ветки довершали сооружение.

Державный князь приказал начинать. Искусный из местного станового подворья, вызванный специально для проведения похорон по всем правилам, прочитал заупокойную молитву. Просил Позара и Светлобу провести души павших в битве к Благу, дабы даровать им возможность слиться с ним. Воины запалили с разных концов помост, настеленный над общим рвом. Искусный поднёс зажжённый от храмового очага факел к погребальному костру Вейкко.

Лесьяр Строгов не отрываясь смотрел как языки пламени растекались, охватывая обложенное ветками тело покойного. В десятке шагов уже бушевал пожар, в котором сгорали трупы рядовых ратников. Наконец, доски прогорели настолько, что хрустнули и, выбрасывая искры с дымом, обрушили тело Вейкко в могилу. Стоявшие неподалёку воины, начали закидывать её комьями промёрзшей земли, смешанной со снегом и льдинками.

Глава 15 Лёгкая победа

Тяжёлые весенние тучи нависали со стороны реки. Зима ещё не отступила, но было ясно, что её хватка слабеет. Снег таять пока не начинал, но чувствовалось, как начинают сыреть сугробы, готовые пролиться тысячами ручьёв. Воздух стал пахнуть не морозом, а скорым потеплением. Ещё несколько недель и подует с юга долгожданный горячий ветер, несущий с собой тепло и лето.

С деревянной крепостной стены, опоясывающей Старогулье, предельный князь Суломатья осматривал своё войско, расположившееся в большом лагере к северу от города. Чернек пришёл сюда один, чтобы принять окончательное решение. Никто ему здесь помешать не мог. Лишь чуть поодаль обходил свой участок стены молчаливый стражник. Но предельный князь не обращал на него внимания.

Войско собралось так быстро, как только это было возможно. Такая проворность порадовала предельного князя, не зря он тратил время на их подготовку. Все наличные силы Дома Озеровых открывались глазу в проём бойницы. Старшая дружина, Железное войско, Младшая дружина, Поместное войско племенного союза приплавтов — целых двадцать три тысячи бойцов. Ждут приказа своего князя.

Глава Дома Озеровых был готов драться. Если бы Лесьяр Строгов пришёл со своим войском сюда, Чернек без колебаний вступил бы в битву. Но державный князь не явился. Ни сразу после уничтожения Благой рати, ни через месяц. Тогда Чернек решил, что дождётся письма от Лесьяра. В сложившейся ситуации оно наверняка будет гневным и наполненным укоризной. Тогда его можно будет использовать как повод, чтобы явиться на Михайлов луг и дать там сражение. Но время шло, а писем или посланников так и не было. Державное войско просто продолжало сидеть в бывшем лагере Вейкко. Решимость Чернека начать войну растаяла.

А час назад прибыл его разведчик и донёс, что шесть дней как Лесьяр Строгов снялся с лагеря и ушёл в Гужвоземье. Всё было ясно. Ушёл пока лёд крепок, чтобы не оказаться отрезанным от своих владений вешними водами. Что теперь, брать войско и идти на Древгород? Одних лишь сил его Дома для этого маловато. Юрьевы из Густошумья на осторожное письмо Чернека, написанное с целью узнать точнее их мнение, ответили общим плетением словес о почитании власти державного князя. Храмы даже Вейкко в войне не поддержали, что уж говорить про него. Нападать на державного князя сейчас было равносильно повторению поступка его друга, павшего на Михайловом лугу. Только в ещё более кровавых масштабах. Шанс уничтожить Лесьяра Строгова на своей земле был безвозвратно упущен. Правитель Древгорода переиграл своего подданного. Переиграл... Что остаётся теперь?

Всё! Растает лёд, решил Чернек Озеров, возьму Старшую дружину, сяду на ладьи и поплыву в Древгород присягать державному князю по элаитским обрядам. А войско по домам распустить. На этот раз воинам умирать не придётся.

Правый нижний угол разложенного на столе Ратной палаты чертежа Рустовесской земли стал медленно сворачиваться. Лесьяр Строгов поправил его. Через несколько минут обозначенные на юго-восток от Рустовесья солёные топи, оставшиеся на месте высохшего

моря, вновь потянулись к северо-западу. Скручивающаяся бумага вместе с топами зацепила край Кочевых степей и неумолимо приближалась к нижнему течению Сувы. Всеслав подал отцу бронзовую чернильницу. Лесьяр прижал ей край чертежа. Внимательно проследил проделанный его войском путь от Дреvgорода к Михайловому лугу и обратно. Затем провёл глазами линию к находящемуся юго-западнее Дреvgорода храму Благопроявлений. Конечно, дорога со дня на день раскиснет, но небольшое войско сможет пройти. В крайнем случае спешить не будем, пусть мудрейший понервничает. Поднял взгляд на сына.

— Я доволен тобой, — произнёс Лесьяр. — Не стал расхваливать тебя при всех, но здесь скажу. В моё отсутствие ты отлично справлялся с обязанностями державного князя. Скажу тебе по секрету, специально искал промахи и огрехи, которые ты допустил. Ничего не нашёл. Разговаривал с главными писарями управ, все были о тебе высокого мнения.

— Спасибо, отец. Я рад, что не подвёл тебя. Но что касается главных писарей...

— Что?

— Они могли расхвалить меня, чтобы сделать тебе приятное. Это ещё не значит, что я и правда хорошо справился с делами управ.

— Значит. Этот вопрос я не задавал лично, для меня его выznали доверенные люди невысоких званий. Ещё я знаю, что ты с вечера до ночи читал рукописи в библиотеке Законной управы.

Всеслав смутился.

— Да... Я читал. Это тебе тоже доверенные люди рассказали?

Лесьяр Строгов засмеялся. Он всю жизнь был занят военным делом и управлением государством, и не имел склонности интересоваться вопросами, выходящими за эти рамки. Но старший сын очень любил почитать и поразмышлять над материями, не имеющими отношения к практической стороне княжеской жизни.

— Нет, никто мне не доносил. Просто ты всегда туда заходишь, вот я и решил, что в моё отсутствие менять привычку не станешь. Как видно, угадал. Я не против твоих увлечений. То что ты изучаешь старинные были очень полезно для управления Рустовесской державой. Зная прошлое, можно не допустить его ошибок в будущем. Но вот другие умозрения, зачем они?

— Мне очень интересно читать и размышлять над сложными вопросами.

— Хм, — державный князь улыбнулся. — Так ты может быть знаешь ответ на вопрос, касательно формы Земли?

В глазах Всеслава полыхнул увлечённый огонёк, словно кто-то плеснул на тлеющий уголь горячего масла.

— Я точно не знаю ответ на твой вопрос. Например, Древние утверждали, что Земля круглая.

— Все знают эту присказку. А ты сам что думаешь?

— У меня двоякие мысли, — Всеслав задумчиво погладил ладонью правой руки коротко стриженную голову. — С одной стороны, Земля не может быть круглой. Мы бы с неё просто попадали. С другой стороны, Древние говорили, что она такая. А они знали с нашим мире намного больше нас.

— Государства Древних погибли много тысячелетий назад, — возразил владыка Дреvgорода.

— Сам факт чьей-то гибели не опровергает правоты его взглядов. Но самое главное, в этом вопросе меня смущает небо. Оно доказывает, что Земля может быть шаром.

— Небо? В смысле, сам бог? — Лесьяр насторожился. Если сейчас сын начнёт рассказывать, что Элай говорил с ним, нужно будет запретить наследнику читать посторонние рукописи. Лишь единицы могут говорить с Единым напрямую.

— Да нет, я говорю не про Единого, я про то небо, что у нас над головой.

— Так что с ним?

— Ну смотри, отец, в каком бы месте ты не находился, небо всегда у тебя над головой. Но если посмотреть дальше, то оно начинает клониться к земле, и в конце концов сливается с ней.

— Может быть небо это сфера, как шлем? И если дойти до края Земли, то можно упереться в небосвод.

— Исключено. Насколько может видеть глаз? Не так уж и далеко. Когда на горизонте появляется город, то видно, что небо сливается с ним. И если бы это было так, то приближаясь к этому городу, мы видели бы как небо постепенно опускается к нам на голову. Но этого не происходит никогда! И если это так, то Земля и правда круглая. Но вот почему, мы с неё не падаем, это для меня сложный вопрос.

Лесьяр недовольно сморщился. Сейчас неистовое увлечение Лютогоста ратными упражнениями казалось ему очень даже хорошим делом. По крайней мере, державный князь его прекрасно понимал. Он давно не беседовал по душам со своим наследником и сейчас был поражён тем, что он ему наговорил. Всеслав немедленно замолчал, заметив недовольное лицо отца.

— Да уж, — подвёл итог державный князь. — Я и не думал, что у тебя такие мысли в голове бывают.

— Но ведь они не мешают мне хорошо справляться с обязанностями твоего наследника.

Лесьяр засмеялся. Всеслав подловил его. Действительно, сам только что хвалил сына за то, что справился с обязанностями державного князя, глупо сейчас делать замечание за увлечение чудными мыслями. Хорошо, что наследник умеет держать беседу, а рассуждения о форме Земли не мешают ему практично подходить к управлению государством.

— Отец, — наконец прервал молчание Всеслав, — ты хотел поведать, что у нас с Озеровыми.

— Я скажу, — хитро улыбнулся державный князь, — а ты объяснишь мне зачем я держал войско в лагере так долго.

Всеслав немного озадаченно кивнул головой.

— Чернек воевать уже не будет. Он присягнёт мне летом. Хотя, возможно, что даже ещё весной, когда сойдёт лёд, мы увидим его ладьи и Старшую дружину у нашей пристани.

— Ты уверен в этом, отец? Он написал тебе?

— Нет, мы не обменивались с ним письмами. Просто я очень хорошо знаю Чернека. Мы с ним вместе отражали нашествие киврийцев и Вечерних королей, бились плечом к плечу у Чёрного кургана. До последнего была опасность войны, но теперь не сомневайся, что он приедет. Ну, теперь я жду твоего объяснения.

— Я думаю, отец, что ты стоял в лагере для давления, как бы правильно сказать, на разум князя Озерова. Он был готов защищаться или нападать. Ты не пришёл к стенам Старогуля, значит защищаться ему не пришлось. А для нападения на своего государя нужен обоснованный повод. Пусть даже самый ничтожный. Думаю, что он ждал твоего письма, чтобы в нём найти оправдание для войны. Но не получив никаких вестей от тебя, он утратил терпение и потерял время. А выступать с войском сейчас уже совсем глупо.

— Верно! — тем, как Всеслав разгадал суть его немого противоборства с предельным князем Суломатья, Лесьяр был доволен намного больше, чем увлечениями сына мыслями об изречениях Древних. — Что в других пределах?

— После того как весть о том, что ты, отец, уничтожил Благоую рать, облетела государство, приготовления к принятию Единого пошли полным ходом. Все предельные князья написали, что приедут. В Крайносточье Видогост притих. Деян Булатов сообщил, что очень обрадован твоей победой и может теперь спать спокойно.

— Видогост просто затаился, пусть юный князь не теряет бдительности.

— Прибыл гонец из Содружества Единого. Верховный алим сообщает, что как только элаитство станет господствующей верой, он сразу же назначит в Рустовесскую державу Главного алима.

— Очень хорошо. Значит к осени уже можно будет начинать строительство державной бейты в Древгороде. Ещё что-нибудь?

— Я решил отдать приказ о наборе новых людей в Старшую дружину и Железное войско взамен тех, что пали на Михайловом лугу.

— Всё правильно. Насчёт Старшей дружины... До сих пор не могу понять, как Захар так глупо словил стрелу прямо в глаз?

— На всё воля Единого.

— Истинно так. Нужно назначать нового воеводу. Но с этим можно немного повременить. Желаящих хоть отбавляй. Так, — Лесьяр негромко хлопнул в ладоши, — Всеслав, ты снова остаёшься в столице за державного князя.

— Отец?

— Через два дня я отбываю с отрядом на переговоры в храм Благопроявлений. Хочу предложить благоверам достойные условия. Храмы останутся, но разоружатся и перестанут взимать десятину с пределов. Уверен, главный хранитель Рустовесской державы даст своё добро.

— Предложишь ему что-нибудь большее, чем просто своё слово, отец?

— Дам ему денег. А чтобы он охотнее их взял, у меня под рукой будут воины. Мы одержали лёгкую победу, хоть и не бескровную. Самый опасный час позади. Даже хорошо, что Вейкко выступил против нас с оружием. Из всех мудрейших он был самым умным и опасным. Убить его просто так было нельзя, а живой он мог учинить нам множество препятствий. Но подняв восстание, он погиб и не сможет больше быть помехой единству государства. Теперь воевать никто не станет. Ещё будут недовольства, волнения. Но с годами рустовесцы привыкнут жить под защитой Единого.

Прислужники проводили Лесьяра Строгова в горницу, Ольга сразу же бросилась к нему. Женщина державного князя оделась в лучшие свои платья. Переливающиеся золотом и зелёным блеском дорогих камней серьги приветливо искрились, встречая долгожданного гостя. Хоть и вышла она давно из юного возраста, но сохранила в свои годы величавую красоту. Лишь залегла вокруг глаз усталость в виде лёгких едва заметных морщинок. Да и какие там годы, когда она на девять лет моложе Лесьяра! Князь попытался заговорить, но Ольга прервала его долгим поцелуем.

— Я так скучала по тебе! Хочешь, пойдём ко мне наверх прямо сейчас!

— Нет, слушай... Давай потом.

— Да, конечно! Ты очень устал, мы давно не виделись, давай говорить. Я прикажу подать тебе еды.

— Ольга, не надо, я не голоден.

Лесьяр Строгов усилием воли подавил соблазн отправиться в опочивальню. Сейчас нужно решить важный вопрос, а не идти на поводу у похоти. От напряжения сердце в груди неприятно ухнуло, осыпав воздух между ним и Ольгой взвесью искрящихся белизной пылинок. Ещё не хватает лишиться сознания! Державный князь был храбрым человеком, не боявшимся ни врага на поле битвы, ни тех, кто плетёт заговоры за спиной. Но сейчас он бы предпочёл броситься с одним мечом на строй копейщиков или провести переговоры с Чернеком Озеровым, чем объясняться с любимой женщиной. Однако, выбора не было. Он взял её руку в свои ладони.

— Ольга, давай присядем. Я обещал тебе, что мы поженимся, — мысли Лесьяра Строгова стали предательски путаться. — Я победил своих врагов. Летом элаитство станет государственной религией Рустовесской державы. Его примут все мои подданные. Но мы с тобой не сможем пожениться летом...

Ольга отдернула руку из его ладоней и удивлённо прищурилась.

— Ты... Бросаешь меня, вот так просто?

— Нет, что ты! Я лишь говорю, что мы сыграем свадьбу не летом, а зимой.

— Зимой?

— Летом будет слишком много дел. Но к зиме все вопросы будут решены, к тому же прибудет Главный алим и он совершит над нами таинство бракосочетания. Ты станешь моей женой по новой вере.

— По новой вере, — не успокоилась Ольга, — но не по Законам Мудрости! Значит, я буду женой, но не державной княгиней?

— Тебе же прекрасно всё понятно. Ты родом не из воинского сословия, а значит княгиней быть не можешь. Тебе важен я или мой титул?

— Причём здесь твой титул и моё купеческое происхождение? Когда у нас родятся дети, им тоже не быть князьями?

Лесьяр смутился. Такого вопроса он совершенно не ожидал.

— Какие дети, тебе уже... Достаточно лет. Мы уже больше года вместе и...

— А вдруг? Супруги спят чаще любовников!

— Это ничего не меняет. Ты из купцов.

— Но ведь ты можешь даровать фамилию!

— Могу, но...

— Я построю бейту. Одну, две, сколько скажешь! Хочешь, я за свои деньги вооружу для тебя целое войско и оплачу его содержание. За это ты ведь сможешь дать мне и нашим детям свою фамилию!

— Это не так. Фамилии даруются за ратный подвиг, а не за деньги. Для нашей любви нет и не будет никаких преград, мы будем вместе, ты будешь моей женой. Но не княгиней.

— Да что ты!?! Твой предок даровал купеческому сыну фамилию и не просто фамилию, а сделал его и его потомков Большим Домом!

— Ольга... Всеград Клыков основал новый предел в суровых холодных землях на окраине государства. Он стал воином и его потомки стали воинами. Ты ведь не станешь воином.

— Да... Так вот чего бы тебе хотелось, чтобы я сгнула от тебя подальше на окраине

государства?

— Вовсе нет...

Лесьяр попытался обнять Ольгу, но она оттолкнула его от себя и, усевшись на скамью, залилась горькими слезами. «Уберись от меня», — огрызнулась купеческая вдова, когда державный князь сел рядом и придвинулся ближе. Лесьяр Строгов мысленно выругался. Против женских слёз оружия он не имел. Наконец, решил, что пока будет лучше уйти.

— Так. Послезавтра я отправляюсь с войском в храм Благопроявлений. Пробуду там пару недель. Ты побудь одна, посиди успокойся. Нам лучше не встречаться какое-то время.

Ольга в ужасе застыла, боясь произнести хоть звук. Лишь горячие слёзы продолжали безмолвно стекать по её разгорячённым щекам, оставляя на них сырые следы. Зачем она расплакалась? Её князь, которого она так ценила и уважала, который был ей поддержкой и опорой всё это время наверняка был оскорблён истерикой. Зачем было так упираться? Ведь он хотел взять её в жёны не смотря на то, что по Законам Мудрости не мог этого сделать. А она всё испортила. Дети... После мертворождённой дочери детей у Ольги быть не могло, повитуха сказала это совершенно точно. Но ведь надо было как-то надавить на князя! Перестаралась, теперь Лесьяр уйдёт и больше они никогда не увидятся. Нужно его задержать, переубедить. Но как? Мысль о том, как вернуть возлюбленного сверкнула словно молния, сразу прояснив для Ольги, что надо делать. Тем временем Лесьяр Строгов уже направился прочь. Она вскочила со скамьи и подбежала к нему.

— Пстой, не уходи, — защебетала Ольга, трясущимися руками вытирая слёзы, — прости, что я себя так повела, прости меня, прости. Ты прав, мой князь, нам нужно побыть раздельно. Мне нужно подумать. Тебе нужно управлять Рустовесьем. Я лишь прошу тебя, давай перед тем как ты уйдёшь, выпьем с тобой мёду. Ты подождёшь меня здесь, а я приведу себя в порядок и сразу вернусь.

— Хорошо...

Пришедшей на зов хозяйки прислужнице, Ольга велела подать в её покои кувшин мёда и две одинаковые чаши. Когда девушка выполнила указание, купеческая вдова уже стёрла слёзы и успокоилась. Руки уже не тряслись, мысли стали упорядоченными. Ольга достала из сундука резную шкатулку, украшенную золотом и драгоценными камнями. Пальцы уверенно извлекли под свет свечей стеклянный пузырь, наполненный кристалликами зелёного порошка. «Бескрылая бабочка» — редкий заморский яд. Года три назад его привёз в подарок старший сын Ольги, управлявший семейными делами после гибели отца. «Бескрылая бабочка» не убивала свою жертву. В первые два-три часа после употребления, она повышала принявшему её настроение, проясняла рассудок, придавала бодрости. Но потом, на неделю или на две, насылала болезнь. Как говорили, начинала кружиться и болеть голова, появлялась одышка, сердце начинало болеть и биться чаще. Нужна была половина пузырька, чтобы добиться необходимых последствий. Ольга решила, отдаться на волю Единого. Пусть Элай решает, кого из них двоих коснётся «Бескрылая бабочка». Высыпала четвертую часть содержимого в одну из чаш. Наполнила обе мёдом. Никакого различия не было. Через несколько минут Ольга сама запуталась, куда подсыпала отраву. Если заболит он, то она сможет прийти к нему и своей заботой о князе примирить их ссору и возродить любовь. Если яд ударит по ней, то Лесьяр сжалится над своей болящей беззаконницей и не сможет дальше на неё сердчать. Так они помирятся в любом случае.

Державный князь сидел за столом, когда Ольга внесла серебряный поднос с двумя чашами, отлитыми из «слёз Древних». Обе они были до краёв наполнены хмельным мёдом.

Ольга поставила поднос на стол и присела рядом. Лесьяр Строгов указал взглядом на чаши.

— Какая из них для меня?

— Выбирай любую, мой князь.

Лесьяр улыбнулся и пригубил мёд из чаши, стоявшей ближе к его правой руке. Ольга выпила из той, что осталась. Пили молча. По мере того как кубки пустели, Ольга внимательнее вслушивалась в своё состояние. Кроме лёгкого хмеля, начавшего кружить голову, она ничего не замечала. Когда мёд в кубках был выпит, Лесьяр Строгов встал из-за стола, обнял Ольгу на прощание и добавил:

— Отдыхай, мы увидимся позже, когда я вернусь.

— Конечно же увидимся, — ответила Ольга улыгнувшись.

Державный князь чувствовал себя прекрасно. Так всегда бывает, когда одержишь победу над собой, врагом или даже над близкими. В битве с врагом победой является его уничтожение. Когда побеждаешь себя, то получаешь способность совершать что-нибудь ранее невозможное, превышавшее твои прежние силы. Похоже, что Ольга вняла его словам и смирилась, что ей не стать державной княгиней. Но вот если она действительно родит ребёнка... Как-то это странно, какие могут быть дети в её возрасте? Хотя истинно молвят, что на всё воля Единого. Если родит, никаких непреодолимых проблем это не повлечёт. Его дети от Рады уже утверждены в своём положении, их возможные сводные братья и сёстры от Ольги им ничем не грозят. Может и правда Единый дарует ему возможность подержать на руках своего новорожденного сына или дочь? Это было бы прекрасно! Главное, что Ольга всё поняла и приняла судя по всему. Державный князь улыбнулся, вспомнив как она молча сидела и пила мёд из чаши.

Не дойдя нескольких шагов до Малой трапезной, Лесьяр Строгов услышал голоса Всеслава и Лютогоста. Второй сын рассказывал своему старшему брату о битве на Михайловом лугу.

— Щит мне расколошматил, представляешь? А его щиту хоть бы что! Хороши мастера-оружейники в храме Юма и Живы.

— Плохо дело. И как же тебе удалось с ним сладить?

— Этот самый Дарён боец очень серьёзный. Туго было. Но я его сумел подловить, когда он открылся немного. В живот ему меч всадил, но всё же он мне бок и плечо порезал. Повезло мне просто. А так бы могли вместе с дядей Захаром сюда привезти. Перед нашим выступлением в поход, мне Элли так и сказала: «видела сон, как тебя убил пеший латник в снегу». Я когда в горячке боя его углядел издали, сразу её слова вспомнил. Но ничего, моя взяла!

— С дядей Захаром печально вышло.

— Нечаянность. От такого в битве никто не застрахован. Отец не говорил тебе кого воеводой Старшей дружины назначит?

Лесьяру стало радостно, что его сыновья так дружно разговаривают. Хвала Единому, за это! За мир в семье и за победу в сложной игре по укреплению единства государства. Он вошёл в Малую трапезную. Сыновья сразу встали со скамей, приветствуя своего отца.

— На Старшую дружину я хочу назначить надсотника Арсения Строгова, — сказал Лесьяр, садясь на скамью рядом с сыновьями. — Он достойный человек. Много лет был правой рукой Захара. Хорошо показал себя во время Киврийской войны. Лютогост!

— Да, отец?

— Через два дня мы отправимся в поход к храму Благопроявлений. Тебя я назначаю командиром отряда, который будет меня сопровождать. Так что отбери людей, организуй всё как надо.

— Спасибо, отец, я всё сделаю! — Лютогост засветился от счастья. — Какие отряды взять, в каком количестве?

— Две-три тысячи. А отряды такие, чтобы могли вести полноценный бой и разведку. Сам решай, ты ведь командир. Сделай, не подведи меня. Всеслав, ты остаёшься в Древгороде править от моего имени. Ну в общем, как мы и обсуждали днём.

Всеслав утвердительно кивнул головой. Лесьяр почувствовал как боль сдавила железным кулаком сердце. В глазах его помутилось. Но через какое-то время он отдышался и стало легче. Хорошее настроение опять вернулось.

— Мы смогли обратить самую сложную часть дела в нашу пользу. Теперь нужно закрепить успех и через год-другой мы сможем двигаться дальше. Ладно, у нас ещё будет много времени, чтобы всё обсудить. А пока я иду спать, на сегодня хватит дел.

Лесьяр Строгов вышел из Малой трапезной и отправился в опочивальню. Через несколько мгновений он услышал за спиной удаляющиеся голоса сыновей. Всеслав и Лютогост возобновили свою беседу.

Глава 16 Сон

Он спал и ему снился сон. Северный и южный ветра, попеременно сменяя друг друга, склоняли в разные стороны верхушки вековых деревьев, обступивших большой терем. Серебристое свечение, разбавленное красными, зелёными, синими, коричневыми и чёрными лучами растекалось вокруг этого терема. Вышедшие из леса вооружённые люди окружили терем плотной толпой. Откуда-то с неба, со стороны солнца спустилась женская рука. Вторая рука вылезла из-под земли. Вместе они раздвинули брёвна из которых был сложен терем и достали откуда-то из его глубин большой гвоздь. Затем руки исчезли, а гвоздь упал на землю и, на глазах покрывшись ржавчиной, истлел без остатка. «Исчез», — прокатился по толпе вооружённых людей удивлённый ропот. «Его нет, его больше нет!», — подхватили разноголосицей собравшиеся. После их возгласов терем зашатался. Не сильно, но довольно заметно. От него стали отваливаться сначала отдельные брёвна, потом целые стены. Наконец, целиком стали вываливаться целые комнаты и башенки. Падали на землю и рассыпались грудями дерева. Вооружённая толпа смотрела на происходящее с теремом совсем не долго. Уже через несколько мгновений люди бросились со всех сторон на его развалины и стали сражаться друг с другом. Люди бились, а дом продолжал рушиться. Чьи-то руки подхватили его и перенесли в свалку сражения. И живые и умирающие проваливались под обломки, но не смотря на это продолжали драться. Его схватили и начали душить, шею сдавила чьи-то костлявые пальцы. Рот и горло наполнились землёй и кровью. Дышать стало совершенно невозможно.

Всеслав проснулся. Некоторое время не мог понять, где он находится, делал глубокие вдохи, как человек, вынырнувший из-под воды. Наваждение исчезло и растаяло. Во рту не было ни крови, ни песка. Его супруга, Зима, открыла глаза и вопросительно посмотрела. Всеслав погладил её большой круглый живот, совсем скоро она должна родить.

— Что случилось, муж мой?

— Приснилась гадость какая-то, спи.

— Да уже утро, можно вставать.

Следом за её словами с улицы послышался гул воинского горна. Семь часов утра. Живущих в казармах Бойцов Старшей дружины, не имеющих семей и домов в Древограде, пробуждают к новому дню.

Когда Всеслав закончил завтрак, его жена кивнула прислужнице, и та быстро убрала со стола. Он улыбнулся супруге и Зима ответила ему ласковым взглядом. Всеслав не испытывал к ней никаких тёплых чувств, но уже считал её своим хорошим другом. Для брака заключённого по политическим причинам это было уже не мало. Может, когда она родит что-нибудь изменится? Ждать не долго, скоро станет понятно. Перед глазами возникло лицо его бывшей возлюбленной из Ратного Дома, но Всеслав прогнал её образ из головы. Это дело прошлое, и его нужно уметь оставлять позади, иначе оно не даст житья.

Сын державного князя направился в Ратный зал. Там уже ожидал его писарь, разложивший на столе бумагу и перо, чтобы писать повеление о наборе новых воинов в Старшую и Младшую дружины и в Железное войско. Со двора доносился голос Лютогоста, разговаривавшего с кем-то на повышенных тонах. Продиктовав повеление, Всеслав взялся за

перо, чтобы скрепить его своей подписью и печатью. Однако, занеся руку над бумагой, озадаченно остановился. Посмотрел в окно, где сквозь мутные стёкла уже виднелось весеннее солнце, поднявшееся чуть выше крепостных стен. Капелька чернил зависла на кончике пера, угрожая оставить на повелении кляксу. Солнце достаточно высоко, но где же отец?

— Ты видел державного князя? — спросил Всеслав у писаря.

— Сегодня нет, — ответил тот, подставив под чернильную каплю кусочек ветоши.

Всеслав спустился во двор резиденции, спрашивая всех встречных про отца. Лесьяра Строгова сегодня ещё никто не видел. Может, отправился ночью к своей беззаконнице, Ольге? Лютогост держал Хранителя арсенала за рукав и периодически дёргал, словно не давая ему сбежать.

— Нет, ты мне вот, что объясни, у меня в бою щит рассыпался, как так можно?

— Любой щит расколоть могут, — пытался оправдаться Хранитель.

— Брат, — вмешался в разговор Всеслав, — ты не видел сегодня нашего отца?

— Нет, не видел...

— Пойдём со мной.

— Куда? Мне ещё нужно договорить, да и других дел много.

— Подождёт, пойдём со мной.

Братья поднялись к опочивальне державного князя, дверь была заперта изнутри. Всеслав громко постучал в неё. Никто не откликнулся. Постучал ещё раз, ответом была такая же глухая тишина. «Надо ломать», — сказал Лютогост. Всеслав трижды ударил дверь плечом, она хрустнула, но устояла. «Давай, я», — Лютогост с силой врезал по доскам ногой и деревянный засов сломался. Войдя в комнату, братья застыли на пороге и не сговариваясь переглянулись — Лесьяр Строгов мирно спал на своём ложе, укутавшись в меховое покрывало. Постояв несколько мгновений в растерянности, Всеслав подошёл к отцу и попытался разбудить. Тело было холодным.

— Он мёртв, — одними губами беззвучно прошептал Всеслав.

— Но... Как же так? Он же... — в глазах Лютогоста смешались страх и боль.

— Отец ошибался насчёт древних богов...

Больше книг на сайте - Knigoed.net